ISSN 2542-2197

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2021 12 (854)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2021

12

выпуск 854

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
“MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY”

The year of foundation – 1940

VESTNIK OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITIES

Moscow
FSBEI HE MSLU
2021

12

Issue 854

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
доктор филологических наук, профессор ***Г. Г. Бондарчук***

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Беляков Д. А., канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Бондарев А. П., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Бубнова Г. И., д-р филол. наук, проф. (МГУ им. М. В. Ломоносова)
Воробьев В. В., д-р филол. наук, проф. (РУДН)
Ганин В. Н., д-р филол. наук, проф. (МПГУ)
Глушак В. М., д-р филол. наук, проф. (МГИМО)
Голубина К. В., канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Голубкова Е. Е., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гусейнова И. А., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Евтушенко О. В., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Егорова О. Г., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Захари Михайлов Захариев, д-р ист. наук, проф.
(Федерации дружбы с народами России и СНГ, Болгария)
Захарова Н. В., канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник (ИМЛИ РАН)
Зусман В. Г., д-р филол. наук, проф. (НИУ «Высшая Школа Экономики» в Н. Новгороде)
Ирисханова О. К., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Косиченко Е. Ф., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Космарская И. В., канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Краева И. А., канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Кузнецов В. Г., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Малыгина И. В., д-р философ. наук, проф. (МГЛУ)
Осьминина Е. А., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Порохницкая Л. В., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Потапова Р. К., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Семина И. А., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Силантьев Р. А., д-р истор. наук (МГЛУ)
Сомова Е. В., д-р филол. наук, доц. (МПГУ)
Сорокина Т. С., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Толкачев С. П., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Травников С. Н., д-р филол. наук, проф. (Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина)
Трыков В. П., д-р филол. наук, проф. (МПГУ)
Харитончик З. А., д-р филол. наук, проф. (Минский гос. линг. ун-т, Беларусь)
Хитина М. В., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Ченки А. Дж., д-р наук по славянским языкам
(Свободный университет, Амстердам, Нидерланды; МГЛУ)
Черноземова Е. Н., д-р филол. наук, проф. (МПГУ)
Янулевичене В., д-р филол. наук, проф. (Университет им. М. Ромериса, Вильнюс, Литва)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ВЕРБАЛЬНЫЕ И НЕВЕРБАЛЬНЫЕ ИНДИКАТОРЫ АГРЕССИИ
Андриянова М. В. *9*

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОНЯТИЯ «РАЗУМНОСТЬ»
В АНГЛОСАКСОНСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ПРАВОВЫХ СИСТЕМАХ
Викулина М. А. 18

СОЦИАЛЬНАЯ РЕКЛАМА КАК ПРИМЕР КРЕОЛИЗОВАННОГО ТЕКСТА
Дедюрина Е. Ю. 33

«SECULOS ESCUROS» В ГАЛИСИИ: ЯЗЫКОВОЙ ДЕКАДАНС
ИЛИ БИТВА ПРОДОЛЖАЕТСЯ?
Евдокимова А. А., Гринина Е. А. 42

РЕГУЛЯТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ
СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ РЕКЛАМЫ
Калашникова Е. В., Куницына О. М. 54

КУЛЬТУРА ОРАТОРСКОЙ РЕЧИ ВО ФРАНЦИИ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
(на примере явления [ə] беглого)
Когалова Е. А. 66

MILES DEI КАК ВОПЛОЩЕНИЕ ИДЕАЛА ВОИНА-КРЕСТОНОСЦА
В ЛАТИНСКИХ И СТАРОФРАНЦУЗСКИХ ДОКУМЕНТАХ XII–XIII ВВ.
(на материале «Historia Iherosolymitana» Фульхерия Шартрского и анонимного
«Li Estoire de Jerusalem et D'Antioche»)
Манухина А. О. 77

ЭМОЦИОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА
В ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ СРЕДЕ
Пешкова Н. П. 88

ТИПОЛОГИЯ ДЕНОТАТИВНЫХ И КОННОТАТИВНЫХ СИНОНИМОВ
ИСПАНСКОГО И РУССКОГО ГЛАГОЛОВ
Райтаровский В. В. 99

ДИСКУРСИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АББРЕВИАЦИИ В СФЕРЕ
БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЭПОХУ
ЦИФРОВИЗАЦИИ (на материале специализированной французской литературы)
Терзийска Е. А. 115

ГЕНДЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ НАУЧНОЙ СФЕРЫ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
Томская М. В. 128

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ РОССИИ ВО ФРАНЦУЗСКИХ СМИ В СВЕТЕ
ВОПРОСОВ ЭКОЛОГИИ
Устинова М. С. 139

КОГНИТИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АНГЛИЙСКОГО ЭПИСТОЛЯРНОГО ДИСКУРСА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
Шпетный К. И. 151

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА СУФИЙСКИХ ТЕКСТОВ В МАЛОЙ АЗИИ В XVII В. (На примере рукописей «ВИЛАЙЕТ-НАМЕ-И ХАДЖИ БЕКТАШ»)
Аверьянов Ю. А. 165

ОСОБЕННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ЛИТЕРАТУРНОМ ПЕРЕВОДЕ С ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ (на примере турецкого языка)
Аврутина А. С. 178

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

ОБ ОСНОВНЫХ ИНСТРУМЕНТАХ ЦИВИЛИЗАЦИОННО-КУЛЬТУРНОГО ВЛИЯНИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ» КИТАЯ В ОТНОШЕНИИ СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ
Емельянов А. И., Навдаева М. Е. 189

ФОРМИРОВАНИЕ КАТЕГОРИИ «МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ» КАК ОСНОВЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА В КОНТЕКСТЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
Куликова К. С., Моисеенко Л. В., Шевелева Е. О. 203

CONTENTS

LINGUISTICS

VERBAL AND NON-VERBAL INDICATORS OF AGRESSION
Andriianova M. V. 9

THE MAIN FEATURES OF CONVERBS IN RUSSIAN AND TURKISH LANGUAGES IN A COMPARATIVE PERSPECTIVE
Vikulina M. A. 18

SOCIAL ADVERTISING AS AN EXAMPLE OF CREOLIZED TEXT
Dediurina E. Iu. 33

«SECULOS ESCUROS» IN GALICIA: LANGUAGE DECADENCE OR THE BATTLE CONTINUES?
Evdokimova A. A., Grinina E. A. 42

THE REGULATORY FUNCTION OF VALUES AND THEIR REFLECTION IN THE LANGUAGE OF MODERN GERMAN ADVERTISING
Kalashnikova E. V., Kunitsyna O. M. 54

THE CULTURE OF PUBLIC SPEAKING IN FRANCE: PAST AND PRESENT
(on the example of the phenomena of [ə])
Kogalova E. A. 66

MILES DEI AS THE EMBODIMENT OF THE IDEAL OF A CRUSADER WARRIOR IN LATIN AND OLD FRENCH DOCUMENTS XII–XIII CENTURIES
(based on the material of the "Historia Iherosolymitana" by Fulcher of Chartres and the anonymous "Li Estoire de Jerusalem et d'Antioche")
Manuhina A. O. 77

EMOTIVE FACTORS OF LINGUISTIC LANDSCAPE IN MULTI-ETHNIC ENVIROMENT
Peshkova N. P. 88

TYPOLOGY OF DENOTATIVE AND CONNOTATIVE SYNONYMS OF SPANISH AND RUSSIAN VERBS
Raytarovskiy V. V. 99

DISCURSIVE FEATURES OF ABBREVIATIONS IN THE FIELD OF LIBRARY AND INFORMATION SCIENCE IN THE DIGITAL ERA (in language for special purpose)
Terziyska E. A. 115

GENDER DIMENSION OF SCIENCE IN THE AGE OF GLOBALIZATION
Tomskaya M. V. 128

THE POLITICAL IMAGE OF RUSSIA IN THE FRENCH MEDIA FROM THE PERSPECTIVE OF ECOLOGICAL ISSUES
Ustinova M. S. 139

COGNITIVE-STYLISTIC FEATURES OF THE ENGLISH EPISTOLARY DISCOURSE IN THE MIDDLE AGES
Shpetny C. I. 151

LITERARY STUDIES

FEATURES OF THE LANGUAGE OF SUFI TEXTS IN ASIA MINOR IN THE 17-TH CENTURY (the example of the manuscripts of "Vilayet-Name")
Averianov Iu. A. 165

PECULIARITIES OF INTERCULTURAL COMMUNICATION IN LITERARY TRANSLATION FROM ORIENTAL LANGUAGES (on the example of the Turkish language)
Avrutina A. S. 178

CULTUROLOGY

BASIC INSTRUMENTS OF CIVILIZATIONAL AND CULTURAL INFLUENCE OF CHINA'S SOFT POWER ON LATIN AMERICAN COUNTRIES
Emelianov A. I., Navdaeva M. E. 189

THE FORMATION OF THE CATEGORY OF INTERETHNIC TOLERANCE AS THE BASIS FOR THE CIVILIZATIONAL APPROACH WITHIN THE CONTEXT OF HIGHER EDUCATION
Kulikova X. S., Moiseenko L. V., Sheveleva E. O. 203

Научная статья

УДК 81'23; 81'33; 81'27; 81'42

DOI 10.52070/2542-2197_2021_12_854_9

ВЕРБАЛЬНЫЕ И НЕВЕРБАЛЬНЫЕ ИНДИКАТОРЫ АГРЕССИИ

М. В. Андриянова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, maya29347@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена лингвистическому описанию агрессивного поведения в рамках когнитивного подхода. На примерах российской и английской художественной литературы описывается семантическое поле «агрессия». В статье предлагается фрейм агрессивного поведения, классификация видов и форм агрессии с вербальной и невербальной составляющей. Агрессия чаще всего представлена акциональными объектно-ориентированными глаголами с семой деструкции и сопровождающими агрессию мануальными и мимическими жестами.

Ключевые слова: агрессия, вербальные и невербальные индикаторы, семантическое поле, сема деструкции, фрейм, ассоциативность, когнитивный подход

Для цитирования: Андриянова М. В. Вербальные и невербальные индикаторы агрессии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 12 (854). С. 9–17.
DOI: 10.52070/2542-2197_2021_12_854_9

Original article

VERBAL AND NON-VERBAL INDICATORS OF AGRESSION

M. V. Andriianova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, maya29347@gmail.com

Abstract. The article focuses on the linguistic description of aggressive behaviour of one subject in relation to the other subject / object within the framework of cognitive approach. The semantic field "aggression" is realized on the examples from Russian and British fiction prose. This article offers a frame of aggression and a classification of types and forms of aggression with a verbal and non-verbal component.

CC BY

Key words: aggression, verbal and non-verbal indicators, semantic field, seme destruction, frame, contiguity, cognitive approach

For citation: Andriianova, M. V. (2021). Verbal and non-verbal indicators of agression. Vestnik of Moscow State University. Humanities, 12 (854), 9–17.
DOI: 10.52070/2542-2197_2021_12_854_9

Введение

Одним из проявлений внутреннего состояния человека и отношения к другому человеку является агрессия (агрессивное поведение), лингвистическому описанию которой в рамках когнитивного подхода посвящается настоящая статья.

Релевантными для настоящего исследования являются понятия *агрессия* и *агрессивность*, которые не синонимичны друг другу. Р. Бэрон и Д. Ричардсон предлагают следующее определение агрессии: «Агрессия – это любая форма поведения, нацеленного на оскорбление или причинение вреда другому живому существу, не желающему подобного обращения» [Бэрон, Ричардсон, 1988, с. 21]. Под *агрессивностью* понимаются *намерения* и *установки*, которые содержат агрессивную окраску или являются агрессивными по существу [Антонян, 2015]. Таким образом, агрессия – поступок, поведение человека, агрессивность – особенность характера и темперамента личности, ее намерений и установок [там же].

Современные лингвистические исследования интегрируют знания о человеческой агрессии из других научных сфер – психологии, социологии, антропологии и др. Подобный синтез знаний позволяет рассматривать агрессию не только в качестве биологически адаптивного механизма, а как комплексный процесс, в котором важную роль играет когнитивная составляющая.

Фрейм агрессивного поведения и его наполнение

Агрессия всегда предполагает действия и внешние проявления эмоционального состояния субъекта (агенса) в отношении другого субъекта / объекта (пациенса).

По мнению Л. Р. Камаловой, агрессия «обусловливается средовым контекстом (наличие фрустрации, депривации, внешней агрессии по отношению к данному индивиду, ситуации неопределенности и пр.)» [Камалова, 2016, с. 32].

Для выявления вербальных и невербальных компонентов агрессии в общении, нам представляется необходимым построить фрейм агрессивного поведения по модели, предложенной Ю. Н. Куличенко. Автор выделяет основные этапы развития сценария: *причина – внутреннее состояние – внешнее проявление* (*мимико-жестовые невербальные компоненты*) [Куличенко, 2010].

Далее предлагается фрейм агрессивного поведения, разработанный на основании модели Ю. Н. Куличенко (см. рис.1).

Рис. 1. Фрейм агрессивного поведения. Концептуальная схема

Для лингвистического анализа концепта «агрессия» актуальны позиции 5, 6 и 7 фрейма.

Проиллюстрируем наполнение фрейма на примерах.

> Потом я *начал рвать страницы*, разбрасывая обрывки по всему полу, а этот самый muzh-писатель, как bezumni, *кинулся на меня*, *ощерив* стиснутые желтоватые *zubbja* и выставив вперед руки, как *лапы с когтями*… [Берджесс, URL].

Для описания агрессивных действий автор использует такие внешние проявления агрессии, как глаголы с семой деструкции – *рвать страницы*; глаголы, обозначающие агрессивное поведение; нападки – *кинуться на кого-либо*. Среди невербальных индикаторов агрессии указаны *руки* и *зубы*, причем их «агрессивность» маркирована

посредством сравнения с представителями животного мира – *руки, как лапы с когтями*; *ощерив стиснутые желтоватые zubbja*.

Приведем еще пример, позволяющий проанализировать вербальные характеристики агрессии.

> – Неужто сто́ит, товарищ лейтенант, из-за такого дерьма в штрафной идти? Много будет о себе думать! Если разобраться, ему *в базарный день полкопейки цена <...> Человека кусок*!
>
> – Нет, – отрывисто и еле слышно выговорил Никитин. – Вы всего не знаете, Зыкин, всего – нет...
>
> – Я и говорю, товарищ лейтенант: в дерьме испачкаешься – долго не отмоешься. Его лопатой выгребают.
>
> И тут не выдержал Меженин, его будто ударил кто-то снизу в подбородок, голова вскинулась, *желваки острыми камнями запрыгали на скулах*, *суженные глаза набухли кровяной мутью*.
>
> – *Ах ты падло колхозное!* Меня хоронишь? Сговорились? А ты... *сморчок московский*, так твою растак! Мне угрожаешь? Да еще неизвестно... неизвестно, кто кого... закопает! Меня свалить захотели, падла! *Да я вас зубами!.. Как кость перегрызу!* Вы на меня? На меня? (*Бондарев Ю. Берег. URL: https://www.litmir.me/br/?b=4040&p=1*).

Агрессия выражена пренебрежением и оскорблением субъекта-2 (Меженина) со стороны субъекта-1 (Зыкина) – *ему в базарный день полкопейки цена <...> Человека кусок!* – и реакцией субъекта-2 на личное оскорбление – *Ах, ты падло колхозное!* А ты... *сморчок московский*, *так твою растак!* Вербальная агрессия оскорбленного субъекта-2 (Меженина), готового защищаться как зверь, оформлена в терминах животного мира – *Да я вас зубами!.. Как кость перегрызу!*

В предложенном фрейме агрессии с лингвистической, точки зрения, представляет интерес также пункт 2, а именно – переживание эмоции. По изученным нами материалам, наиболее частая эмоция, сопровождающая агрессию, – это *гнев*. Многие ученые, например Е. П. Ильин, К. Э. Изард, Л. Берковец, полагают, что основным внешним мимическим проявлением гнева являются *суженные или вытаращенные глаза и расширенные ноздри* [Ильин, 2008; Изард, 2006; Беркович, 2005].

Вышеприведенный пример иллюстрирует нарастание эмоции гнева сержанта Меженина, который интерпретировал высказывание Зыкина как личное оскорбление. Гнев как внутреннее состояние человека может иметь внешние проявления. Мимическими проявлениями

эмоции гнева являются следующие скрины: *суженные глаза набухли кровяной мутью*, *желваки острыми камнями запрыгали на скулах*.

В семантическом поле «агрессия» на материале русского языка были выделены:

– акциональные объектно-ориентированные глаголы с семой деструкции: *бить*, *рвать*, *кидаться*, *кричать* и др.;

– существительные с семой агрессии: *крик*, *визг*, *ругань*, *проклятия*, *угрозы* и др.

– соматизмы, мануальные и мимические жесты, сопровождающие агрессию: *суженные* или *вытаращенные глаза*; *сжатые кулаки*; *раздувающиеся ноздри*; *плотно сжатые губы*; *сведенные брови*; *напряжение подбородка*; *блеск в глазах*; *покраснение лица*; *учащение дыхания* – с выделением нехарактерного (аномального) признака соматизма, маркирующего агрессивность (агрессивное поведение).

– артефакты деструкции, предметы, при помощи которых осуществляются агрессивные действия: *кулак*, *пистолет*, *нож* и др.

Приведем примеры из Британского национального корпуса, содержащие агрессивный контент.

Gallagher picked up the *whip*. He *flicked his wrist* and sent it cracking high over Luke's prostrate body <...> If you don't, I'll give you a few more *scars* to remember me by!'… Gallagher brought his arm back and over and laid *the lash* across Luke's bare back. Luke *screamed*, writhing in agony.' Their names!' *Gallagher roared*. Luke shook his head and again Gallagher brought the lash down across his back. Luke's refusal to tell *enraged* him. Then something snapped inside him; all the choked up *hatred* he had for Luke suddenly *spewed out*. He began *to flog* Luke unmercifully, bringing the lash down across back, buttocks and legs again and again. Luke began *to scream* then – *screaming out* names…"

[British National Corpus, URL]

«…Галахер поднял *кнут*. Резким движением запястья он *хлыстнул* кнутом по оголенному телу Люка <...> Если ты не скажешь мне, я оставлю тебе еще парочку *шрамов* на память <...> Галахер замахнулся и нанес *удар* по оголенной спине Люка. Люк *закричал*, корчась от мучительной боли. «Имена!», – взревел Галахер. Люк качнул головой, и он вновь *нанес ему удар по спине*. Отказ Люка говорить приводило Галахера в *ярость*. Внезапно внутри у него что-то щелкнуло, и вся *ненависть*, которую он испытывал по отношению к Люку, *выплеснулась* наружу. Галхер начал *безжалостно хлестать* Люка, снова и снова нанося удары по спине, ягодицам и ногам. Люк завопил, *выкрикивая* имена…

"…Denis had turned the other chair round and now straddled it, his arms crossed and resting along its back, the gun on the tea-chest within easy reach.Don't be *messing me about*,' Denis warned as harshly as he could.' Sure two hundred pounds is nothing to you	«…Дэнис развернул другой стул, оседлал его и облокотился скрещенными руками на спинку и положил *пистолет* на чайный столик, который находился на расстоянии вытянутой руки… – «Не морочь мне голову», как можно *жестче* предупредил Дэнис. – «Конечно, двести фунтов для тебя ерунда».
Cohen's eyes *flashed* with a *sudden steely glint*, and his eyebrows shot up.' Oh? You know how much money I have, do you?' Denis *cursed* to himself for his indiscretion…"	Внезапно в глазах Коуэна появился *суровый металлический блеск*, а брови приподнялись: – «Ух, ты! А ты знаешь сколько у меня денег, что ли? Дэнис *проклинал* себя за свою бестактность…»

[British National Corpus, URL]

Исследованный материал позволяет выявить следующие языковые средства выражения агрессии на английском языке:

– акциональные глаголы деструкции: to flick – *отрывисто наносить удары*, to scream – *кричать*, to flash – *сверкнуть*, to spew out – *выплескивать гнев*, to roar – *реветь*, to flog – *пороть*, to enrage – *приводить в ярость*, to assassinate – *убить*, to stab – *наносить удары колющим или режущем предметом*;

– существительные, содержащие сему деструкции: физическая деструкция – a lash – *сильный удар*, a carnage – *резня*, outrage;

– артефакты деструкции: a whip – *кнут*, a gun – *пистолет*.

– эмоциональные состояния, характеризующие агрессию: the hatred – *ненависть*, rage – *ярость*;

– мануальные и мимические жесты, сопровождающие агрессию: a sudden steely glint – *металлический блеск в глазах*, clenched fist – *сжатый кулак*, flaring nostrails – *раздувающиеся ноздри*.

На основании исследованного эмпирического материала из англоязычной художественной литературы и англоязычных корпусов, а также работ Л. Р. Камаловой [Камалова, 2016] была разработана классификация видов и форм агрессии с вербальной и невербальной составляющей (см. табл. 1).

Таблица 1

Классификация видов и форм агрессии с вербальной и невербальной составляющей

Виды и формы агрессии	Вербальная реализация агрессии	Невербальная реализация агрессии
Прямая физическая агрессия	вербальное описание совершаемых / совершенных / желаемых физических действий деструктивного характера по отношению к другому субъекту; реализуется при помощи частей речи, содержащих сему деструкциии (акциональные глаголы деструкции; лексемы, обозначающие артефакты агрессии и др.)	Проявление мануальных и мимических жестов, сопровождающих агрессию
Прямая вербальная агрессия	Употребление в речи оскорблений, словесной «атаки», упреков и т. д	Повышение голоса, изменение тембра голоса
Косвенная вербальная агрессия	Обсуждение субъекта «за глаза», сплетни, игнорирование и т. д.	Проявление мануальных и мимических жестов, сопровождающих агрессию

Заключение

Эмпирический материал, проанализированный согласно разработанным в статье фрейму агрессивного поведения и классификации видов и форм агрессии с вербальной и невербальной составляющей, позволяет сделать вывод о наиболее типичных языковых средствах выражения агрессии.

Агрессия, кроме обсценной лексики, чаще всего представлена акциональными объектно-ориентированными глаголами с семой деструкции, а также сопровождающими агрессию мануальными и мимическими жестами, с выделением нехарактерного (аномального) признака соматизма, маркирующего агрессивность. В исследованном материале был обнаружен ряд артефактов деструкции, которые используются при применении физической агрессии.

Данная тема требует дальнейшего детального изучения на более объемном материале с применением различных лингвистических методов исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. СПб. : Питер,1988.
2. *Антонян Ю. М.* Теория человеческой агрессии. Почему жестоки люди: монография. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2015.
3. *Камалова Л. Р.* Типология мультилингвальной вербализации эмоционального состояния «Агрессия» (на материале разносистемных данных корпусной лингвистики). М., 2016.
4. *Куличенко Ю. Н.* Репрезентация когнитивного сценария «Страх» в русской и английской лингвокультурах // Вестник Самарского государственного университета. 2010. № 3 (77). С. 120–121.
5. *Бёрджесс Э.* Заводной апельсин. URL: https://www.litmir.me/br/?b=3258&p=5
6. *Ильин Е. П.* Эмоции и чувства. СПб. : Питер, 2008.
7. *Изард К. Э.* Психология эмоций. СПб. : Питер, 2006.
8. *Берковец Л.* Агрессия: причины, последствия, контроль. М. : Прайм-Еврознак, 2005.
9. British National Corpus (BNC). URL: https://www.english-corpora.org/bnc

REFERENCES

1. Be`ron, R., Richardson, D. (1988). Agressiya = Aggression. St. Petersburg: Piter. (In Russ.)
2. Antonyan,Y. M. (2015). Teoriya chelovecheskoj agressii. Pochemu zhestoki lyudi: monografiya = The theory of man's aggression. Why are people cruel? Moscow: YUNITA-DANA : Zakon i pravo. (In Russ.)
3. Komalova, L. R. (2016). Tipologiya mul`tilingval`noj verbalizacii e`mocional`nogo sostoyaniya «Agressiya» (na materiale raznosistemny`x danny`x korpusnoj lingvistiki) = Typology of multilingual verbalization of the emotional state "Aggression". Moscow. (In Russ.)
4. Kulichenko, Yu. N. (2010). Reprezentaciya kognitivnogo scenariya «Strax» v russkoj i anglijskoj lingvokul`turax = Representation of the cognitive scenario "Fear" in Russian and English linguistic cultures. Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta, 3 (77), 120–121. (In Russ.)
5. Burgess, A. Zavodnoj apel`sin = A clockwork orange. https://www.litmir.me/br/?b=3258&p=5
6. Il`in, E. P. (2008). E`mocii i chuvstva = Emotions and feelings. St. Petersburg: Piter (In Russ.)

7. Izard, K. E. (2006). Psihologiya emocij = Psychology of emotions. St. Petersburg: Piter (In Russ.)
8. Berkovecz, L. (2005). Agressiya: prichiny`, posledstviya, kontrol`= Agression: reasons, consequences, control. Moscow: Prajm-Evroznak. (In Russ.)
9. British National Corpus (BNC). https://www.english-corpora.org/bnc

Информаця об авторе

Андриянова М. В. – аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания Московского государственного лингвистического университета

Information about the author

Andriianova M. V. – Postgraduate Student, Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 12.07.2021;
одобрена после рецензирования 09.08.2021; принята к публикации 11.08.2021

The article was submitted 12.07.2021; approved after reviewing 09.08.2021;
accepted for publication 11.08.2021

Научная статья

УДК 81.42

DOI 10.52070/2542-2197_2021_12_854_18

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОНЯТИЯ «РАЗУМНОСТЬ» В АНГЛОСАКСОНСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ПРАВОВЫХ СИСТЕМАХ

М. А. Викулина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, vikulina_maria@mail.ru

Аннотация. В статье предпринимается попытка определить отличие правовых стереотипов от вербализуемых теми же языковыми средствами культурных стереотипов. В качестве иллюстрации автор обращается к понятиям «разумность» и «разумный человек». Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что закрепление признаков правового стереотипа происходит постепенно в процессе интерпретационной деятельности по мере того, как судьи выделяют социоправовые параметры, релевантные для квалификации дел.

Ключевые слова: разумность, правовой стереотип, правовая система, профессиональная картина мира

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00466

Для цитирования: Викулина М. А. Лингвистические аспекты понятия «разумность» в англосаксонской и российской правовых системах // Вестник Московский государственный лингвистический университет. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 12 (854). С. 18–32. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_12_854_18

Original article

LINGUISTIC ASPECTS OF “REASONABLENESS” IN THE ANGLO-SAXON AND RUSSIAN LAW SYSTEMS

M. A. Vikulina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, vikulina_maria@mail.ru

Abstract. The article under consideration is aimed at determining differences between legal and cultural stereotypes verbalized with the same language means. The author turns to concepts “reasonableness” and “reasonable man” in the Anglo-Saxon law system to illustrate differences in cultural and legal stereotypes. The author underlines

that formation of the features of the legal stereotype depends on the interpretation activity, in the course of which judges name social and legal parameters relevant for case qualification.

Key words: reasonableness, legal stereotype, law system, professional worldview

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-012-00466

For citation: Vikulina, M. A. (2021). Linguistic aspects of "reasonableness" in the Anglo-Saxon and Russian law systems. Vestnik of Moscow State University. Humanities, 12 (854), 18–32. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_12_854_18

Введение

В процессе правовой коммуникации происходит формирование когнитивных структур, обеспечивающих успешное «декодирование» высказывания в юридическом дискурсе. Это происходит, в том числе, за счет формирования правовых стереотипов, соотносимых с определенным правовым понятием, в ходе легального толкования вышестоящими судами и интерпретационной деятельности правоприменителей в целом.

Правовые понятия подвергаются стереотипизации в большей степени в системе прецедентного права, где интерпретационные полномочия правоприменителей шире по сравнению с континентальной правовой системой. Более того, историческое развитие доктрины судебного прецедента тесно связано с социокультурным развитием общества в целом: многие понятия были заимствованы из повседневной жизни и приобретали новые смыслы в правовом дискурсе. В настоящее время наблюдается кодификация выражений обыденного языка и формирование на их основе правовых стереотипов, при этом культурный стереотип и правовой стереотип репрезентируются в дискурсе одним и тем же набором языковых средств.

Сформированный правовой стереотип отличается от культурного стереотипа как количеством признаков, так и их характером. Специфика судебного дискурса, внимание к интерпретации и толкованию формулировок правовых предписаний и документов, необходимость установления точных условий применения юридических терминов и выделение квалифицирующих признаков правоотношений приводит к тому, что правовой стереотип, представленный теми же средствами вербализации, что и культурный, приобретает большее количество признаков и представляет собой более жесткую структуру.

Интерпретация понятия «разумность» в англосаксонском праве

Поскольку само существование общества юридически детерминировано, признаки правового стереотипа социально ориентированы: они отражают суть прав и обязанностей, положения регулирующей нормы, характер нарушений и последствия. В качестве примера можно обратиться к понятию *reasonableness* («разумность»). Разумность является оценочной категорией, и в каждом конкретном случае в англосаксонской правовой системе суд анализирует обстоятельства дела для определения того, что можно считать «разумным».

В процессе интерпретационной деятельности правоприменители выделяют критерии *разумности* и характеристики *разумного человека*, которые являются релевантными для определенной ситуации правоотношений. Помимо обыденного понимания *разумности*, как «способности к логическому / критическому мышлению», значимыми для судей становятся такие характеристики, как опыт, знания, возраст, психоэмоциональное состояние, «объём памяти». Как отмечает В. И. Емельянов, «юридически значимым качеством, критерием правомерности актов психической (разумное предвидение, разумное понимание) или физической (разумные меры, разумное ведение дел) деятельности реального субъекта в предусмотренных законом случаях является их соответствие возможному поведению разумного человека в конкретной ситуации» [Емельянов, 2002].

В англосаксонской правовой системе идея разумности напрямую связана с развитием права, и значение, заложенное в слове *reasonable* (разумный), обусловлено не столько буквой, сколько духом закона и отражает представление носителей языка о целях и принципах самой судебной системы.

Одним из основных понятий в английском языке, как в бытовом, так и в профессиональном сообществе, является понятие «reasonable man». Носители языка используют выражение *reasonable man* вне судебного контекста, однако восприятие данного выражения в бытовом и профессиональном дискурсах отличается.

В непрофессиональном (неправовом) дискурсе основным признаком стереотипа *reasonable man* становится «способность к логическому мышлению, разумность, здравомыслие». Пример, приведенный в Cambridge Dictionary (*If you tell him what happened, I'm sure he'll understand – he's a reasonable man*), показывает, что в восприятии

носителей языка «разумный человек» – это человек, способный понять происходящее и адекватно отреагировать на ситуацию[1]. Данное утверждение подтверждается анализом примеров из словаря Oxford Dictionary[2]:

> It is saying that the only way in which we, as a group of *reasonable people*, were able to interpret the provision was in that way.

Словосочетание *to interpret the provision* вербализует *разумность* как способность к адекватной интерпретации положения, в зависимости от обстоятельств.

> That's the only logical conclusion that *a reasonable person* can draw.

В данном примере на способность к логическому мышлению указывает выражение *the only logical conclusion*, тогда как в следующем примере такой признак *reasonable person*, как «опора на здравый смысл и логику», актуализируется глаголом to assume:

> Should a *reasonable person* be able to assume that law and ethics are the same?

Как отмечается в словаре *Tesaurus.com*: «reasonable most often means sensible: A reasonable supposition is one which appeals to our common sense»[3] / «"разумный" очень часто означает "здравомыслящий": разумное предположение – это то, которое соответствует здравому смыслу».

В культурном контексте за словосочетанием *reasonable man* закрепляется стереотип, дифференциальным признаком которого является разумность, рассудительность, способность к пониманию, к логическому мышлению. Культурный стереотип *reasonable man* представляет собой знание о том, что индивид способен воспринять информацию, проанализировать ее и предпринять соответствующие ситуации общения действия, оправдывая ожидания общества. Соответственно, со стереотипом *reasonable man* связаны стереотипы поведения,

[1] Cambridge Dictionary (Online resource) URL: https://dictionary.cambridge.org/ru/ (accessed: 28.06.2021).
[2] Oxford Dictionary Learners. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/ (accessed: 28.06.2021).
[3] Tesaurus.com. URL: https://www.thesaurus.com/ (accessed: 28.06.2021).

восприятия и суждений, культурно обусловленные и считающиеся обществом наиболее приемлемыми и логичными в определенной коммуникативной ситуации.

Признаки правового стереотипа *reasonable man* в англосаксонском праве

В англоязычном правовом дискурсе *reasonable man* – это собирательный образ, обладающий набором релевантных для области права характеристик, и сформированный на его основе стереотип, помимо признаков, присущих культурному стереотипу, обнаруживает дополнительные признаки, такие как определенный уровень образования, базовые навыки и жизненный опыт, типичные для среднестатистического взрослого человека. Впервые заимствованное из естественного языка выражение появляется в судебном дискурсе в деле Вона и Менлова, когда судья должен был оценить разумность деяния и определить факт халатности (*Vaughan v. Menlove 1837*)[1].

Как отмечает Джон Гарднер в предисловии к своей книге «Many faces of the reasonable man», доктрина «здравомыслящего человека» является старейшей и применялась судьями в англосаксонском праве на протяжении ряда веков, и хотя на данный момент в правовой системе по аналогии появился целый ряд активно использующихся стандартов, базовой для судей является доктрина *reasonable man*:

> The reasonable person (once known as the 'reasonable man') is the *longest-established* of the select group of personalities who inhabit our legal village and are available to be called upon when a problem arises that needs to be solved objectively [Gardner, 2015, c. 566].

Слово с оценочным значением *reasonable* входит в целый ряд исторически сложившихся правовых понятий, например: *reasonable man*, *reasonable doubt*, *reasonable suspicion*, *reasonable belief* и т. д., которые на протяжении нескольких веков выступают в качестве стандартов при рассмотрении судебных дел. В юридическом дискурсе за правовым понятием «reasonable man» закрепляется модель поведения и суждения, которая дает судьям четкое представление, как в определенной ***правовой*** ситуации должен действовать человек, обладающий

[1] URL: https://casebrief.fandom.com/wiki/Vaughan_v_Menlove (дата обращения 28.06.2021).

усредненным / стандартизированным набором знаний и навыков и не имеющий проблем с психикой.

Толковый юридический словарь «Black's Law Dictionary» дает следующее определение *reasonable man*:

> A hypothetical person ***used as a legal standard***, esp. to determine whether someone acted with negligence; specif., a person who ***exercises the degree of attention, knowledge, intelligence, and judgment that society requires of its members for the protection of their own and of others' interests***. The reasonable ***person acts sensibly, does things without serious delay, and takes proper but not excessive precautions***. Also termed reasonable man; prudent person; ordinarily prudent person; reasonably prudent person; highly prudent person.

Выражение *used as a legal standard* указывает на то, что при рассмотрении дел *reasonable man* выступает в качестве стандарта, позволяющего соотнести обстоятельства дела и действия / реакцию участника процесса с «идеальной моделью», т. е. с тем, как бы повел себя в данных обстоятельствах среднестатистический человек, обладающий определенным набором знаний, навыков, уровнем интеллекта и внимания, а также суждениями и представлениями, сформированными в данной культурно-исторической среде (*exercises the degree of attention, knowledge, intelligence, and judgment that society requires of its members*). В словарной статье особо отмечается, что данная «идеальная» **модель поведения обусловлена правовыми интересами** (*for the protection of their own and of others' interests*). Правовой стереотип *reasonable man* совпадает с культурным стереотипом в одном из признаков: способность логически мыслить и реагировать в соответствии со здравым смыслом (*person acts sensibly*), однако правовой контекст налагает обязанность на человека действовать безотлагательно (*does things without serious delay*), предприняв все разумные (не чрезмерные) меры предосторожности (*takes proper but not excessive precautions*) и с **учетом прав и обязанностей других участников правоотношений**.

Значительное влияние на формирование признаков правового стереотипа оказывают формулировки и определения, которые дает Верховный суд: поскольку Верховный суд является высшим судебным органом, его решения приравниваются к нормам права, фрагменты решений и определений цитируются всеми нижестоящими судами

и теоретиками права в юридической литературе в ходе правовой аргументации. Соответственно, те признаки, которые Верховный суд выделяет как релевантные для определения модели *reasonable man*, закрепляются в качестве признаков правового стереотипа.

Судьи в процессе интерпретационной деятельности за счет расширительного или ограничительного толкования выделяют характеристики, присущие человеку, действующему в конкретной ситуации правоотношений на основании здравого смысла и разумно с правовой точки зрения, учитывая психоэмоциональные и социокультурные параметры. За счет последующей интерпретации и многократного упоминания данных характеристик судьями разного уровня выделенные черты начинают соотноситься с признаками правового стереотипа.

Следующие примеры из аргументативной части решений Верховного суда демонстрируют признаки стереотипа, актуализирующиеся в правовом дискурсе:

> A jury generally decides whether a defendant has *acted as a reasonable person* would have acted. In making this decision, the jury generally considers the defendant's conduct *in light of what the defendant actually knows, has experienced, or has perceived* (*Официальный сайт Верховного суда США*[1]).

Данный пример показывает, что жюри присяжных принимает во внимание не только фоновые знания среднестатистического взрослого индивида (*what the defendant actually knows*), но и то, что обвиняемый пережил (*has experienced*), как воспринимает ситуацию, и под воздействием каких эмоций находится (*has perceived*). Личностные характеристики, опыт и эмоции обвиняемого присяжные соотносят с поведением и переживаниями «разумного» среднестатистического представителя общества (*as a reasonable person would have acted*), т. е. с принятой в судебном дискурсе «правильной» моделью поведения.

Соотнесение фактической и стереотипной («правильной» для правоотношений) моделей поведения можно продемонстрировать и следующим примером:

> If *a reasonable man* with *the actor's own knowledge and experience plus the knowledge and experience with which he is charged* would perceive a risk in the conduct in question the actor will be held to perceiving this risk. … But even his *mistaken impressions and beliefs are to be taken into account*

[1] URL: https://www.supremecourt.gov (accessed: 20.06.2021).

> *in judging a man's conduct*, and *allowance would be made for them* provided *they are not unreasonable* in the light of *his background and experience* (*URL: https://www.supremecourt.gov*).

Знания и опыт обвиняемого, как представителя определенной социальной, возрастной и этнической группы, соотносятся со знаниями и опытом среднестатистического представителя общества. Предложение *If* ***a reasonable man*** *with* ***the actor's own knowledge and experience plus the knowledge and experience with which he is charged*** *would perceive a risk in the conduct in question the actor will be held to perceiving this risk* говорит о том, что, если бы среднестатистический представитель общества, обладающий теми же знаниями и опытом, что и обвиняемый, отреагировал в данной ситуации аналогичным образом, то и поведение обвиняемого можно считать разумным. Правовой стереотип *reasonable man* предполагает наличие у «разумного» человека фоновых знаний, представлений и убеждений, характерных для представителей всего общества в целом. Модель поведения ответчика / обвиняемого, обладающего большими знаниями и опытом в определенной области, соотносится с тем, как поступил бы на его месте среднестатистический представитель профессионального или иного сообщества, которому аналогичные знания или опыт могут быть доступны.

Наравне с образованием и среднестатистическими знаниями взрослого человека признаком правового стереотипа становятся также эмоции и реакции, типичные для определенной ситуации правоотношений. Одним из признаков стереотипа *reasonable man* является уравновешенный характер индивида и владение своими эмоциями.

Джон Гарднер, ссылаясь на Homicide Act 1957, отмечает:

> Where on a charge of murder there is evidence on which the jury can find that the person charged *was provoked ... to lose his self-control*, the question *whether the provocation was enough to make a reasonable man do as he did* shall be left to be determined by the jury; and in determining that question the jury shall *take into account everything both done and said according to the effect which, in their opinion, it would have on a reasonable man* [Gardner, 2015, c. 568].

Данный пример, взятый из юридической литературы, актуализирует такой признак стереотипа *reasonable man*, как «уравновешенность и контроль над эмоциями» (*provoked... to lose his self-control*,

whether the provocation was enough to make a reasonable man do as he did) и демонстрирует, что в случае, когда разрешение правовой ситуации зависит от того, как суд оценит эмоциональное состояние ответчика / обвиняемого, поведение последнего соотносится со стандартным поведением «разумного человека», находящегося в типичном для данной ситуации эмоциональном состоянии и действующего на основании здравого смысла (*to the effect which*, *in their opinion, it would have on a reasonable man*).

Интерпретируя понятие *reasonable man*, Верховный суд опирается на представление о памяти среднестатистического здорового человека.

> *The normal adult is required to possess the ability to remember* which *a reasonable man* possesses both as to *the character of the phenomena* which he *must remember* and as to *the circumstances* under which he is required to remember them (*URL: https://www.supremecourt.gov*).

Между *normal adult* и *reasonable man* ставится знак равенства, если они обладают одинаковым объёмом памяти, точностью восприятия и воспроизведения событий, а также сроком хранения информации. Верховный Суд уточняет, что человек должен помнить и само явление (*the character of the phenomena*), и сопутствующие обстоятельства (*the circumstances*). Формулировка Верховного суда, опирающаяся на «норму» и дающая общее представление о ней, в дальнейшем становится критерием для нижестоящих судов, а в результате частого применения и цитирования закрепляется в качестве признака стереотипа: «разумный» человек обладает среднестатистической памятью, соответствующей «норме».

Таким образом, согласно результатам нашего исследования, *reasonable man* – это стереотип «разумного» человека, обладающего 1) фоновыми знаниями, типичными для представителя данного общества; 2) навыками, которыми должен обладать среднестатистический взрослый человек; 3) опытом, типичным для всех представителей общества; 4) уравновешенным нравом и «типичными» реакциями; 5) «нормальной» памятью (нефеноменальной и неслабой).

Если культурный стереотип не включает оценку психоэмоционального состояния и предполагает только здравый смысл и способность к логическому суждению, то для правового стереотипа *reasonable man* память, рефлексы, эмоции и психическое состояние

могут оказаться существенными, поэтому они отдельно оговорены в определениях Верховного суда.

Применяя критерий возраста в деле, судьи исходят из того, что возраст подразумевает «сознательный возраст» (не ребенок и не старик), что наглядно демонстрирует следующий пример:

> QUESTION: On your view of this case… *reasonable person doesn't mean 16*. I mean, isn't it… a warning that is designed for a reasonable person, *meaning a reasonable adult*? And so that the situation is… as has been portrayed. It's just an objective thing… that the police are supposed to do (*Yarborough, Warden v. Alvarado 2004*)[1].

В данном примере выражение *reasonable person doesn't mean 16* указывает на то, что в представлении членов профессионального сообщества *reasonable man* – это не подросток. Более того, в данном контексте суд подразумевает под *reasonable man* взрослого человека (старше 18 лет): *a reasonable person*, *meaning a reasonable adult*. Говорящий просит подтвердить, правильно ли он понял, что reasonable person подразумевает «взрослого человека», и это дает основание предполагать, что это было его первой ассоциацией при использовании выражения *reasonable man* в дискурсе. Признак «сознательного возраста» не был выявлен в процессе анализа культурного стереотипа.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод, что культурный стереотип восприятия *reasonable man* и правовой стереотип *reasonable man* имеют общий признак: способность к логическому мышлению, здравый смысл и поведение, обоснованное с точки зрения обстоятельств (*having sound judgement*; *fair and* ***sensible***, ***possessing sound judgment***, *based on* ***using good judgement*** *and therefore fair and practical*), однако правовой стереотип *reasonable man* в англоязычном правовом дискурсе обнаруживает значительно большее количество признаков, нежели репрезентируемый теми же языковыми средствами культурный стереотип.

Понятие «разумность» в российской правовой системе

Несмотря на то, что принцип разумности является относительно новым явлением для российского права, данный критерий широко

[1] URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/541/652/ (дата обращения 28.06.2021)

используется в Гражданском кодексе РФ применительно к цене товара (ст. ст. 524, 738), расходам (ст. ст. 520, 530, 744), мерам, предпринимаемым к уменьшению убытков (ст. ст. 404, 750, 962), ведению дел (ст. ст. 72, 76), замене места передачи товара (ст. 524), предвидению изменения обстоятельств (ст. 451), пониманию интересов присоединившейся к договору стороны (ст. 428), а также в отношении сроков (ст. ст. 314, 345, 375).

В русском языке выражение «разумный человек» является средством вербализации, прежде всего, культурного стереотипа, поскольку в системе российского права на данный момент не сформировалось полностью правовое понятие «разумный человек».

Анализ словарных статей позволяет выделить в русском языке такие значения слова «разумный», как:

1) умеющий мыслить логически, строить суждения;
2) (*о действии* или *суждении*) логичный и последовательный;
3) не превышающий естественную норму в указанных обстоятельствах.

Изучение примеров, заимствованных из русской классики, дает основания выделить в русском культурном стереотипе «разумного человека» те же дифференциальные признаки, что и в культурном стереотипе *reasonable man* – «способность к логическим суждениям и здравомыслию»[1]. Следующие примеры обнаруживают такие признаки культурного стереотипа «разумный человек», как:

– ***умеющий критически мыслить***:

Мы полагаем, что настало время, когда история повелительно требует от честных и *разумных* русских людей, чтобы они подвергли это самобытное всестороннему изучению, безбоязненной критике (*М. Горький. «Две души», 1915*).

– ***дальновидный***:

Захар. Зачем он вызвал солдат? Они об этом узнали… они все знают! И это ускорило его смерть. Я, конечно, должен был открыть завод… в противном случае, я надолго испортил бы мои отношения с ними. Теперь такое время, когда к ним необходимо относиться более внимательно и мягко… и кто знает, чем оно может кончиться? В такие

[1] KartaSlov.Ru – Karta slov i vyrazheniy russkogo yazyka = The map of words and expressions in the Russian Language. URL: https://kartaslov.ru (accessed: 20.06.2021)

эпохи *разумный* человек должен иметь друзей в массах…» (*М. Горький, «Враги», 1906*).

– ***рассудительный***:

На Сахалине среди интеллигенции, управляющей и работающей в канцеляриях, мне приходилось встречать *разумных*, добрых и благородных людей, присутствие которых служит достаточной гарантией, что возвращение прошлого уже невозможно» (*А. П. Чехов. «Остров Сахалин», 1895*).

– ***умный***:

Князь Андрей такое огромное количество людей считал презренными и ничтожными существами, так ему хотелось найти в другом живой идеал того совершенства, к которому он стремился, что он легко поверил, что в Сперанском он нашел этот идеал вполне *разумного* и добродетельного человека (*Л. Н. Толстой. «Война и мир», 1873*).

Однако в настоящее время в русском языке также наблюдается тенденция, схожая с той, что была описана применительно к английскому языку – заимствованное из повседневного языка выражение «действовать разумно и добросовестно», впервые закрепленное в статье 10 ГК РФ (*Добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются*), становится клишированным и подвергается кодификации. Значение заимствованного из естественного языка выражения модифицируется в процессе интерпретационной деятельности, происходит сужение или расширение объёма содержания понятий, а затем кодифицированное понятие приобретает ряд признаков, которые отличаются от признаков значения «неправового» выражения как качественно, так и количественно. В дальнейшем на основании существенных признаков кодифицированного понятия формируется правовой стереотип.

В случае выражения «действовать разумно и добросовестно Верховный суд РФ», разъясняя положения указанной статьи, в большей степени опирается на понятие «добросовестность»:

Оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации. По общему правилу пункта 5 статьи 10 ГК РФ

добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются, пока не доказано иное (*Постановление Пленума Верховного суда*).

В юридической литературе отмечается, что понятие «разумность» является оценочной категорией в российском праве, и в каждом отдельном случае суд принимает во внимание все обстоятельства дела, чтобы определить критерии «разумности». Как пишет А. В. Коновалов, «разумность поведения субъекта гражданского права – это стремление участника гражданского оборота при осуществлении принадлежащих ему прав и исполнении лежащих на нем обязанностей соизмерять свое поведение со здравым смыслом, общими представлениями об осторожности и предусмотрительности и экономической целесообразностью, правами и охраняемыми законом интересами других субъектов» [Коновалов, 2019, с. 19].

В процессе интерпретации в содержании понятия «разумность» выделяются социоправовые компоненты: прогнозирование последствий деяний, осознание объема прав и обязанностей, надлежащее исполнение обязательств, совершение действий с учетом знаний, опыта и разделяемых всеми членами общества представлений. Это можно проиллюстрировать рядом примеров, заимствованных из текстов судебных решений (*Архив судебных решений*[1]):

> Проверив расчет убытков, определенный исходя из расходов на оплату труда вновь принятых специалистов со дня их принятия и расходов на оплату труда специалистов, с которыми сохранены трудовые отношения после введения конкурсного производства, с сентября 2018 года по июнь 2019 года, поскольку В. В. Аминова, *действуя добросовестно и разумно*, должна была уведомить их о предстоящем увольнении за 2 месяца, суды признали его верным[2].

Добросовестность и разумность в данном случае подразумевают осознание взятых на себя обязательств (*должна была уведомить*) и их выполнение в конкретной ситуации правоотношений.

> При решении вопроса о том, должна ли была другая сторона сделки знать об указанных обстоятельствах, во внимание принимается то, насколько она могла, *действуя разумно и проявляя требующуюся от нее по*

[1] URL: http://sudrf.kodeks.ru/rospravo/ (дата обращения 28.06.2021).
[2] Там же.

условиям оборота осмотрительность, установить наличие этих обстоятельств (*Архив судебных решений*).

В данном случае понятие разумности поведения включает не только логическое мышление, но и соотнесение поступков с конкретной правовой ситуацией, оценку действий другой стороны, анализ сложившихся обстоятельств, а также осознание участниками правоотношений своих прав и обязанностей.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, несмотря на то что понятие «разумность» в отечественном праве находится в стадии формирования, в процессе интерпретационной деятельности в содержании понятия уже выделяются юридически релевантные компоненты, представляющие собой условия применения понятия в правовом дискурсе и неприсущие культурному стереотипу «разумного человека», которые в дальнейшем могут послужить основой для закрепления признаков правового стереотипа.

Заключение

Таким образом, можно отметить, что сформированные в процессе интерпретации правовые стереотипы представляют собой закрепленные в обобщенном и схематичном виде специальные знания. Специфика юридического дискурса, императив легального толкования и необходимость интерпретации формулировок, предложенных законодателем, приводит к тому, что правовой стереотип, представленный теми же средствами вербализации, что и культурный, приобретает большее количество признаков. Следовательно, сформированность таких когнитивных структур является залогом успешной правовой коммуникации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Емельянов В. И.* Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. М. : Лекс-Книга, 2002.
2. *Gardner J.* The many faces of the reasonable person. Law Quarterly Review, University of Oxford / Social Sciences Division // Faculty of Law. Sweet and Maxwell. 131 (Oct), 2015. P. 563–584.
3. *Коновалов А. В.* Принцип разумности в гражданском праве // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8 (105). С. 11–21. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39565638

REFERENCES

1. Emelyanov, V. I. (2002). Razumnost, dobrosovestnost, nezloupotrebleniye grazhdanskimi pravami = Reasonableness, good faith and absence of the civil rights abuse. Moscow: Leks-Kniga. (In Russ.)
2. Gardner, J. (2015). The many faces of the reasonable person. Law Quarterly Review, University of Oxford / Social Sciences Division. Faculty of Law. Sweet and Maxwell, 131 (Oct), 563–584.
3. Konovalov, A. V. (2019). Princip razumnosti v grazhdanskom prave = The principle of reasonableness in civil law. Aktualniye problem rossiyskogo prava, 8 (105), 11–21. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39565638 (accessed: 28.06.2021). (In Russ.)

Информация об авторе

Викулина М.А. – старший преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета

Information about the author

Vikulina M. A. – Senior Lecturer at the Department of linguistics and professional communication in law, the Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 12.07.2021;
одобрена после рецензирования 09.08.2021; принята к публикации 11.08.2021

The article was submitted 12.07.2021; approved after reviewing 09.08.2021;
accepted for publication 11.08.2021

Научная статья

УДК 811. 133. 1 ФР.Я

DOI 10.52070/2542-2197_2021_12_854_33

СОЦИАЛЬНАЯ РЕКЛАМА КАК ПРИМЕР КРЕОЛИЗОВАННОГО ТЕКСТА

Е. Ю. Дедюрина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, katerinadedyurina@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассматриваются характеристики креолизованного текста на примере франкоязычной социальной рекламы. Целью исследования является определение характера взаимодействия вербального и невербального компонентов для порождения единого смысла рекламного сообщения. В работе рассматриваются такие невербальные компоненты, как изображение, шрифт и цвет. Материалом исследования служат современные франкоязычные афиши социальной рекламы.

Ключевые слова: реклама, социальная реклама, рекламная афиша, креолизованный текст, семиотика, креолизация

Для цитирования: Дедюрина Е. Ю. Социальная реклама как пример креолизованного текста // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 12 (854). С. 33–41.
DOI: 10.52070/2542-2197_2021_12_854_33

Original article

SOCIAL ADVERTISING AS AN EXAMPLE OF CREOLIZED TEXT

E. Iu. Dediurina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, katerinadedyurina@gmail.com

Abstract. This article examines the characteristics of creolized text on the example of French-language social advertising. The purpose of the study is to determine the nature of the interaction of the verbal and nonverbal components to generate a single meaning of an advertising message. The article deals with such nonverbal components as image, font, and color. The material of the study is modern French-language posters of social advertising.

Key words: advertising, social advertising, advertising poster, creolized text, semiotics, creolization

CC BY

For citation: Dediurina, E. Iu. (2021). Social advertising as an example of creolized text. Vestnik of Moscow State University. Humanities, 12 (854), 33–41.
DOI: 10.52070/2542-2197_2021_12_854_33

Введение

С развитием современных технологий и ускорением ритма жизни, количество обрабатываемой человеком информации растет, в следствие чего восприятие мира по большей части осуществляется с помощью невербальных средств коммуникации. Такими средствами нередко становятся различные визуальные образы: видеоклипы, рекламные афиши, мемы, фотографии в соцсетях и т. д. Визуальные образы не вытесняют текст полностью, однако существенно сокращают его количество, выступая своего рода гибридной формой текста, совмещая элементы, относящиеся к разным семиотическим системам. В связи с этим в последние десятилетия возросло количество исследований, посвященных креолизованным текстам, т. е. текстам, которые характеризуются наличием вербальной и невербальной составляющей. В лингвистике креолизованные тексты также представляют интерес для исследователей, поскольку анализ исключительно вербальной составляющей текста, в котором присутствует иконический компонент, затрудняет понимание общего смысла сообщения.

Понятие «креолизованный текст»

Термин «креолизованные тексты» (далее – КТ) принадлежит отечественным лингвистам Ю. А. Сорокину и Е. Ф. Тарасову. Они понимают их как «тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей (вербальной языковой (речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [Сорокин, Тарасов, 1990, с. 180–181]. Е. Е. Анисимова рассматривает креолизованные тексты как «семиотически осложненные тексты, в структурировании которых задействованы средства разных семиотических кодов, в том числе иконические средства» [Анисимова, 2003, с. 6]. Иконический компонент текста может быть представлен такими элементами, как фотография, рисунок, схема, таблица. Примерами креолизованных текстов являются различные комиксы, плакаты, рекламные афиши.

При исследовании КТ следует принимать во внимание тот факт, что сопровождение текста изображением не является абсолютно

новым приемом. Достаточно обратиться к детской литературе, к различным туристическим буклетам или инструкциям по эксплуатации, чтобы понять, что изображения в тесной связи с текстом сопровождают человека достаточно давно. Однако следует проводить грань между иллюстрированным текстом и креолизованным ввиду того, что данные понятия не являются тождественными. Согласно Ю. Н. Тынянову, иллюстрация – это частный случай истолкования текста, в то время как в креолизованных текстах рисунок является эквивалентом слова [Тынянов, 1993].

Как во фразеологии значение фразеологизма не определяется суммой значений входящих в него единиц, так и значение креолизованного текста не является суммой значений вербальных и невербальных компонентов. Согласно М. А. Кулинич, «изображение и слово в КТ не являются суммой семиотических знаков, их значения интегрируются и образуют сложно построенный смысл» [Кулинич, 2007, с. 12]. Из этого следует, что при анализе КТ необходимо рассматривать знаки различных семиотических систем в их совокупности, так как они выступают как единое целое для порождения единого смысла.

Виды креолизованных текстов

Приведем некоторые классификации креолизованных текстов.

Е. Е. Анисимова выделяет три вида креолизованных текстов:

«1) тексты с нулевой креолизацией (изображение отсутствует или не играет важной роли в организации текста);

2) тексты с частичной креолизацией (вербальная часть может существовать автономно от изображения);

3) тексты с полной креолизацией (вербальная часть не может существовать отдельно от изображения)» [Анисимова, 2003, с. 15].

О. В. Пойманова описывает отношения между вербальными и невербальными компонентами следующим образом:

1) репетиционные (изображение повторяет вербальную часть);

2) аддитивные (изображение привносит значительную дополнительную информацию);

3) выделительные (изображение подчеркивает определенную часть вербальной информации);

4) изобразительно-центрические (изображению отводится ключевая роль, вербальная часть выступает как пояснение к изображению);

5) интегративные (изображение встроено в вербальный текст) [Пойманова 1997, с. 24].

Социальная реклама сквозь призму креолизованного текста

В настоящем исследовании предпринимается попытка проанализировать социальную рекламу как креолизованный текст. Основываясь на приведенных выше типологиях КТ, мы можем сделать вывод о том, что афиши социальной рекламы являются текстом с полной креолизацией, так как изображение является неотъемлемой частью рекламной афиши, а вербальная составляющая афиши не может правильно трактоваться отдельно от невербальной составляющей. Напомним, что социальная реклама – это «вид коммуникации, ориентированный на привлечение внимания к жизненно важным проблемам общества и его нравственным ценностям» [Николайшвили. 2008, с. 9].

Рассмотрим на примерах афиш франкоязычной социальной рекламы как между собой взаимодействуют текст и изображения. Для анализа нами были отобраны афиши, посвящённые различным социальным проблемам французского общества: экология, защита животных, безопасность дорожного движения, нарушение общественного порядка.

Рассмотрим афишу с композиционной точки зрения.

Рис. 1.

1. На данной афише центральным элементом является изображение кабана, который мусорит в метро (см. рис. 1). В левом нижнем углу мы видим рифмованный слоган, написанный крупным шрифтом QUI SALIT UN SIEGE À L'ALLER RISQUÉ AU RETOUR DE SE TACHER (*Кто пачкает сидения в дороге, рискует запачкаться на обратном пути*). В данном слогане рифмуются слова *aller – tacher*, что обеспечивает его запоминание. Интересно отметить, что вместо неопределенного артикля *un* в слогане присутствует иконический компонент в виде иконки линии метрополитена.

Также на афише под основным слоганом присутствует дополнительный текст, набранный мелким шрифтом. Различные шрифты используются для того, чтобы сначала была прочитана более важная информация, которая представлена ярче и крупнее, а затем та информация, которая набрана мелким шрифтом. Типичным элементом афиши является логотип организации, которая является создателем рекламной афиши, в данном случае логотип принадлежит парижскому метрополитену.

Важно отметить, что изображение кабана можно считать визуальной аллегорией, так как традиционно свинья символизирует невоспитанного человека. В данном случае невербальная часть афиши (изображение) привносит значительную дополнительную информацию к вербальной части (слогану), формируя целостное восприятие афиши, наглядно демонстрируя неправильное поведение в общественном транспорте. Согласно классификации О. В. Поймановой, отношения между вербальной и невербальной составляющей афиши могут быть охарактеризованы, на наш взгляд, как аддитивные.

2. Как было отмечено ранее, в афишах социальной рекламы изображение занимает бóльшую часть рекламного плаката, кроме того, согласно Р. Барту, именно изображение человек, как правило, считывает первым [Барт, 1989], в связи с чем выбор подходящей картинки играет ключевую роль для правильного восприятия афиши.

Рис. 2

В ходе анализа нами было установлено, что в зависимости от освещаемой проблемы, картинка может апеллировать к различным эмоциям. В афишах, посвященных дорожному движению (см. рис. 3), картинка может быть устрашающей или отталкивающей, так как авторы прибегают к изображению разбитого лобового стекла, вмятин на машине, различных ушибов после аварии.

Помимо такой эмоции, как страх, соиздатели рекламных афиш делают акцент на сочувствии и сострадании. На афише, посвященной защите животных, изображен грустный пёс. Изображение сопровождается слоганом UN ANIMAL NE PLEURE PAS, IL

SOUFFRE EN SILENCE (*Животное не плачет, оно страдает безмолвно*). Без изображения слоган теряет свою эффективность, так как именно изображение заставляет человека испытывать сострадание к животным, а слоган усиливает эффект. Кроме того, центральную часть изображения составляют грустные глаза собаки, из этого мы можем сделать вывод о том, что невербальная составляющая афиши не только усиливает вербальную часть с эмоциональной точки зрения, но и подчеркивает некоторые смысловые нюансы текста (глаголы *souffrir*, *pleurer*). Таким образом, согласно классификации О. В. Поймановой, отношения между вербальным и невербальным компонентами афиши можно отнести к выделительным.

Рис. 3

3. Обратим внимание на цветовое решение различных видов афиш, так как цвет и шрифт в рекламе, так же как изображение, являются важными невербальными компонентами, оказывающими существенное влияние на формирование образа рекламного сообщения.

В ходе анализа, мы пришли к выводу, что в рекламе, посвященной дорожной безопасности, часто преобладают черно-оранжевые или черно-желтые цвета. На представленной подборке афиш мы видим, что фон и некоторые элементы афиши темные, в то время как слоган афиши выделен желтым цветом (см. рис. 3). Согласно различным трактовкам цвета, сочетание черного и желтого является для человека индикатором опасности, поэтому неслучайно, что знаки дорожного движения или афиши социальной рекламы используют именно это цветовое сочетание.

Рис. 4

Проанализируем цвета в афишах на тему экологии. На подборке представлены афиши, посвященные переработке отходов, расточительному использованию продуктов питания (см. рис. 4). На данных афишах преобладают природные цвета: голубой (цвет неба, воды) и зеленый (цвет травы и деревьев). Человек обычно соотносит два этих цвета с природой, поэтому для афиш на тему экологии выбор представляется нам логичным: у получателя рекламного сообщения формируется позитивный образ афиши, что способствует повышению эффективности рекламы.

Выводы

Вышеизложенный анализ рекламных афиш позволяет нам сделать следующие выводы:

1. Креолизованные тексты требуют выбора адекватной методологии, так как они представляют собой особую систему, в которой смысл порождается не простой суммой входящих в нее вербального и невербального компонентов, а их особым взаимодействием.

2. Креолизованные тексты не являются тождественными иллюстрированному тексту, так как в КТ изображение выступает эквивалентом слову.

3. Существуют различные типологии креолизованных текстов, как основанные на степени креолизации текста, так и на видах отношений, в которые вступают вербальный и невербальный компоненты текста. В афишах социальной рекламы текст и изображение могут вступать в разные типы отношений, такие как аддитивные и выделительные.

4. Невербальный компонент представлен в социальной рекламе с помощью картинок, которые вместе с текстом создают определенный смысл. При этом картинки, в зависимости от освещаемой проблемы, могут быть устрашающими (в особенности в тех случаях, когда речь идет о защите жизни и здоровья), трогательными, провокационными, смешными.

5. Значительное влияние на восприятие оказывает цветовое решение той или иной афиши социальной рекламы. К примеру, для афиш, посвященных проблемам экологии, авторы рекламы используют природные цвета, такие как голубой или зеленый, а для афиш, посвященных дорожному движению – черный и желтый.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф.* Креолизованные тексты и их коммуникативные функция. М. : Наука, 1990.
2. *Анисимова Е. Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М. : Академия, 2003.
3. *Тынянов Ю. Н.* Литературный факт. М. : Высшая школа, 1993.
4. *Кулинич М. А.* Креолизованные тексты в различных типах дискурса (на материале английского языка): монография. Самара : СГСПУ, 2007.
5. *Пойманова О. В.* Семантическое пространство видеовербального текста. М. : Академия, 1997.
6. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика: Поэтика: пер. с. фр. / сост., общ. ред и вступ. ст. Г. К. Косикова. М. : Прогресс, 1989.
7. *Николайшвили Г. Г.* Социальная реклама: теория и практика: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Связи с общественностью» и «Реклама». М. : Аспект Пресс, 2008.

REFERENCES

1. Sorokin, Yu. A., Tarasov, E. F. (1990). Kreolizovanny`e teksty` i ix kommunikativny`e funkciya = Creolized texts and their communicative function. Moscow: Nauka. (In Russ.)
2. Anisimova, E. E. (2003). Lingvistika teksta i mezhkul`turnaya kommunikaciya (na materiale kreolizovanny`x tekstov) = Text linguistics and intercultural communication (based on the material of creolized texts). Moscow: Academia. (In Russ.)
3. Ty`nyanov, Yu. N. (1993). Literaturny`j fakt = Literary fact. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)
4. Kulinich, M. A. (2007). Kreolizovanny`e teksty` v razlichny`x tipax diskursa (na materiale anglijskogo yazy`ka) = Creolized texts in various types of discourse (based on the material of the English language). Samara: SGSPU. (In Russ.)
5. Pojmanova, O. V. (1997). Semanticheskoe prostranstvo videoverbal`nogo teksta = Semantic space of the video verbal text. Moscow: Academia. (In Russ.)
6. Bart, R. (1989). Izbranny`e raboty`: Semiotika: Poe`tika = Selected works: Semiotics: Poetics. Moscow: Progress. (In Russ.)
7. Nikolajshvili, G. G. (2008). Social'naya reklama: teoriya i praktika = Social advertising: theory and practice: a textbook for university students studying in the specialties "Public Relations" and "Advertising". Moscow: Aspekt Press. (In Russ.)

Информация об авторе

Дедюрина Е. Ю. – преподаватель кафедры фонетики и грамматики французского языка факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета

Information about the author

Dediurina E. Iu. – Lecturer, Department of French Phonetics and Grammar, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 12.07.2021;
одобрена после рецензирования 09.08.2021; принята к публикации 11.08.2021

The article was submitted 12.07.2021; approved after reviewing 09.08.2021;
accepted for publication 11.08.2021

Научная статья

УДК 81.04:134.4

DOI 10.52070/2542-2197_2021_12_854_42

«SECULOS ESCUROS» В ГАЛИСИИ: ЯЗЫКОВОЙ ДЕКАДАНС ИЛИ БИТВА ПРОДОЛЖАЕТСЯ?

А. А. Евдокимова[1], Е. А. Гринина[2]

[1]Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, ana.evdokimova@gmail.com

[2]Московский государственный институт международных отошений (У) МИД России, eagrinina@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена одному из этапов развития галисийского языка (XVI–XVIII), который получил название стагнации, или «темных веков». Цель статьи – показать какое место занимает этот период в истории галисийского языка. Материалом для исследования послужили сохранившиеся документы юридического, административного и исторического характера, а также некоторые фольклорные памятники. В качестве методов исследования были использованы описание, сравнительно-сопоставительный анализ, синтез и обобщение. В ходе исследования был сделан вывод о том, что несмотря на языковой декаданс, битва за галисийский язык продолжалась, что и привело сегодня к нормализации галисийского языка.

Ключевые слова: галисийский язык, стагнация, «темные века», языковой декаданс, билингвизм, диглоссия

Для цитирования: Евдокимова А. А., Гринина Е. А. «Seculos Escuros» в Галисии: языковой декаданс или битва продолжается? // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 12 (854). С. 42–53. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_12_854_42

Original article

«SECULOS ESCUROS» IN GALICIA: LANGUAGE DECADENCE OR THE BATTLE CONTINUES?

A. A. Evdokimova[1], E. A. Grinina[2]

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, ana.evdokimova@gmail.co

[1]ana.evdokimova@gmail.com, [2]eagrinina@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to one of the stages of the development of the Galician language (15th–18th centuries), which was called stagnation, or «dark ages». The purpose of the article is to show what place this period occupies in the history of

CC BY

the Galician language. The material for the study was based on documents of a legal, administrative and historical nature, as well as some folklore monuments. Description, comparative analysis, synthesis, and generalization were used as research methods. The study concluded that despite the linguistic decadence, the battle for the Galician language continued, which today led to the normalization of the Galician language.

Key words: the Galician language, stagnation, «dark ages», language decadence, bilingualism, diglossia

For citation: Evdokimova, A. A., Grinina, E. A. (2001). «Seculos Escuros» in Galicia: language decadence or the battle continues? Vestnik of Moscow State University. Humanities, 12 (854), 42–53. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_12_854_42

Введение

Возрастающий интерес к миноритарным и региональным языкам Европы связан, как ни парадоксально это звучит, с успехами глобализации, ведь именно родной язык позволяет человеку, оказавшемуся в новых для него условиях глобализирующегося мира, познать и проявить свою языковую личность. Галисийский язык не является исключением, и с того момента, как он становится коофициальным языком Испании в 1978 году, его изучение носит целенаправленный и планомерный характер. Все усилия галисийских лингвистов направлены, прежде всего, на решение главной задачи, а именно, создание нормы современного галисийского языка. Однако непростая судьба этого романского языка, зародившегося на северо-западе Пиренейского полуострова и пережившего взлеты и падения, не остается без внимания исследователей, ибо ее анализ дает ключ, позволяющий лучше понять его современное состояние.

Истории галисийского языка посвящен целый ряд работ известных лингвистов и социолингвистов. Среди них особое место занимает Рикардо Карвальо Калеро (Carballo Calero R. 1910–1990) – филолог, писатель, специалист в области права, философии и филологии, создатель кафедры галисийского языка и литературы в университете Сантьяго де Компостела, академик Королевской академии галисийского языка. Карвальо Калеро являлся сторонником пропортугальского реинтеграционизма в отношении галисийского языка. Областью его научных интересов была средневековая галисийско-португальская лирика.

Исследованием галисийского языка периода Средневековья и вплоть до XIX века успешно занимался Рамон Мариньо Пас (Ramón Mariño Paz), профессор кафедры Галисийской и португальской филологии

Университета Сантьяго-де-Компостела, главный редактор журнала Verba, сотрудник Института Галисийского языка [Mariño Paz, 1998]. В частности, он опубликовал произведение падре Мартина Сармьенто (padre Martin Sarmiento) «Разговор двадцати четырех деревенских жителей» (Coloquio de veinticuatro rústicos), дополнив его комментариями, представляющими собой подробный анализ тех изменений, которые претерпел галисийский язык в период XV–XIX веков.

Не менее известен галисийский социолингвист Хосе Энрике Монтеагудо Ромеро (Xosé Henrique Monteagudo Romero), секретарь Совета по культуре Галисии, профессор Университета Сантьяго-де-Компостела, академик Королевской академии галисийского языка. Им опубликован целый ряд работ по социолингвистике, истории галисийского языка, вопросам билингвизма.

Признанным авторитетным автором является Хосе Рамон Фрейшейру Мато (Freixeiro Mato, X. R.), профессор кафедры Галисийской и португальской филологии университета А-Корунья. Им создана целая серия монографий и учебников по грамматике и лексике галисийского языка, культуре Галисии, вопросу национальной самоидентификации и т. д.

В отечественной романистике исторические аспекты получили освещение в монографиях Е. М. Вольф «Формирование романских литературных языков: португальский язык» и «История португальского языка», Б. П. Нарумова «Формирование романских литературных языков: современный галисийский язык» и О. А. Сапрыкиной «Язык и словесное творчество средневековой Португалии». Обращение к галисийской тематике в контексте изучения истории португальского языка не случайно, поскольку до середины XIV века существует один галисийско-португальский язык, а его разделение на два разных языка происходит лишь к XVI в. [Вольф, 1983].

Объектом исследования данной статьи является период в истории галисийского языка, получивший название стагнации, или «темных веков» (seculos escuros). Он охватывает три века (XVI–XVIII) и характеризуется тем, что функции галисийского языка постепенно сужаются и оказываются сведенными лишь к одной сфере – бытового общения.

Цель статьи – показать, какое место занимает этот период в истории галисийского языка, стали ли эти три века настоящим языковым декадансом, или носителям галисийского языка удавалось поддерживать его, чтобы не дать совсем угаснуть.

Взлет галисийского языка в Средние века

После падения Римской империи и исчезновения Вестготского королевства в VIII веке на территории Галисии возникают новые феодальные княжества, все они сохраняют латынь в качестве языка официального общения. Формирование отличительных черт галаикороманской речи относят к VI–VIII векам [Нарумов, 2008], таким образом, к концу VIII века формируется галисийско-португальский диалект [Del Moral, 2009]. Некоторые лингвисты, в том числе и Б. П. Нарумов, называют его галисийским диалектом. По мере продвижения реконкисты к югу увеличивается зона распространения галисийского (или галисийско-португальского) диалекта, который накладывается на мосарабский субстрат и дает начало португальскому диалекту [Carballo Calero, 1980]. Галисийский (или галаико-португальский) диалект служит для бытового общения, в то время как латинский язык является языком церкви, администрации, образования и культуры.

Анализ языкового состояния галисийско-португальской речи в период позднего Средневековья позволяет говорить о формировании полноценного литературного языка, имеющего как официальный юридический статус, так и фактический статус. Вплоть до середины XIV века языковая ситуация в Галисии определялась как монолингвистическая, и укреплению престижа галисийско-португальского языка во многом способствовал бурный расцвет галисийско-португальской лирики, начавшийся в середине XIII века при дворах кастильских и португальских королей [Сапрыкина, 2010], а также деятельность королевской канцелярии, которая отказалась от использования латинского языка при составлении деловых документов в пользу понятной всем романской речи [Вольф, 1988]. Однако существовали и экстралингвистические причины, такие как превращение Галисии в 1065 году в независимое христианское королевство со столицей в городе Туй, а затем в 1071–1072 годах присоединение королевства Галисии к Кастилии во главе с Альфонсо VI, ставшим королем Кастилии, Галисии и Португалии (1072–1109), который, в свою очередь, в благодарность за оказанную помощь, выдал замуж за Раймундо Бургундского (1059–1107) и Энрике своих дочерей и разделил Галисию на две части между зятьями. Территория, расположенная к северу от реки Миньо, осталась графством Галисия, ставшим впоследствии королевством (1111), а территория к югу приобрела статус графства Портукаленсис

(1093), также ставшего впоследствии королевством (1143). Существует несколько схем соотношения между галисийским, португальским и кастильским в плане диахронии, но все авторы единодушны в том, что окончательное разделение галисийского и португальского произошло лишь в XIV веке как следствие отделения Португалии от Галисии на стыке XI и XII веков [Евдокимова, 2010]. Одновременно растущая вассальная зависимость Галисии от кастильского двора, по мнению Карвальо Калеро, запустили процессы, которые привели к разрушению единого языкового пространства [Carballo Calero, 1971]. В результате языковой дифференциации сформировались два самостоятельных романских языка – галисийский и португальский, дальнейшее развитие которых будет определяться той социолингвистической ситуацией, в которой они окажутся.

Вплоть до XV века можно говорить о полном господстве галисийского языка в Галисии: 95 % земли принадлежало местным сеньорам и духовенству, вся деловая документация и личная переписка велась на галисийском языке. Обнаружено 326 документов, относящихся к периоду с 1418 по 1422 год, из которых 308 составлены на галисийском языке и лишь 18 – на кастильском.

Языковой декаданс

Языковая ситуация, сложившаяся в Галисии в XVI–XVIII веках, характеризуется тем, что галисийский язык не выдерживает конкуренции с кастильским языком, который, появившись в Галисии в XV веке, в момент создания и укрепления централизованной Испанской империи, активно вытесняет галисийский из всех сфер общественной жизни, оставляя для него одну единственную нишу – сферу бытового общения.

Языковой декаданс выражается, прежде всего, в том, что с XVI века перестает использоваться письменная форма галисийского языка [Monteagudo, 2017], что, в свою очередь, ведет к исчезновению литературы на галисийском языке в этот период. И если вплоть до конца XIV века можно было говорить о полном господстве галисийского языка в Галисии, то начиная с 1416 года, количество официальных документов на галисийском языке резко уменьшается, в то время как на кастильском языке резко возрастает. Вначале это сделанные нотариусами заверения, позднее и сами документы начинают составляться на кастильском. А после 1532 года, которым датируется последняя из

найденных деловых бумаг на галисийском языке, уже не обнаружено ни одного документа на галисийском языке [Нарумов, 2008]. Галисийский язык перестает быть языком делопроизводства.

Среди причин языкового декаданса историки называют, прежде всего, разгром местной аристократической верхушки Галисии, которая сделала ставку на противников будущей королевы Изабеллы Кастильской и проиграла. В результате последовала полная вассальная зависимость от Кастилии. Галисийские исследователи разделяют процесс вытеснения галисийского языка на два этапа [Monteagudo, 1999]. В XV и XVI веках во всех институтах власти насаждаются преданные испанскому престолу чужаки, которые не знают галисийского, в то время как местное население не говорит ни на каком другом языке, кроме родного. На смену монолингвизму постепенно приходит билингвизм. Окончательная кастельянизация знати и духовенства, которая знаменует второй этап (XVII и XVIII века), приводит к полному доминированию в Галисии кастильского языка.

Свою роль в языковом декадансе сыграли также такие факторы, как резкое снижение численности населения в результате различных эпидемий, потеря самостоятельности галисийской церкви, репрессивная языковая политика и т. д. Однако справедливости ради, надо сказать, что запрет на использование миноритарных языков в качестве языка администрации в Испании связан с введением декретов Decretos de Nueva Planta (1707–1716) в начале XVIII в., которые были направлены на Каталонию, Валенсию, Арагон и Майорку [Гринина, Романова, 2019]. В Галисии не было никакой необходимости издавать подобный декрет, поскольку к этому моменту языком администрации уже как полтора века был кастильский.

Таким образом, языковая ситуация в «темные века», видимо, через очень короткий период билингвизма оборачивается диглоссией, т. е. в качестве официального языка используется кастильский, а галисийский ограничивается лишь сферой бытового общения, хотя и абсолютного большинства населения, по некоторым оценкам доходящего до 80 %. Но это большинство составляют, в основном, неграмотные крестьяне. По мнению Энрике Монтеагудо Ромеро, участником языковой ситуации, сложившейся в Галисии к началу XVI века, следует считать также латинский язык, который активно использовался в церкви, в образовании и среди высшей знати. Таким образом, речь должна

идти о триглоссии (латинский среди духовенства и получившей хорошее образование знати, кастильский как язык администрации и средних слоев населения, и бытующий только в устной форме галисийский как язык низших слоев населения) [Monteagudo, 1999].

Последствием языкового декаданса, по мнению Фрейшеро Мато, стало предвзятое отношение к галисийскому языку как языку ненужному, носители которого люди бедные, отсталые и необразованные [Freixero Mato, 2009]. Эти стереотипы, укоренившиеся в испанском обществе, существуют до сих пор и мешают процессу естественного развития галисийского языка, которое, тем не менее, не было прервано совсем в интересующий нас период.

Борьба за галисийский язык

В период стагнации галисийский язык существует, помимо устного бытового общения, в двух формах: с одной стороны, это устное народное творчество, с другой – отдельные и немногочисленные документы административного и исторического характера.

Устное народное творчество (колыбельные песни, притчи, сказки, легенды и т. д.) продолжало развиваться, но сохранилось лишь в виде обрывочной информации. Например, *вильянсикос* – рождественские песни и коплас, получившие распространение по всей Испании [Ferreiro, 1988; Нарумов, 2008].

Письменная традиция как таковая на галисийском языке в этот период отсутствует, хотя официального письменного запрета на использование галисийского языка не существует. Тем не менее до наших дней дошли некоторые документы, среди которых представлены отдельные письма, например жалоба, составленная на имя Карла IV, по поводу возросших налогов в Понтеведра. Не так давно был обнаружен большой манускрипт на галисийском языке, датируемый первой третью XVIII века «История Святой Церкви Ирии Флавии» («Ystoria de la Santa Yglesia de Iria Flavia y translacion a la compostelana»). В этом документе описаны различные этапы истории Галисии, начиная с того момента, как тело апостола Якова было доставлено в Галисию, вплоть до правления короля Хуана II и архиепископа Дона Хуана де Серезуэла в Компостеле. Автор текста Педро Отеро Ромеро и Торрес, адвокат королевского совета при дворе Филиппа V. На сегодняшний день – это наиболее полное описание истории Галисии. Документ составлен на

средневековом галисийском языке, что вызывает огромный интерес лингвистов.

Незначительное количество сохранившихся письменных текстов в этот период Монтеагудо связывает с тем, что то немногое, что создавалось, не было предназначено для издания типографским способом [Monteagudo, 1999]. Среди авторов немногих дошедших до нас литературных произведений следует назвать, в первую очередь, Диего Сернадас и Кастро, священника и писателя, который создает произведение в стихах и прозе о легендах Галисии в семи томах, написанное на кастильском и галисийском языках[1]. Другим видным деятелем эпохи Просвещения в Галисии становится Хосе Андрес Корниде де Фолгейра и Сааведра, который наряду со многими произведениями на галисийском языке пишет сонет «A Filida», критикующий политику централизма, проводимую властями[2]. Поразительно, что в Галисии до XVIII в. литературные произведения на латинском и кастильском языках практически отсутствуют [Monteagudo, 1999].

В XVIII веке в борьбу за галисийский язык включаются отдельные представители интеллигенции. Одной из ключевых фигур является монах бенедиктинского ордена падре Мартин Сармьенто (1695–1772), которого Антон Сантамарина называет предвестником галисийского возрождения [Santamarina, 1995]. Ученый и эрудит, он интересовался ботаникой и медициной, историей и археологией, математикой и экономикой [Нарумов, 2008]. Падре Сармьенто ведет большую просветительскую работу, настаивает на необходимости преподавания галисийского языка в школах и использовании его на службах в церкви, поскольку, по его мнению, верующие, исповедуясь, не уверены в том, что священник их понимает [García González, 1986].

Среди филологического наследия, оставленного падре Сармьенто следует упомянуть книгу, написанную в 1745 году во время своего путешествия по Галисии под названием «Разговор двадцати четырех деревенских жителей» («Coloquio de veinticuatro rústicos»), куда включены народные песни – коплас. Именно благодаря этой книге мы знаем, каким был галисийский язык середины XVIII века. Фундаментальным трудом становится опубликованный в 1768 году галисийский

[1] *Cernadas y Castro D. A*. (1988). Obras del cura de Fruíme. Alvarellos editora.
[2] Cornide de Folgueira y Saavedra J. A. A Filida. 1761. URL: https://gl.wikisource.org/wiki/Soneto_(a_Filida).

этимологический словарь, объясняющий происхождения галисийских топонимов. Нельзя также не упомянуть трактат «Исследование происхождения и формирования галисийского языка», название которого говорит о поднимаемых автором проблемах.

Более того, в XVII–XVIII веках в защиту галисийского языка выступают многие деятели церкви. Например, Падре Фейхоо пишет трактат «Teatro crítico universal», в котором утверждает, что галисийский – это не диалект и не испорченный кастильский, а язык равный кастильскому и португальскому[1].

Кстати, в том числе и под влиянием просветителей в 1780 году Карлос Третий издает королевский указ о том, чтобы дети обучались в школах на родном языке.

Заключение

«Темные века» оказались очень непростым временем для Галисии. На первый взгляд кажется, что в этот период галисийцы теряют не только сам язык, но и свою самобытность, полностью растворяясь в кастильской культуре. Однако это не так. И об этом свидетельствуют не только чудом сохранившиеся немногочисленные памятники галисийской письменности, но и сознательная и целенаправленная деятельность галисийских просветителей, стремящихся уравнять галисийский язык в правах с другими романскими языками.

Таким образом, в период стагнации, несмотря на полный языковой декаданс, битва за галисийский язык продолжалась. И если бы это было не так, мы бы сегодня вряд ли могли бы говорить о нормализации галисийского языка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Mariño Paz, R.* (1998). Historia da lingua galega. Santiago de Compostela: Sotelo Blanco Edicións.
2. *Вольф Е. М.* Формирование романских литературных языков: португальский язык. М. : Наука, 1983.
3. *Нарумов Б. П.* Формирование романских литературных языков: современный галисийский язык. М. : ЛКИ, 2008.

[1] *Feijoo B. J.* (1778). Teatro crítico universal. Tomo primero. Discurso XV (1726). Edición de Madrid por D. Joaquín Ibarra, Impresor de Cámara de S. M.

4. *Del Moral R.* Historia de las lenguas hispánicas contada para incrédulos. Barcelona: Ediciones B. 2009.
5. *Carballo Calero R.* A fortuna histórica do galego // Aracil Ll.V. et al. Problemática das linguas sen normalizar / Situación do galego e alternativas. Ourense: Galiza Editora. 1980.
6. *Сапрыкина О. А*. Язык и словесное творчество средневековой Португалии. М. : КРАСАНД, 2010.
7. *Вольф Е. М*. История португальского языка. М. : Высшая школа, 1988.
8. *Евдокимова А. А.* К вопросу о формировании языковой ситуации в Галисии: диахронический аспект: материалы IV Международной научной конференции испанистов «Перспективы глобального мира сквозь призму испанского языка и культуры». М. : МГИМО (У), 2010. С. 126–127.
9. *Carballo Calero R.* Sobre lingua e literatura galega. Vigo: Editorial Galaxia. 1971.
10. *Monteagudo Romero H*. Lingua e Sociedade en Galicia // Labor Histórico. Vol. 3. # 1 jan. / jun. Universidade Federal do Rio de Janeiro. 2017. P. 14–48.
11. *Monteagudo Romero H.* Historia social da lingua galega. Vigo: Galaxia. 1999.
12. *Гринина Е. А., Романова Г. С.* Посеяв ветер, пожнешь бурю. Языковая политика и судьбы испанского языка (Каталония, Перу, Филиппины) // Международные процессы. 2019. № 3 (58). Т. 17. С. 66–79.
13. *Freixeiro Mato X. R.* Lingua de calidade. Vigo: Edicións Xerais de Galicia. 2009.
14. *Ferreiro M.* Unha ruptura na literatura galega: Os séculos escuros // A nosa literatura / Unha interpretación para hoxe. A Coruña: A. C. Alexandre Bóveda. 2a ed. 1988.
15. *Santamarina A.* Norma e estándar // Estudios de sociolingüística galega sobre a norma do galego culto. Vigo: Galaxia, 1995. P. 53–98.
16. *García González C.* The Galician as a language of culture // 1 Serie. 1 Lecture. LECTURE SERIES: Mapa lingüístico de la España actual. Summary of the series. 1986. URL: https://www.march.es/es/ buscador/tipo/acto/media-type/ conferencia-54?p2=3&p3=5450

REFERENCES

1. Mariño Paz, R. (1998). Historia da lingua galega. Santiago de Compostela: Sotelo Blanco Edicións.
2. Wolf, E. M. (1983). Formirovaniye romanskikh literaturnykh yazykov: portugal'skiy yazyk = Formation of Romance Literary Languages: Portuguese. Moscow: Nauka. (In Russ.)
3. Narumov, B. P. (2008). Formirovaniye romanskikh literaturnykh yazykov: sovremennyy galisiyskiy yazyk = Formation of Romance Literary Languages: Modern Galician Language. Moscow: LKI. (In Russ.)

4. Del Moral, R. (2009). Historia de las lenguas hispánicas contada para incrédulos. Barcelona: Ediciones B.
5. Carballo Calero, R. (1980). A fortuna histórica do galego. Aracil Ll.V. et al. Problemática das linguas sen normalizar / Situación do galego e alternativas. Ourense: Galiza Editora.
6. Saprykina, O. A. (2010). Yazyk i slovesnoye tvorchestvo srednevekovoy Portugalii = Language and verbal creativity of medieval Portugal. Moscow: KRASAND. (In Russ.)
7. Wolf, E. M. (1988). Istoriya portugal'skogo yazyka = History of the Portuguese language. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)
8. Evdokimova, A. A. (2010). K voprosu o formirovanii yazykovoy situatsii v Galisii: diakhronicheskiy aspect. Materialy IV mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii ispanistov. Perspektivy global'nogo mira skvoz' prizmu ispanskogo yazyka I kul'tury = To the question of the formation of the language situation in Galicia: the diachronic aspect. In: Materials of the IV International Scientific Conference of Hispanists. Prospects for global peace through the prism Spanish Language and Culture: Research and Teaching. (126–127). Moscow: MGIMO (U). (In Russ.)
9. Carballo Calero, R. (1971). Sobre lingua e literatura galega. Vigo: Editorial Galaxia.
10. Monteagudo Romero, H. (2017). Lingua e Sociedade en Galicia // Labor Histórico, 1, 14–48. Vol. 3. Universidade Federal do Rio de Janeiro.
11. Monteagudo Romero, H. (1999). Historia social da lingua galega. Vigo: Galaxia.
12. Grinina, E. A., Romanova, G. S. (2019). Poseyav veter, pozhnesh' buryu. Yazykovaya politika i sud'by ispanskogo yazyka (Kataloniya, Peru, Filippiny). Mezhdunarodnyye protsessy = «You reap what you sow». Language policies and linguistic situation in former and current Spanish territories (Catalonia, Peru, Philippines). International Trends, 3 (58), 66–79. T. 17. (In Russ.)
13. Freixeiro Mato, X. R. (2009). Lingua de calidade. Vigo: Edicións Xerais de Galicia.
14. Ferreiro, M. (1988). Unha ruptura na literatura galega: Os séculos escuros // A nosa literatura / Unha interpretación para hoxe. A Coruña: A. C. Alexandre Bóveda. 2a ed.
15. Santamarina, A. (1995). Norma e estándar // Estudios de sociolingüística galega sobre a norma do galego culto (p. 53–98). Vigo: Galaxia.
16. García González, C. (1986). The Galician as a language of culture. 1 Serie. 1 Lecture. LECTURE SERIES: Mapa lingüístico de la España actual. Summary of the series. https://www.march.es/es/buscador/tipo/acto/media-type/conferencia-54?p2=3&p3=5450

Информация об авторах

Евдокимова А. А. – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета

Гринина Е. А. – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры испанского языка Московского государственного института международных отошений (У) МИД России

Information about the authors

Evdokimova A.A. – PhD (Philology), Associate Professor at the Department of Linguistics and Professional Communication in Law, the Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University

Grinina E. A. – PhD (Philology), Associate Professor, Associate Professor at the Department of the Spanish language, MGIMO (U) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию 12.07.2021;
одобрена после рецензирования 09.08.2021; принята к публикации 11.08.2021

The article was submitted 12.07.2021; approved after reviewing 09.08.2021;
accepted for publication 11.08.2021

Научная статья

УДК 81.42, 811.112.2

DOI 10.52070/2542-2197_2021_12_854_54

РЕГУЛЯТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ РЕКЛАМЫ

Е. В. Калашникова[1], О. М. Куницына[2]

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
[1]katarinochka21@yandex.ru
[2]kunitsyna_mglu@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена функционированию ценностей в обществе. Рассматривается их отражение в языке современной немецкой рекламы. Дается краткое описание механизма возникновения и распространения ценностей. Приводится рейтинг ценностей современного немецкого общества. Особое внимание уделяется регулятивной функции, рассматриваемой на примере современных рекламных текстов. Реклама оказывает влияние на массовое сознание и внедряет новые ценности, транслируя их для привлечения внимания.

Ключевые слова: ценность, ценностные ориентации, регулятивная функция, рекламный текст, язык рекламы

Для цитирования: Калашникова Е. В., Куницына О. М. Регулятивная функция ценностей и их отражение в языке современной немецкой рекламы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 12 (854). С. 54–65. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_12_854_54

Original article

THE REGULATORY FUNCTION OF VALUES AND THEIR REFLECTION IN THE LANGUAGE OF MODERN GERMAN ADVERTISING

E. V. Kalashnikova[1], O. M. Kunitsyna[2]

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
[1]katarinochka21@yandex.ru
[2]kunitsyna_mglu@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the functioning of values in society. Their reflection in the language of modern German advertising is considered. A brief description of the mechanism of the emergence and dissemination of values is given. The rating of values of modern German society is given. Special attention is paid to the regulatory function, which is considered on the example of modern advertising texts. Advertising influences the mass consciousness and introduces new values, broadcasting them to attract attention.

Key words: value, value orientations, regulatory function, advertising text, advertising language

For citation: Kalashnikova, E. V., Kunitsyna, O. M. (2021). The regulatory function of values and their reflection in the language of modern German advertising. Vestnik of Moscow State University. Humanities, 12 (854), 54–65.
DOI: 10.52070/2542-2197_2021_12_854_54

Введение

Вне зависимости от времени и места ценности всегда становились для человека ориентиром и тем самым создавали фундамент для индивидуальной и общественной этики, они направляли деятельность каждого человека и регулировали жизнь общества в целом.

В любом обществе есть тенденция к созданию и использованию материальных объектов важных для жизнедеятельности человека. Основные тенденции потребительских интересов находят отражение в рекламных текстах. Но чтобы понять то, в чем именно нуждается человек, на что он в первую очередь обращает внимание, что выберет объектом своего потребления, нужно проанализировать его ценностные ориентиры. Они на протяжении всей жизни человека являются непосредственной составляющей его благополучного существования и определяют круг его желаний и потребностей.

Социокультурные условия возникновения и функционирования ценностей

Вопрос о возникновении и распространении ценностей может рассматриваться с историко-философской, психологической, нейробиологической и социологической перспективы. Последняя исследует, в свою очередь, возникновение ценностей в рамках общества, условия их распространения, функционирования и угасания, процессы смены ценностей и их основные функции.

В историческом плане происходило развитие понятия «ценность», в котором одно понимание этого феномена приходило на смену другому. Такие процессы тесно связаны с социокультурными изменениями, которые вызваны, в свою очередь, всеобщими проблемами, как, например, экономические кризисы, изменение климатических условий [Krobath, 2009]. В рамках данной статьи за основу возьмем определение Л. В. Сурженко, которая рассматривает ценность как

«социальный феномен, который является важным связующим звеном между личностью, ее внутренним миром и окружающей действительностью. Ценности конкретной личности формируются под влиянием социальной среды» [Сурженко, 2011, с. 10].

Условия, при которых закрепляются и распространяются новые ценности, предельно понятны: чем лучше они выполняют свои функции по ориентированию и вносят вклад в улучшение качества жизни, тем раньше они принимаются во внимание. И всё-таки в большинстве случаев можно ожидать сопротивления консервативных групп или отдельных личностей, которые из-за переоценки ценностей прежде всего боятся, что это навредит их власти, и их частные интересы станут неважными. При значительной убедительности новых ценностей, при хорошей коммуникативной структуре и большом влиянии людей, которые поддерживают новые ценности, они, в свою очередь, быстрее распространяются среди широкой публики. Затем следует закрепление этих ценностей с помощью символов и институционализации, при которой ценности превращаются в нормы и могут быть одобрены [Krobath, 2009].

Таким образом, одни ценности со временем исчезают, другие меняются или возникают новые. Очевидно, что возникновение ценностей в разных культурах находится под влиянием многих факторов. По мнению немецкого социолога К.-Х. Хильмана, на вопрос о происхождении и возникновении нельзя дать точного ответа, так как невозможно установить временну́ю шкалу, в которой отмечены ценности с их происхождением, дальнейшим развитием и распадом. В том числе и потому, что ценности существуют давно: сколько человечество живет в обществе, столько и ценности развивались и менялись вместе с социокультурным образом жизни. Кроме того, достаточно сложно закрепить «новые» ценности за определенным временны́м отрезком, так как большинство сформировалось из уже существующих [Hillmann, 2003].

Ценности выполняют в обществе определенный набор функций. Н. А. Журавлева выделяет следующие функции: ориентационную, мотивационную, оценочную, интеграционную, нормативную и социокультурную функции, а также функцию целеполагания [Журавлева, 2006]. Таким образом, ценности помогают человеку ориентироваться в социальном пространстве, определять приоритеты, находить

и фиксировать свои интересы и дальнейшие направления деятельности, объединяться в группы единомышленников, выстраивать отношения. Ориентационную, нормативную и социокультурную функции можно объединить под общим названием регулятивная.

Регулятивная функция позволяет человеку выделить основные ценности, сформировать целую систему норм и требований, которыми он будет руководствоваться в своем поведении во всех областях жизни и деятельности. Ценности являются составной частью морали, религии и культуры, которые, в свою очередь, регулируют поведение людей, обозначая ценностные полюсы и помогая человеку различать добро и зло, справедливость и несправедливость, красоту и безобразие. Ценности задают рамки для формирования общественного идеала и представляют собой основу духовного идеала.

В обществе человек имеет определенную свободу действий, свободу личного выбора и индивидуальных предпочтений, но при этом ориентируется на общезначимые ценностные ориентиры и принимает решения, сверяя свои действия с общепринятыми идеалами. Отталкиваясь от ценностей, заложенных в обществе, человек создает свои культурные предметы с определенными свойствами, он запечатлевает в материальном предмете свой образ мира и представление о нем. Культура и искусство представляют собой очень сложную знаковую систему, которая создает объекты духовного освоения для других, с одной стороны, опираясь на общепринятые ценности, а с другой – на способность создавать новые смыслы [Мялкин и др., 2005].

При активном смыслопорождении и постоянном повторении этих, заложенных в сообщение или объекте культуры смыслов, в сознании людей могут закрепляться новые идеалы.

Исследуемый нами рекламный текст может представлять собой инструмент для формирования и закрепления определенных ценностей, которые он транслирует. Для одних людей он может подкреплять и выражать существующие уже для них ценности, но для определенной группы лиц реклама используется как структура, в которой продвигаются новые ценности.

Итак, регулятивная функция ценностей характеризуется регулированием поведения личностей в определенных социальных условиях. Человек постоянно оценивает свое поведение и деятельность с позиции общезначимых требований. Наблюдая транслируемые новые

ценности, он постепенно корректирует свое поведение и идеалы для того, чтобы соответствовать устоявшимся или только появившимся в обществе нормам и правилам. Это создает у него чувство личной социальной полноценности, которая является условием нормального социального существования.

Ценности современного немецкого общества

Современные общепринятые ценности в разных культурах различаются. Приведем список ценностей, характерных для германского общества, так как наша статья посвящена исследованию отражения данного феномена в языке немецкой рекламы.

В 2018 году в Германии был составлен рейтинг ценностей (der Werte-Index) наиболее важных для населения. Его создателями и авторами являются профессор Петер Випперманн и руководитель института рыночных исследований Йенс Крюгер. Для составления этого списка было проанализировано около четырех миллионов постов на самых популярных немецких сайтах, в сообществах и блогах, где пользователи обсуждали основополагающие общественные ценности.

Авторы данного списка также проанализировали темы дискуссий на немецкоговорящих социальных медиаканалах. Такая же работа была проведена исследователями ранее в 2009 году. Далее представлен краткий сопоставительный анализ этих исследований, выделены основные зафиксированные ценности, особое внимание уделяется произошедшим за эти годы изменениям.

1. ***Природа***, в отличие от 2009 года, заняла первое место в рейтинге. Чаще всего дискуссии, которые посвящаются первоначальности природы, описывают природу как источник для душевного мира, спокойствия и силы. Изменения окружающего мира, а также защита окружающей среды и климата равным образом относятся к самым релевантным темам.

2. ***Здоровье*** остается важнейшей ценностью немцев. Обычное сообщение в статусе аккаунта о собственном душевном и физическом состоянии вызывает подробный любительский обмен медицинской информацией. Не только в печатных статьях, но и, например, в Инстаграме, придается большое значение правильному питанию.

3. ***Семья*** занимает третье место, и это означает, что общественность стала придавать ей больше значения, чем в 2009 году. Всё чаще

в социальных сетях публикуются фотографии и пишутся тексты на эту тему.

Природа (окружающая среда) стоит на первом месте и сдвинула здоровье с ведущей позиции на второе место, а семья поднялась на третье место. Успех же, наоборот, теряет свою значимость, он сдвинулся на три позиции по сравнению с исследованием 2009 года и находится теперь на шестом месте. Суть понимания успеха также изменилась и сегодня определяется немцами по-новому – вместо «лучше» немцы хотят стать «счастливее».

Авторы исследования также упоминают такие ценности, как свобода, безопасность и справедливость. Наряду с победителями рейтинга – семьей и природой – на две позиции поднялась ценность «безопасность». В первый раз с начала исследований о безопасности начали писать больше, чем о доверии. Дискуссии на тему безопасности больше всего велись в политическом контексте. Основная идея концентрировалась на роли государства, особенно в связи с кризисом беженцев. При этом речь в дискуссиях идет как о вопросах внутренней безопасности, так и о безопасности самих беженцев, которую необходимо обеспечить. В первый раз в этом рейтинге ценность «свобода» не попадает в тройку лидеров, а оказалась на четвертом месте. Дискуссии о политической свободе теряют свою значимость, напротив, возникают всё новые вопросы вокруг понятия «свобода», которые, например, связаны с проблемами создания искусственного интеллекта.

Результаты исследования показывают, насколько быстро меняются ценности и их исходные рамки, это отметили и сами авторы проекта.

Отражение основных ценностей в языке немецкой рекламы

Актуальные вышеперечисленные ценности отражены в рекламных текстах. Они передаются при помощи разнообразных вербальных и невербальных средств. Речевое воздействие, т. е. влияние вербальной информации на поведение реципиента, формируется постепенно в результате взаимодействия целого ряда языковых и неязыковых факторов, включенных в акт коммуникации [Леонтьев и др., 1973].

Реклама в таком случае подкрепляет эти ценности, но в то же время может способствовать некоторому постепенному сдвигу

в понимании тех или иных ценностей, отраженных в общественном сознании. Реклама способна оказывать влияние на массовое сознание и регулировать восприятие или внедрение некоторых новых ценностей. Это реализуется за счет заложенного в текст иллокутивного намерения отправителя рекламного текста. Цель рекламы – привлечь внимание потребителей к тому или иному товару или услуге, вызвать у него желание приобрести данный товар или воспользоваться данной услугой. Привлекая внимание к тому или иному товару, автор рекламного сообщения делает акцент на определенных качествах товара, закрепляя в сознании потребителя позитивные маркеры, тренды, на которые нужно ориентироваться. Это может быть упоминание общепринятой ценности, либо новой, только формирующейся или закрепляющейся. Под воздействием рекламы происходит изменение поведения получателя информации и некоторое изменение в его восприятии определенных понятий и ценностей.

Далее рассмотрим примеры рекламных текстов, транслирующих такие ценности, как природа, бережное отношение к окружающей среде и здоровье. В данной статье будем рассматривать только лексические средства выражения, подкрепляющие вышеперечисленные ценности без учета визуальной составляющей рекламного поликодового текста. Приведем примеры из рекламы бытовой техники фирмы *Bosch* и *Miele*.

- ***Energetische Sanierung*** (энергетическая модернизация)
- ***Weniger Umweltbelastung*** (менее вредное воздействие на окружающую среду), ***weniger Heizkosten*** (меньше расходов на отопление), ***weniger Energieverbrauch*** (меньше потребление электроэнергии) – *mehr Energieeffizienz* (больше рационального потребления энергии), ***Mehr Komfort*** (больше комфорта), mehr Gemütlichkeit (больше удобства): «Wie das geht? Durch die energetische Sanierung Ihres Hauses mit der fachkundigen Unterstützung von Effizienzhaus-online!» (*https://www.bosch.de/produkte-und-services/zuhause/*)
- ***Effizienz und Nachhaltigkeit*** (эффективность и бережное отношение к ресурсам).
- ***Verantwortung für die Zukunft*** (ответственность за будущее).
- ***Die Verantwortung gegenüber unserer Umwelt*** (ответственность за наш окружающий мир) *hat bei Miele Tradition – seit über 120 Jahren*.

Denn ***die Natur ist unsere Lebensgrundlage*** (Природа – основа жизни), *die wir schützen wollen. Das fängt bei der* ***Materialauswahl*** *an* (выбор материалов), *geht über die* ***effiziente Produktion*** (эффективное производство) *und mündet – nach einem langen Geräteleben – in ein* ***umweltfreundliches Recycling*** (безвредная для окружающей среды переработка) (*https://www.miele.de/haushalt/waschmaschinen-1561.htm*).

В этих рекламных текстах акцент сделан на защиту окружающей среды, безопасность, комфорт, эффективность и ответственность за будущее. Эти относительно короткие рекламные тексты состоят из концентрированного перечисления положительных и действенных характеристик того или иного товара: *weniger Heizkosten, mehr Gemütlichkeit*, *mehr Energieeffizienz*, а также из словосочетаний, подчеркивающих пользу для окружающей среды и здоровья: *die Verantwortung gegenüber unserer Umwelt*, *die effiziente Produktion*, *ein umweltfreundliches Recycling*.

В этих и следующих примерах наиболее важные ценности вынесены в отдельные абзацы и обозначены заголовками, например: *Effizienz und Nachhaltigkeit* (эффективность и бережное отношение к ресурсам), *Verantwortung für die Zukunft* (ответственность за будущее), *Gesundheit* (здоровье). Далее рассмотрим рекламный текст очистителя воздуха фирмы *Bosch*:

Bosch Healthcare Solutions (решения по заботе о здоровье) *steht für vernetzte Produkte im* ***Gesundheitsbereich*** (в области здравоохранения). *Wir entwickeln innovative* ***Lösungen*** (разрабатываем инновационные решения) *in den Produktfeldern Therapiemanagement*, *Connected Life und Hightech Components*, *mit denen wir* ***die Lebensqualität*** (качество жизни людей) *der Menschen verbessern. So schaffen wir ganz nach dem Motto von Bosch* «Technik fürs Leben» (*https://www.bosch.de/produkte-und-services/zuhause/*).

И рекламный текст бытовой техники *Miele*:

Luftaustausch: Entscheidend für unsere Gesundheit (Воздухообмен: Решающий для нашего здоровья).

Luftreiniger fördern ***die Luftqualität*** (качество воздуха) *und tragen erheblich und kontinuierlich zur* ***Senkung der Virenlast*** (снижение концентрации вирусов) *in Innenräumen bei. Voraussetzung dafür ist eine* ***hochwertige Filtertechnologie*** (высококачественные технологии

фильтрации), *ein umfassendes Luftvolumen sowie eine optimale Luftverteilung* (оптимальное распределение притока воздуха) (*https://www.miele.de/c/miele-aircontrol-1967.htm*).

Описание высокотехнологичности оборудования и соответствующих преимуществ также тесно «переплетено» с вопросом о пользе для здоровья. Лексически это выражается перечислением существительных и словосочетаний (например, *die Luftqualität*, *die Senkung der Virenlast*, *Filtertechnologie*, *optimale Luftverteilung*, *Gesundheitsbereich*, *innovative Lösungen*, *die Lebensqualität*), подчеркивающих положительное влияние данного бытового прибора на здоровье человека. Интересно, что один из слоганов фирмы *Miele* «Langlebigkeit ist die wahre Nachhaltigkeit» (Долговечность залог истинного сохранения природы) также содержит в себе отсылку к ценности сохранение природа, что, несомненно, привлекает внимание потребителей.

Крупнейший в мире производитель техники для уборки и очистки *Kärcher* также отдает приоритет заботе о здоровье и защите окружающей среды, акцентируя внимание в рекламных текстах именно на этих ценностях.

- ***Funktionsweise der Staubsauger mit Wasserfilter*** (Принцип действия пылесосов с водяным фильтром)
- *Im Gegensatz zu herkömmlichen Staubsaugern mit Filterbeutel arbeitet der Staubsauger mit Wasserfilter DS 6 mit der natürlichen Kraft des Wassers*. *Durch* ***die starke Saugleistung*** (Благодаря мощной силе всасывания) *wird das Wasser im Filter mit hoher Geschwindigkeit verwirbelt*. ***Der eingesaugte Schmutz wird mit diesem Wasserwirbel hoch effizient aus der Luft herausgefiltert*** (Всасываемая грязь фильтруется высокоэффективно потоками воды) *und sofort im Wasserbad gebunden*. ***Das Ergebnis ist eine äußerst frische und außergewöhnliche Abluft, die auch Allergikern entgegenkommt*** (Результатом является исключительно свежий отводимый воздух, который не приносит вреда, в том числе и аллергикам). ***Denn es gibt keinen Filterbeutel mehr, in dem sich Allergene vermehren können*** (Так как больше нет мешка для сбора пыли, в котором могут размножаться аллергены), *auch werden die Ausscheidungen der Milben nach der Anwendung mit dem Wasser entleert*. ***Ein weiterer Vorteil für Allergiker ist, dass beim Entleeren kein Staub mehr aufgewirbelt wird*** (Еще одним преимуществом для аллергиков является то, что при очистке больше не клубится пыль).

- ***Effektive Hauptfilterung*** (Эффективная фильтрация) ***im transparenten Wasserfilter*** (в прозрачном водяном фильтре). *Darin werden alle Grobschmutzteile sicher gefangen. Nichts kann mehr stauben und die Saugleistung bleibt erhalten.*
- ***Der Zwischenfilter ist auswaschbar*** (Фильтр моющийся) *und dadurch* ***langlebig*** (и тем самым долговечный и износостойкий). ***Er filtert die winzigen Schwebeteilchen aus der kondensierten Feuchtluft heraus*** (Он отфильтровывает крошечные частички из конденсированного влажного воздуха).
- *Der spezielle* ***HEPA 12-Filter*** *des DS 6* ***hält Pollen, Pilzsporen, Bakterien und die Ausscheidungen von Milben zu 99,5 % zurück*** (Специальный фильтр задерживает до 99,5 % пыльцы, спор грибов, бактерий и клещей). *Der DS 6 Premium ist mit einem HEPA 13-Filter ausgestattet und sorgt für frische und zu 99,95 % gereinigte Abluft* (*https://www.kaercher.com/de/home-garden/staubsauger/staubsauger-mit-wasserfilter.html*).

В этом рекламном сообщении характеристики данного прибора говорят о пользе для окружающей среды и здоровья. Анализируя этот текст, мы можем также сделать вывод о том, что долговечность электроприборов и сохранность всех запасных частей без постоянной их замены играет немаловажную роль в защите окружающей среды и в заботе о здоровье нынешнего и последующих поколений.

Все рекламные тексты, рассмотренные в этой статье, направлены на привлечение внимания потребителей, которое достигается, в свою очередь, за счет правильной расстановки акцентов на том, что важно для человека, что представляет для него ценность.

Заключение

На протяжении веков ценности выполняли и выполняют регулятивную функцию, создавая основные ориентиры для нормального функционирования жизни общества. Ценности транслируются в различных объектах культуры, текстах массовой коммуникации, межличностном общении. На современном этапе развития общества мы можем четко проследить отражение основных ценностей на примерах текстов массовой коммуникации, и, в частности, на рекламных текстах. В немецкой рекламе прослеживается тенденция к упоминанию таких ценностей, как здоровье, безопасность, порядок, защита окружающей среды и др. Они, в свою очередь, в соответствии со

статистическими социологическими исследованиями являются наиболее актуальными для современных немцев. Реклама отражает их, используя для привлечения внимания. Но при этом нельзя забывать, что, регулируя спрос и имея своей целью вызвать интерес к определенному продукту, реклама может косвенно способствовать распространению, закреплению или вытеснению той или иной ценности за счет повышенного внимания к новым реалиям.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Krobath H. T*. Werte. Ein Streifzug durch Philosophie und Wissenschaft. Würzburg: Königshausen & Neumann. 2009. S. 21–23.
2. *Сурженко Л. В*. Ценности личности: философский и психологический анализ понятия // Научный журнал Кубанский государственный аграрный университет, 2011. № 65 (01). С. 1–11.
3. *Hillmann K-H*. Wertwandel. Ursachen, Tendenzen, Folgen. Würzburg: Carolus-Verl, 2003.
4. *Журавлева Н. А.* Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. Российская акад. наук, Ин-т психологии. М. : Институт психологии РАН, 2006.
5. *Мялкин А. В.* [*и др.*]. Философия: учебное пособие / под ред. А. В. Мялкина. Москва : Москоский государственный лингвистический университет, 2002.
6. *Леонтьев А. А.* [*и др.*]. Психологические аспекты восприятия рекламы и пути повышения ее эффективности // Общая и прикладная психолингвистика. Москва : ИЯ АН СССР, 1973.

REFERENCES

1. Krobath, H. T. (2009). Werte. Ein Streifzug durch Philosophie und Wissenschaft. Würzburg: Königshausen & Neumann. S. 21–23.
2. Surzhenko, L. V. (2011). Personal values: a philosophical and psychological analysis of the concept. Nauchnij zhurnal KubGAU, 65 (01), 1–11. http://ej.kubagro.ru/2011/01/pdf/18.pdf. (In Russ.)
3. Hillmann, K-H. (2003). Wertwandel. Ursachen, Tendenzen, Folgen. Würzburg: Carolus-Verl.
4. Zhuravleva, N. A. (2006). Dinamika cennostnyh orientacij lichnosti v rossijskom obshchestve = Dynamics of individual value orientations in Russian society. Moscow: Institut psihologii RAN. (In Russ.)
5. Myalkin, A. V. et al. (2002). Filosofiya: ucheb. Posobie = Philosophy: a textbook. Moscow: MGLU. (In Russ.)

6. Leontev, N. D. (1973). Psihologicheskie aspekty vosprijatija reklamy i puti povishenija ee effektivnosti. Obshaja i priklodnaja psicholingvistika = Psychological aspects of advertising perception and ways to improve its effectiveness. Moscow: Institut jazikoznanija. (In Russ.)

Информация об авторах

Калашникова Е. В. – преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета

Куницына О. М. – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета

Information about the authors

Kalashnikova E. V. – Lecturer at the Department of Linguistics and Professional Communication in the Field of Law, Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University

Kunitsyna O. M. – PhD (Philology), Assistant Professor at the Department of Linguistics and Professional Communication in the Field of Law, Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 12.07.2021;
одобрена после рецензирования 09.08.2021; принята к публикации 11.08.2021

The article was submitted 12.07.2021; approved after reviewing 09.08.2021;
accepted for publication 11.08.2021

Научная статья

УДК 81.342; 811.133.1

DOI 10.52070/2542-2197_2021_12_854_66

КУЛЬТУРА ОРАТОРСКОЙ РЕЧИ ВО ФРАНЦИИ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ (на примере явления [ə] беглого)

Е. А. Когалова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, koelena05@mail.ru

Аннотация. Ясная, хорошо структурированная, грамотная, уверенная речь — это речь прирожденного оратора. Умение выступать публично – полезный навык, который можно освоить и тем самым добиваться желаемых результатов, воздействуя на публику словом. Фонетическая составляющая является несомненным компонентом любой речи, а для оратора – это еще и способ увлечь за собой аудиторию, применяя особым образом те или иные сегментные или супрасегментные средства. Настоящая статья посвящена исследованию явления [ə] беглого в речи французских президентов XX–XXI веков. Аудиторский анализ экспериментального аутентичного материала позволил выявить как схожие черты, так и различия, а также проследить некоторые тенденции произношения [ə] беглого на протяжении этого временного отрезка.

Ключевые слова: культура речи, высокий стиль произношения, ораторская речь, президентский дискурс, перцептивный анализ, явление [ə] беглого, французский язык

Для цитирования: Когалова Е. А. Культура ораторской речи во Франции: прошлое и настоящее (на примере явления [ə] беглого) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 12 (854). С. 66–76. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_12_854_66

Original article

THE CULTURE OF PUBLIC SPEAKING IN FRANCE: PAST AND PRESENT (on the example of the phenomena of [ə])

E. A. Kogalova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, koelena05@mail.ru

Abstract. Clear, well-structured, competent, confident speech is the linguistic message of an innate orator. The ability to speak publicly is a useful skill that you can master and achieve the desired results by influencing the public with a word. The phonetic component is an undoubted component of any speech, and for the speaker it

CC BY

is also a way to attract the audience, using in a special way certain segmental or suprasegmental characteristic. This article is devoted to the study of the phenomenon of [ə] in the speech of French presidents of XX–XXI centuries. The audit analysis of the experimental authentic material allowed us to identify both similarities and differences, as well as to trace some trends in the pronunciation of [ə] during this time period.

Key words: culture of speech, high style of pronunciation, oratory, presidential discourse, perceptual analysis, the phenomenon of [ə], French

For citation: Kogalova, E. A. (2021). The culture of public speaking in France: past and present (on the example of the phenomena of [ə]). Vestnik of Moscow State University. Humanities, 12 (854), 66–76. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_12_854_66

Введение

Ошибочно думать, что в современном мире коммуникаций и технологий нет места искусству красноречия. Хороший оратор может убедить многочисленную аудиторию в своей позиции и, таким образом, достичь необходимых ему результатов.

Публичное выступление подразумевает не только знание предмета, тщательную подготовку, предвидение всех вопросов аудитории, но и грамотное владение речью на всех ее уровнях. Опытный оратор не только использует разнообразную лексику и правильный синтаксис и всегда в состоянии адаптировать высказывание к ситуации общения, но и умеет правильно фонетически оформить речь, т. е. правильно произносить звуки и просодические элементы [Billières, Borell, 1990], потому что именно с этой точки зрения слушающие в первую очередь оценивают говорящего. Лингвистами отмечается, что произношение не является больше личным делом человека, а интересует всех, кто его слушает [Malmberg, 1987].

Культура речи

В процессе выступления необходимо уметь находить не только точное средство для выражения своей мысли, соответствующее нормам языка, но и наиболее выразительное и наиболее уместное для данного случая [Ожегов, 1974]. Культура речи, как самостоятельная научная дисциплина, имеющая свой предмет и объект исследования, цели и задачи, методику и приемы научного исследования и описания материала, как раз и занимается изучением фонетического аспекта, так как в случае отклонения от стандартного произношения слушающий

отвлекается от смысла и обращает внимание на внешнюю, звуковую, сторону речи, а орфоэпические ошибки могут даже мешать восприятию содержания речи.

Однако необычная манера произношения может сыграть и положительную роль, привлекая внимание сначала к самому оратору, а затем к его идеям и высказываниям. Так или иначе, роль правильного произношения нельзя недооценивать, оно имеет большое значение, так как облегчает и ускоряет процесс общения.

В литературном произношении выделяются различные стили (в зависимости от сфер и задач общения). Ядро фонетической нормы едино для всех стилей, но так как язык выполняет свою коммуникативную функцию в различных сферах общения и стилях по-разному, то и норма проявляется в них по-разному. Изменение ситуативных условий коммуникации оказывает влияние на все фонетические характеристики языковых единиц: на акустические характеристики звуков (долгота гласных и согласных, эллипс звуков, ассимиляция, аккомодация и т. д.); и на просодические характеристики (скорость произнесения, тональный уровень текста, частотность пауз, распределение ударений и т. д.).

Это значит, что каждый произносительный стиль имеет свои особенности, свои варианы, зависящие от определенных факторов (отмечаются особенности при произношении стихов, в сценической речи, певческом произношении, при профессиональной речи лектора, оратора, преподавателя). Когда звуковое оформление не отвечает ожиданиям, это оборачивается потерями в речевом воздействии.

Высокий стиль произношения

В лингвистической литературе описываются различные классификации стилей произношения, но в каждой из них встречается высокий стиль произношения, характерный для чтения официальных сообщений, торжественных обращений [Fagyal, Morel, 1996; Léon, 1999].

Высокий стиль – это прежде всего отчетливое, тщательное произношение всех фонематических элементов, а также владение просодическими элементами для оказания определенного эмоционального воздействия на аудиторию. Владение высоким стилем – это искусство. Многие ораторы часто узнаваемы именно благодаря своему неповторимому стилю, употреблению определенных фонетических приемов, своеобразной тембровой окраске, необыкновенной интонации, определенной расстановке ударений.

Особенности употребления [ə] беглого

Одним из фоностилистических признаков, по которому можно определить произносительный стиль, является произношение или опущение гласного [ə] беглого.

Однако этот гласный характеризуется своей нестабильностью, он может исчезать или произноситься в зависимости от множества факторов. Лингвистами отмечается мало ситуаций, когда его присутствие в речи определено точно раз и навсегда [Berri, 2006]. Главным отличием этого гласного является тот факт, что он может отсутствовать в речи, не меняя смысл высказывания, сегмент *je vois* всегда будет понятен из контекста, независимо от того, будет он произнесен как [ʒə-ˈvwa], [ʒvwa], [ʒø-ˈvwa] или [ʒœ-ˈvwa].

Тем не мнее существует ряд правил как для обязательного, так и для факультативного произношения этого звука. Напомним некоторые из них.

[ə] немое обязательно произносится в группе трех согласных, когда две согласные ему предшествуют и одна следует за ним (*vendredi* [vɑ̃-drə-ˈdi], *un orphelin* [ɶ̃-nɔr-fə-ˈlɛ̃], *une vaste rue* [yn-vas-tə-ˈry]); перед придыхательным *h* (*une hache* [y-nə-ˈaʃ], *une telle haine* [yn-tɛ-lə-ˈɛn]), в том числе и для оппозиции ряда слов, например: *le hêtre* [lə-ˈɛtr] и *l'être* [lɛtr] или dehors [də-ˈɔ:r] и dors [dɔ:r]); перед числительными *un*, *huit* и *onze* (le huit octobre [lə-ɥi-tɔk-ˈtɔbr], *le onze décembre* [lə-ɔ̃z-de-ˈsɑ̃:br]); в группе согласных, требующих произношения [ə] немого (l+j: *atelier* [a-tə-ˈlje], r+j: *nous serions* [nu-sə-ˈrjɔ̃], *ne dites rien* [nə-di-tə-ˈrjɛ̃]); после смычных согласных в начале группы (*que dites-vous?* [kə-dit-ˈvu]).

Факультативное произношение отмечается в зависимости от природы и количества согласных, например, в случае окружения [ə] согласными, которые, в свою очередь, окружены гласными (*la petite* [la-pə-ˈtit] или [la-ˈptit]); в начале ритмической группы после щелевых согласных (*je consulte* [ʃkɔ̃-ˈsylt], *ce n'est pas vrai* [snɛ-pa-ˈvrɛ]); в фиксированных словосочетаниях (*valet d*(*e*) *chambre* [va-lɛ-ˈtʃɑ̃:br], *chemin* de fer [ʃmɛ̃-ˈtfɛ:r]).

В фиксированных группах либо первая [ə] произносится, либо вторая: *je ne* [ʒən], *que le* [kəl], *je me* [ʒəm], *de le* [dəl], *je le* [ʒəl], *te le* [təl], *que je* [kəʒ], *je te* [ʒtə], *ce que* [skə], *je ne* [ʒnə], *de ne* [dnə], *ce ne* [snə].

В целом, появление или исчезновение [ə] подвержено влиянию многочисленных факторов: вид деятельности (при чтении количество факультативных [ə] увеличивается по сравнению со спонтанной речью, в том числе и за счет визуализации); скорость произнесения (замедляя темп, появляется большее количество [ə] немого, что служит в том числе и для наилучшего восприятия информации); стиль и регистр речи (чем больше происходит случаев соблюдения как обязательного, так и факультативного связывания, тем выше произносительный стиль) [Vigneau-Rouayrenc, 1991; Léon, 1999; Berri, 2006].

Фонетическое исследование

Экспериментальный корпус

Для выявления особенностей произношения [ə] беглого были проанализированы звучащие аутентичные тексты – торжественные поздравительные речи французских президентов XX–XXI веков:

1. речь Ш. де Голля (1968)[1].
2. речь Ж. Ширака (1997)[2].
3. речь Э. Макрона (2017)[3].

Для выявления общих черт и различий в употреблении [ə] беглого был проведен перцептивный анализ с применением количественного метода обработки полученных данных.

Общее время звучания экспериментального корпуса составило около 42 минут.

Цель экспериментального исследования состояла также в возможности проследить тенденции произношения [ə] беглого на протяжении этого временно́го отрезка, и соотношении этих тенденций с экстралингвистическими факторами, в частности возрастом говорящего.

[1] De Gaulle – Vœux du 31 décembre 1968. https://www.youtube.com/watch?v=CO0aHsl_9rE (date of access.: 01.02.21).

[2] Vœux 98 de Chirac. https://www.youtube.com/watch?v=q57p_ULh4hl (date of access.: 10.02.21).

[3] Vœux 2018 d'Emmanuel Macron 31 décembre 2017. https://www.youtube.com/watch?v=aFGzGS7yBqg (date of access.: 15.02.21).

Результаты исследования

Проанализированный материал показал, что общий процент произнесения [ə] беглого в речи ораторов увеличивается, начиная с середины XX века к началу XXI века (см. диаграмму 1):

Диаграмма 1

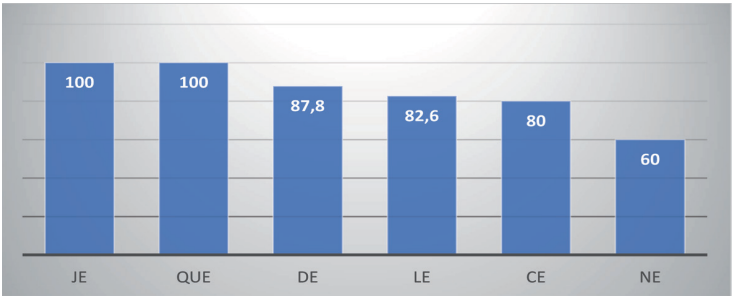
В речи Ш. де Голля (1968) было отмечено стопроцентное произнесение [ə] немого в местоимении *je* и в союзе *que*: *j**e** vous les offre de tout mon cœur, j**e** vous l'affirme, j**e** nous souhaite à tous, qu**e** notre activité productrice, qu**e** notre monnaie, qu**e** la supercherie de l'inflation, c'est cela qu**e** nous allons développer*.

В предлоге *de* выпадение беглого [ə] встречалось в меньшем количестве случаев, причем эти выпадения были зафиксированы ближе к концу речи оратора, что может быть связано с тем, что, намереваясь закончить речь в отведенное время, президент увеличил скорость произношения за счет опущения некоторых фонематических элементов: *il s'agit d*(*e*) *la détente et d*(*e*) *la coopération à pratiquer au lieu d*(*e*) *la guerre froide avec le reste d*(*e*) *l'Europe, soit d*(*e*) *l'établissement d'un système monétaire mondial, au début d*(*e*) *l'année*.

Наименьшее количество случаев произношения [ə] беглого среди односложных слов выпало на долю отрицательной частицы *ne*, однако следует отметить, что речь Ш. де Голля позитивна и в ней мало встречается глаголов в отрицательной форме, но те отрицания, которые присутствуют, имеют в большинстве случаев дополнительное ударение, поэтому в них фонема произносится: le retour à l'anarchie "n**e** doit pas être toléré, que la supercherie de l'inflation "n**e** nous fasse glisser au gouffre de la ruine.

Соотношение произнесения [ə] беглого в односложных словах в речи Ш. де Голля показано на диаграмме 2.

Диаграмма 2



Интересно отметить у Ш. де Голля взаимосвязь присутствия / отсутствия [ə] немого в указательном местоимении *cela* и усиления смыслового контекста во фрагменте речи *C'est c*(*e*)*la que nous sommes en train de faire dans notre université. C'est c*(*e*)*la que nous allons développer après l'avoir commencé à l'intérieur de nos entreprises. C'est c***e***la que nous réaliserons*…

Слова, в которых фонема [ə] имеет факультативное произношение, произносятся президентом без этого звука, например, *maint*(*e*)*nir*, *répar*(*e*)*rons*, *sauv*(*e*)*garder*, *massiv*(*e*)*ment*, *sout*(*e*)*nir*, *redev*(*e*)*nus*, однако слово "*di*-"*gn****e****-ment* имеет [ə] наряду со слоговым произнесением и дополнительным ударением, что несет экспрессивную окраску, подчеркивая историческую причастность каждого гражданина Пятой Республики к созиданию будущего своей страны: *De telle façon que chacun soit dignement associé à ce qui se passe…*

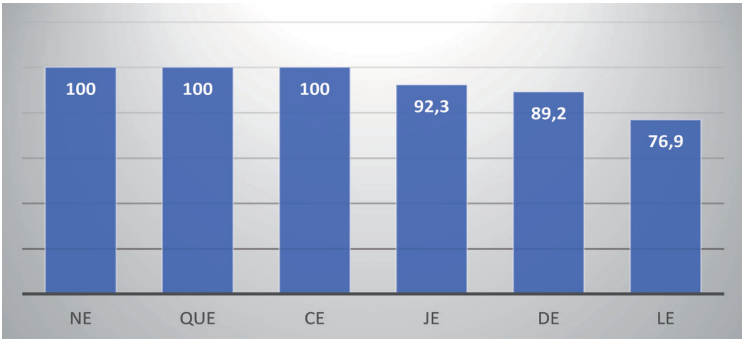
В речи Ж. Ширака (1997), как и у Ш. де Голля, союз *que* имеет стопроцентное произнесение [ə] немого, а также было отмечено во всех случаях полное произнесение отрицательной частицы *ne* и местоимения и частицы *ce*: *c****e*** *soir*, *pour vous dire c****e*** *que je crois être bon*, *n****e*** *doit pas nous conduire à accepter c****e*** *qui met en péril l'unité de la Nation*, *qui n****e*** *voit que ce sont aussi des temps riches de promesses*, *notre pays n'est pas et n****e*** *sera jamais l'addition de communautés juxtaposées*, *le bien public n'est pas et n****e*** *sera jamais l'addition d'intérêts particuliers*.

В местоимении *je* при выпадении [ə] происходила ассимиляция, в основном такое произношение было отмечено в начале речи

Ж. Ширака, что, возможно, связано с его желанием стать с самого начала выступления ближе к своим гражданам, используя разговорную форму произнесения данного местоимения: *j*(*e*) *suis heureux de vous dire*, *j*(*e*) *souhaite d'abord*.

Соотношение произнесения [ə] беглого в односложных словах в речи Ж. Ширака показано на диаграмме 3.

Диаграмма 3



Во время своего выступления Ж. Ширак неоднократно использовал слово *avenir*, и если в первый раз оно было произнесено с [ə] (*responsable de l'av**e**nir de la Nation, j'interviendrai chaque fois que…*), то в последующем было отмечено выпадение этого звука, что показывает желание оратора сделать озвучиваемые им идеи близкими публике, перед которой он выступает (*Nous avons toutes les raisons d'être fiers de notre patrie et de croire en notre av*(*e*)*nir. Cet av*(*e*)*nir*, *notre av*(*e*) *nir est chaque jour construit et fortifié par des hommes*, *des femmes*…).

В ходе перцептивного анализа в речи Э. Макрона (2017) был зафиксирован наибольший процент присутствия [ə] беглого в целом. Практически во всех односложных словах присутствовала эта фонема (*j**e** suis heureux d**e** vous retrouver*, *j**e** sais aussi qu**e** certains*, *depuis l**e** mois d**e** mai dernier*, *j**e** continuerai à faire c**e** pourquoi vous m'avez élu*, *j**e** sais qu**e** plusieurs d'entre vous n**e** partagent pas*), но в наименьшей степени она была в отрицательной частице *ne* (*je n*(*e*) *veux pas passer trop de temps*, *ensemble nous n*(*e*) *cédions rien*, *je n*(*e*) *sous-estime pas*, *il y a encore des situations qui n*(*e*) *sont pas acceptables*, *nous n*(*e*) *pouvons accueillir tout le monde et nous n*(*e*) *pouvons le faire sans qu'il y ait des règles*, *nous n*(*e*) *pouvons accepter qu'il reste des mois*), что можно

объяснить как возрастом говорящего как самого молодого из анализируемых спикеров, так и современной тенденцией разговорного стиля, которая уже фиксируется не только в стандартном стиле произношения, но и в возвышенном.

Седует отметить, у Э. Макрона точно такое же, как и у Ш. де Голля, произношение в выражении *vivre* ''di-''gn**e**-'ment, т. е. произношение по слогам с дополнительным ударением и наличием [ə] беглого – в этом прослеживается некая преемственность президентского дискурса и следование традициям высокого стиля произношения.

Соотношение произнесения [ə] беглого в односложных словах в речи Э. Макрона показано на диаграмме (см. диаграмму 4).

Диаграмма 4

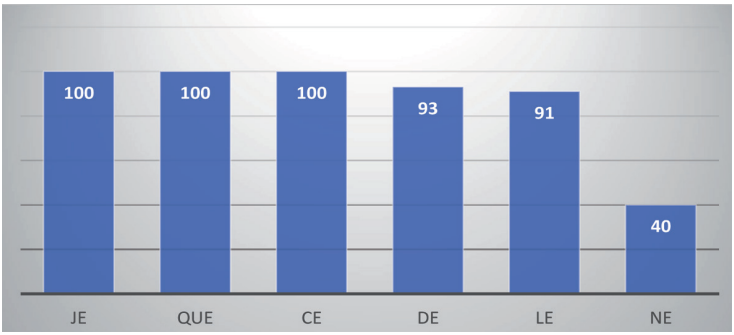


Диаграмма 5

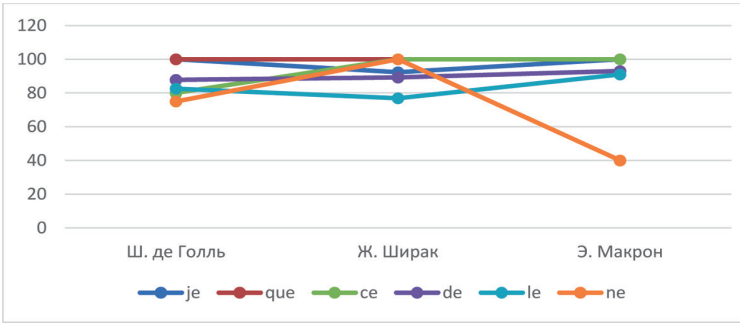


Диаграмма 5 дает представление в сравнении об употреблении [ə]-немого президентами разного времени.

Заключение

Президентский дискурс относится к возвышенному стилю произношения, в котором соблюдаются все присущие ему орфоэпические нормы.

Многие политики часто узнаваемы именно благодаря совокупности определенных сегментных и супрасегментных характеристик.

Политическая речь не является спонтанной, она всегда готовится заранее, но каждый оратор уникален, и даже в подготовленный текст могут вносится фонетические изменения в ходе выступления.

Тем не менее одним из важных дифференцирующих маркеров высокого стиля произношения является присутствие в речи [ə] немого, что и подчеркнул еще раз проведенный перцептивный анализ. Даже такая, на первый взгляд, незначительная характеристика на сегментном уровне помогает оратору выделять важные моменты, украшать речь, варьировать скоростью произнесения, создавая специфический фонетический портрет говорящего.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Billières M., Borell A.* Quelques problèmes soulevés par les différentes variétés d'accents dans les méthodes de français langue étrangère // Revue de phonétique appliquée. 1990. # 94. P. 17–40.
2. *Malmberg B.* La phonétique. Paris : PUF. 1987.
3. *Ожегов С. И.* Лексикология. Лексикография. Культура речи. М. : Высшая школа, 1974.
4. *Fagyal Z., Morel M.-A.* Phonostylistique : étude du style dans la parole // L'Information Grammaticale. 1996. # 1. V. 70. P. 16–20.
5. *Léon P.-R.* Précis de phonostylistique : Parole et expressivité. Paris : Nathan Université. 1999.
6. *Berri A.* Aspects phonétiques et phonologiques du E-muet du français // Fragmentos. 2006. # 30. P. 199–217.
7. *Vigneau-Rouayrenc C.* L'oral dans l'écrit: histoire(s) d'E // Langue française. 1991. # 89. P. 20–34.

REFERENCES

1. Billières, M., Borell, A. (1990). Quelques problèmes soulevés par les différentes variétés d'accents dans les méthodes de français langue étrangère // Revue de phonétique appliquée, 94, 17–40.
2. Malmberg, B. (1987). La phonétique. Paris : PUF.
3. Ozhegov, S. I. (1974). Leksikologija. Leksikografija. Kul'tura rechi = Lexicology. Lexicography. Culture of speech. Moscow: Vysshaja shkola. (In Russ.)
4. Fagyal, Z., Morel, M.-A. (1996). Phonostylistique : étude du style dans la parole. L'Information Grammaticale, 1, 16–20. V. 70.
5. Léon, P.-R. (1999). Précis de phonostylistique : Parole et expressivité. Paris : Nathan Université.
6. Berri, A. (2006).Aspects phonétiques et phonologiques du E-muet du français. Fragmentos, 30, 199–217.
7. Vigneau-Rouayrenc, C. (1991). L'oral dans l'écrit: histoire(s) d'E. Langue française, 89, 20–34.

Информация об авторе

Когалова Е. А. – кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики и грамматики французского языка факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета

Information about the author

Kogalova E. A. – PhD (Philology), Associate Professor of the Department of Phonetics and Grammar of the French Language, Faculty of French, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 12.07.2021;
одобрена после рецензирования 09.08.2021; принята к публикации 11.08.2021

The article was submitted 12.07.2021; approved after reviewing 09.08.2021;
accepted for publication 11.08.2021

Научная статья

УДК 81'362

DOI 10.52070/2542-2197_2021_12_854_77

MILES DEI КАК ВОПЛОЩЕНИЕ ИДЕАЛА ВОИНА-КРЕСТОНОСЦА В ЛАТИНСКИХ И СТАРОФРАНЦУЗСКИХ ДОКУМЕНТАХ XII–XIII ВВ. (на материале «Historia Iherosolymitana» Фульхерия Шартрского и анонимного «Li Estoire de Jerusalem et d'Antioche»)

А. О. Манухина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, amanuhina@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу восприятия современниками миссии крестоносца как *miles Dei* сквозь призму ценностной ориентации рыцарства эпохи Первого крестового похода. В работе рассматриваются особенности авторского восприятия идеала воина-христианина как глазами непосредственного очевидца и участника похода Фульхерия Шартрского, так и с позиций неизвестного младшего современника похода. Материалом для работы послужили латинский и старофранцузский письменные памятники XII–XIII веков. В статье исследуются способы выражения авторской оценки и специфика оценочного восприятия действительности в соответствии с общепринятыми этическими стереотипами того времени.

Ключевые слова: специфика оценки, нравственные стереотипы Средневековья, идеал рыцаря, латинский и старофранцузский средневековый источник

Для цитирования: Манухина А. О. *Miles Dei* как воплощение идеала воина-крестоносца в латинских и старофранцузских документах XII–XIII вв. (на материале «Historia Iherosolymitana» Фульхерия Шартрского и анонимного «Li Estoire de Jerusalem et d'Antioche») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 12 (854). С. 77–87.
DOI: 10.52070/2542-2197_2021_12_854_77

Original article

MILES DEI AS THE EMBODIMENT OF THE IDEAL OF A CRUSADER WARRIOR IN LATIN AND OLD FRENCH DOCUMENTS XII–XIII CENTURIES (based on the material of the "Historia Iherosolymitana" by Fulcher of Chartres and the anonymous "Li Estoire de Jerusalem et d'Antioche")

A. O. Manuhina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, amanuhina@mail.ru

CC BY

Abstract. The article is devoted to the analysis of contemporaries ' perception of the Crusader mission as miles Dei through the prism of the value orientation of chivalry in the era of the First crusade. The article examines the author's perception of the ideal of a Christian warrior both through the eyes of a direct eyewitness and participant of the campaign of Fulcher of Chartres, and from the perspective of an unknown younger contemporary of the campaign. The material for the work was Latin and Old French written monuments of the XII–XIII centuries. The article examines the ways of expressing the author's evaluation and the specifics of the evaluative perception of reality in accordance with the generally accepted ethical stereotypes of the time.

Key words: the specifics of evaluation, moral stereotypes of the Middle Ages, the ideal of a knight, Latin and old French medieval source

For citation: Manuhina, A. O. (2021). *Miles Dei* as the Embodiment of the Ideal of a Crusader Warrior in Latin and Old French documents XII–XIII centuries (based on the material of the "Historia Iherosolymitana" by Fulcher of Chartres and the anonymous "Li Estoire de Jerusalem et d'Antioche"). *V*estnik of Moscow State University. Humanities, 12 (854), 77–87. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_12_854_77

Введение

Важной составляющей средневековой культуры Западной Европы, начиная с конца XI века, становится новый тип воина – *miles Dei* (*букв*. 'воин Господа'), рыцаря-монаха, главным предназначением которого было «служение Богу и христианству». Как утверждают исследователи, впервые термин *miles Dei* или *miles Christi* употребил папа Григорий именно применительно к крестоносному воинству: «Главный герой – крестоносец – сравнимый со святым, отмеченный милостью Божией, – был воином, который прославился геройством» [Ле Гофф, 2012, с. 89, 77]. Ключевой для Средневековья образ крестоносца, вобравший в себя воинские и религиозные ценности Крестовых походов, нашел отражение в письменных памятниках эпохи. Документальные свидетельства Первого крестового похода (1096–1099), помимо ценных фактологических данных, заключают в себе запечатленные в текстах произведений нравственные стереотипы рыцарства.

Цель нашей работы – выявить и охарактеризовать специфику изображения *miles Dei* в описаниях воинов-участников Первого крестового похода и сочинениях их младших современников.

Материалом исследования являются прозаические источники XII–XIII веков: латинская хроника «Historia Iherosolymitana» Фульхерия Шартрского и анонимная старофранцузская хроника «Li Estoire de Jerusalem et d'Antioche». «Historia Iherosolymitana», написанная

в 1095–1127 годах, представляет собой записки и непосредственные наблюдения участника Первого крестового похода, французского священника-крестоносца. Труд Фульхерия Шартрского представляет особую важность: это достоверный письменный источник завоевания Иерусалима в ходе Первого крестового похода и изложение ранней истории Иерусалимского королевства при Балдуине I и Балдуине II. Считается, что все последующие письменные памятники Первого крестового похода созданы на основе именно «Иерусалимской истории». Его продолжателем был анонимный автор старофранцузской хроники XIII века «Li Estoire de Jerusalem et d'Antioche», которая оказалась компиляцией из нескольких более ранних источников: ученые характеризуют это произведение как *narratio minor*, т. е. рассказ, написанный младшим современником, где запечатлены «фрагменты или реминисценции на оригинальные произведения, сегодня утраченные» (des fragments ou des reminiscences d'oeuvres originales aujourd'hui perdues [Li Estoire, MDCCCXCV, с. 5]).

1. Изображение *miles Dei*

К концу XI века рыцарство Европы уже сформировалось как отдельный социокультурный институт: «На основе исконной феодальной воинской культуры и нравственной доктрины католической церкви сформировалась идея социальной элитарности воина» [Grand dictionnaire encyclopédique Larousse, 1982, с. 2122].

Изображение *miles Dei / miles Christi* в изучаемых хрониках заключено в определенной трактовке исторических персонажей, где, с одной стороны, представлены подлинные события и люди, а с другой – идеализированные образы, соответствующие нравственным стереотипам эпохи.

Фульхерий Шартрский дает следующую характеристику *miles Christi*:

Nunc fiant Christi milites qui dudum extiterunt raptores. Nnc jure contra barbaros pungent, qui olim adversos fratres et consanguineos dimicabant. Hic inimici Domini, illic autem amici ejus erunt [Historia Iherosolymitana 1866, с. 324]	Теперь становятся воинами Христа те, кто прежде был грабителем. Теперь по праву пусть против варваров сражаются те, кто когда-то против братьев и кровных родственников воевали. Тогда враги Господа, теперь ведь друзья его будут.

В приведенном фрагменте заметно влияние проповедей вдохновителей Первого крестового похода: *miles Christi* преподносится как кающийся грешник, а Крестовый поход – как путь к его спасению. Авторская оценка реализована через стилистическую фигуру антитеза[1], где противопоставляются грехи из прошлой жизни и обретенные через покаяние добродетели воина: *fiant Christi milites → extiterunt raptores, adversos fratres et consanguineos dimicabant → contra barbaros pungent, inimici Domini → amici ejus*. Как следует из контекста, война с варварами (*contra barbaros pungent*) описана как главная цель крестоносца, и в этом заключается основная положительная оценка автора.

Отголосок наставлений идеологов Первого крестового похода присутствует и в тексте анонимного старофранцузского произведения, где Крестовый поход представлен как путь к Спасению:

Il sarmona et dist que por ester quite de toz pechiez, dont il estoient mesfait ver lor Creator, an allassent visiter le Saint Sepulcre et oster des mains au Sarrazins [Li Estoire, MDCCCXCV, c. 625].	Он проповедовал и сказал: чтобы быть освобожденным от всех грехов, от которых было зло по отношению к их Создателю, пусть они идут к Гробу Господнему и освободят его от рук сарацин.

Роль рыцаря здесь описана по той же повторяющейся модели: война против неверных как акт покаяния → отвоевание Гроба Господня (*visiter le Saint Sepulcre et oster des mains au Sarrazins*) → исполнение высшей цели → прощение грехов как награда за служение (*ester quite de toz pechiez*).

В эпоху Первого крестового похода рыцарство уже было неоднородным образованием: социально-имущественный статус и роль воина в ходе крестоносной экспедиции определяла его нормы поведения и этические представления. В XIII веке, на момент создания «Li Estoire de Jerusalem et d'Antioche», пропасть между богатыми полководцами-феодалами и мелкими рыцарями стала еще заметнее. Рассмотрим способы языковой репрезентации авторской оценки *miles Dei* по отношению к различным представителям войска крестоносцев:

[1] Под антитезой мы подразумеваем «сопряжение в одном контексте контрастных по значению утверждений» [Ахманова, 1966, с. 507].

2. *miles Dei* = предводитель войска

Военачальникам отведена особая роль в текстах обоих сочинений, где они являются не только предводителями, но и идейными вдохновителями похода. Особенно отчетливо это можно увидеть в старофранцузской хронике. Так, при описании принятия крестоносного обета отдельно выделен граф Вильям де Пуатье:

Quant li quens Willaumes de Poitier l'oï, il ala avant prumiers, et dist qu'il se croisat [Li Estoire, MDCCCXCV, c. 625]	Когда граф Вильям де Пуатье услышал это, он вышел вперед первым и сказал, что примет крест.

Авторская оценка имплицитна и выводится из контекста: нужно иметь смелость, чтобы первым стать крестоносцем и отправиться в новое, неизвестное и опасное странствие. Тот факт, что граф принял крест первым, свидетельствует о его отваге и готовности служить Богу.

Другой полководец, Роберт герцог Нормандский, открыто и подробно излагает свои мотивы отправиться в Крестовый поход:

Et laisserai Normendie, por amor celui qui laissa le ciel et vint en terre feire redemption au pecheors, et an dona son cors an eschange [там же, с. 624]	И я покину Нормандию во имя любви к тому, кто покинул небо и пришел на землю дать избавление от грехов грешникам, и отдал свое тело взамен.

Слова герцога должны были служить примером для его армии. Военачальник-крестоносец должен прийти «как настоящий герой-мессия, он освободит народ и приведет его к спасению» [Пастуро, 2017, с. 315]. В данном случае отражены типичные для XIII века воззрения: высшее благо и смысл жизни воина-христианина – служение великой цели, служение Богу. Все, что делает *miles Dei*, он делает из любви (*por amor*) к Всевышнему; он не только покидает свою родную землю (*laisserai Normendie*), но готов отдать свое тело так же, как Господь пожертвовал свое (*dona son cors an eschange*). Лидеры похода призваны объединять в себе как христианские, так и светские, рыцарско-героические, этические нормы.

3. *miles Dei* = простой рыцарь

Авторы обоих произведений стремятся описать не только вождей, но и рядовых участников в качестве достойного образца для подражания. Так, автор «Historia Iherosolymitana» причисляет себя к воинам-монахам, принявшим крест, названным в тесте *peregrini* («паломники»):

Quod ego Fulcherius Caritensis, cum ceteris iens peregrinis, postea, sicut oculis meis perspexi, diligenter et sollicite in memoriam posteris collegi [Historia Iherosolymitana, MDCCCLXVI, c. 27]	Что я, Фульхерий Шартрский, идущий с остальными паломниками, словно собственными глазами наблюдал, прилежно и тщательно в памяти для потомков сохранил.

Как следует из текста, Фульхерий позиционирует себя не только как автор, но и как непосредственный участник событий, а выражение *cum ceteris iens peregrinis* позволяет предполагать, что он занимал скромное место рядового воина.

В его хронике показано мужество простых рыцарей:

Qui cum velicius fugerent, velocius fugati sunt. Nusquam erat etiam locus quo Sarraceni gladiators evadere possent. Quid narrabo? Nullus ex eis vitae est reservatus… Veluti quum putrida motis poma cadunt ramis, agitaque illice glandes [там же, с. 359].	И чем быстрее они бежали, тем быстрее их преследовали. И нигде ведь не было места, куда Сарацины могли бы скрыться. Что я скажу? Никому из них не была оставлена жизнь. Словно, когда от тряски гнилые плоды падают с веток, если трясут желуди.

В первой части рассматриваемого фрагмента оценка выражена опосредованно, через указание на стремительность сражения: натиск рыцарей (*velocius fugati sunt, nusquam erat etiam locus quo Sarraceni gladiators evadere possent*) → бегство и истребление неверных (*nullus ex eis vitae est reservatu*) → победа в бою. Здесь можно заметить следование типичным, как отмечают исследователи, для Средневековья канонам при описании *miles Dei* в схватке, где подразумевается моральное превосходство рыцаря-христианина над неверными: «“Се крест Господен, которого бегут враги”. Снова война как психомахия»

[Кардини, 1987, с. 48]. Во второй части отрывка авторская оценка эксплицитна и выстроена по следующей схеме: негативная оценка в адрес неверных (вербализована сравнением «враги» = «гнилые плоды» (*putrida poma*), «желуди» (*glandes*)) → жизнь врага ничего не стоит → имплицитное одобрение рыцарей, истребивших сарацин. Через негативную эмоциональную оценку врага автор имплицитно восхваляет победивших рыцарей.

Интересно, что рыцари в обеих хрониках получают исключительно положительную оценку. Так, положительная оценка вложена даже в уста врага-сарацина:

Soliman li commanda qu'il preïst de toz les testes. Il respondi: «Si j'oci la gent Dieu, Diex m'en saura mal gré; n'irai pas» [Li Estoire, MDCCCXCV, c. 625].	Солиман приказал, чтобы он отрубил у всех головы. Он ответил: «Если я убью людей Бога, Бог мне за это не будет благодарен, я не пойду».

Пленные крестоносцы названы *gent Dieu* (люди Бога). В данном примере можно видеть типичный для средневековых хроник прием: признание авторитета христианского рыцаря язычником-врагом (в данном отрывке представлен местоимением *il*), что усиливает положительную оценку персонажу.

В отличие от идеализированных образов предводителей армии, рядовые участники изображены более реалистично. Фульхерий Шартрский как очевидец событий правдиво показывает «изнутри» настрой накануне битвы:

Propius acceleramus hostibus, ne videremur, quasi timidi. Sed aliud monstravimus, aliud cogitavumus. Audaciam finximus, sed mortem metuimus [Historia Iherosolymitana, MDCCCLXVI, c. 375].	Мы подошлии ближе к врагам, чтобы не показалось, что мы напуганы. Но мы показывали одно, а думали другое. Мы изображали храбрость, но боялись смерти.

Хронист снова прибегает к антитезе, противопоставляя внешнее проявление храбрости (*audaciam finximus*) и внутреннее состояние (*timidi, mortem metuimus*), при этом имплицитно автор сочувствует воинам. На это указывает употребление «мы» в тексте (*acceleramus*,

monstravimus, *cogitavumus*, *finximus*, *metuimus*): автор считает себя частью данной социальной группы и разделяет их настроения.

Суждения Фульхерия в адрес рядовых участников похода, в отличие от описаний баронов-предводителей, намного менее тенденциозны и категоричны:

Considera, quaeso, quomodo tempore in nostro transvertit Deus Occidentem in Orientem. Qui fuit Remensis aut Cartonensis, nunc efficitur Tyrius vel Antiochenus. Hic jam possidet domos proprias et familias, ille vero jam duxit uxorem non tantum compatriotam, sed et Syram et Armenam et interdum Sarracenam, baptismi autem gratiam adeptam. Scriptum quippe est: Leo et bos simul comedent paleas [Historia Iherosolymitana, MDCCCLXVI, c. 468]	Посмотри, прошу, как в наше время превратил Господь Запад в Восток. Кто был из Реймса или из Шартра, становятся из Тира или из Антиохии. Этот уже владеет собственными домами и семьей. Тот ведь уже женился не на своей соотечественнице, но на сирийке или армянке или даже сарацинке, принявшей благодать крещения. Ибо написано: Лев и бык вместе едят солому.

Характеристики жизни и быта рядовых рыцарей, осевших в завоеванных территориях, реалистичны и полны бытовых деталей: *possidet domos proprias et familias*, *duxit uxorem Syram et Armenam et Sarracenam*. В этом эпизоде прослеживается индивидуальная позиция самого Фульхерия Шартрского. С одной стороны, она противоречит каноничным нравственным установкам *miles Dei* (для воина-монаха было бы недопустимо владеть землей и иметь семью) и поведенческим моделям европейского рыцаря (женитьба на «чужой» считалось бы позорным преступлением против своей социальной группы), с другой – правдиво отражает сформировавшейся на Святой Земле после Первого крестового похода уклад. При этом автор принимает такое поведение как должное, считая правильным не победу над неверными и отвоевание Святой Земли, а примирение Запада и Востока, и именно так, по его мнению, устроил Господь (*transvertit Deus Occidentem in Orientem*). В словах автора присутствует отсылка к цитате из Ветхого Завета: *Leo et bos simul comedent paleas* (Исайя, глава 65, стих 25). Это своего рода обращение к авторитетному источнику, призванное подтвердить истинность происходящего и правоту высказываний. По мнению историков, Фульхерий Шартрский «сложил восторженный и страстный гимн той роскоши и радости жизни, которую

смогли обрести новые завоеватели Палестины, придя туда из неприветливых европейских широт, он выразил чувства колонистов, которые сумели найти счастье и богатство» [Кардини, 2007, с. 107].

Заключение

Образ *miles Dei / miles Christi* как воина-монаха, сражающегося во имя освобождения Святой Земли и принадлежащего к европейской феодальной элите, в текстах обоих исследуемых произведений получает авторскую трактовку. Специфика оценочных характеристик заключается в следующем:

– авторская оценка дается под влиянием признанных в XII–XIII веках, в эпоху расцвета рыцарства, этических норм, когда происходит «сакрализация военной профессии» [Кардини 1987, с. 167]. Поэтому в описаниях поступков рыцарей преобладает положительная авторская оценка, даже в случае описания жестоких, с позиций современного читателя, сцен убийств иноверцев;

– во время Первого крестового похода уже существует социальная дифференциация рыцарства, и описание предводителей и рядовых участников похода различно, что обусловлено прагматической направленностью хроник. Рассказ о полководцах идеализирован: военачальник = непогрешимый пример для подражания, «союз отваги и мудрости, физической силы и культа справедливости» [Кардини 1987, с. 191]. Касательно изображения простых воинов допускались реалистические детали: отображение эмоций, упоминания о быте и т. д.;

– специфика оценки обусловлена реальным историческим контекстом. Особая социальная среда, сложившаяся в принадлежащей крестоносцам Святой Земле, проявилась и в тесте хроники: то, что считалось неприемлемым для рыцаря середины XI века, стало считаться нормой и доже объектом положительной оценки после Первого крестового похода. В этом смысле культурный идеал рыцаря претерпевал эволюцию в определенном направлении.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Ле Гофф Ж.* Герои и чудеса Средних веков. М. : Текст, 2012.
2. Li Estoire de Jerusalem et d'Antioche // Recueil des historiens des croisades, publié par les soins de l'Académie royale des inscriptions et belles-lettres. Historiens occidentaux. Tome cinquième. Paris: Imprimerie nationale, MDCCCXCV.

3. Grand dictionnaire encyclopédique Larousse. T. 2. Paris : Librairie Larousse, 1982.
4. Historia Iherosolymitana gesta Francorum Iherusalem peregrinantium ab anno Domini MXCV usque ad annum MCXXVII auctore donmo Fulcherio Carnotensi // Recueil des historiens des croisades, publié par les soins de l'Académie royale des inscriptions et belles-lettres. Historiens occidentaux. Tome troisième. – Paris: Imprimerie impériale, MDCCCLXVI.
5. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М. : Советская энциклопедия, 1966.
6. *Пастуро М.* Символическая история европейского средневековья. СПб. : Александрия, 2017.
7. *Кардини Ф.* Истоки средневекового рыцарства. М. : Прогресс, 1987.
8. *Кардини Ф.* Европа и ислам: история непонимания. СПб. : Александрия, 2007.

REFERENCES

1. Le Goff, J. (2012). Geroi i chudesa srednih Vekov = Heroes and Wonders of the Middle Ages. Moscow: Tekst. (In Russ.)
2. Li Estoire de Jerusalem et d'Antioche (MDCCCXCV). Recueil des historiens des croisades, publié par les soins de l'Académie royale des inscriptions et belles-lettres. Historiens occidentaux. Tome cinquième. Paris: Imprimerie nationale.
3. Grand dictionnaire encyclopédique Larousse. (1982). Vol. 2. Paris: Librairie Larousse.
4. Historia Iherosolymitana gesta Francorum Iherusalem peregrinantium ab anno Domini MXCV usque ad annum MCXXVII auctore donmo Fulcherio Carnotensi (MDCCCLXVI). Recueil des historiens des croisades, publié par les soins de l'Académie royale des inscriptions et belles-lettres. Historiens occidentaux. Tome troisième. Paris: Imprimerie impériale.
5. Ahmanova, O. S. (1966). Slovar' lingvisticheskih terminov = Dictionary of linguistic terms. Moscow: Sovetskaya enciklopediya. (In Russ.)
6. Pastoureau, M. (2017). Simvolicheskaya istoriya evropejskogo srednevekov'ya = Symbolic History of the European Middle Ages. St. Petersburg : Aleksandriya. (In Russ.)
7. Cardini, F. (1987). Istoki srednevekovogo rycarstva = The origins of Medieval Chivalry. Moscow: Progress (In Russ.)
8. Cardini, F. (2007). Evropa i islam: istoriya neponimaniya = Europe and Islam: a history of misunderstanding. St. Petersburg: Aleksandriya (In Russ.)

Информация об авторе

Манухина А. О. – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой фонетики и грамматики французского языка факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета

Information about the author

Manuhina A. O. – PhD (Philology Science), Associate Professor, Head of the Department of the Phonetics and Grammar of the French language, Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 12.07.2021;
одобрена после рецензирования 09.08.2021; принята к публикации 11.08.2021

The article was submitted 12.07.2021; approved after reviewing 09.08.2021;
accepted for publication 11.08.2021

Научная статья

УДК 81.23

DOI 10.52070/2542-2197_2021_12_854_88

ЭМОЦИОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА В ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ СРЕДЕ

Н. П. Пешкова

Башкирский государственный университет, Уфа, Россия, peshkovanp@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматриваются лингвистический ландшафт и его адресат как эмоциогенные факторы коммуникации в полиэтнической среде на материале Текста города Уфы. В основе исследования лежат принципы метода «встречного текста». Делается вывод о том, что любой элемент городского Текста может стать эмоциогенным фактором, вызывающим у адресата эмоции, в том числе способствующие возникновению межэтнических конфликтов. Это обусловливает необходимость моделирования лингвоэкологии ландшафта в полиэтнической среде.

Ключевые слова: эмоции, эмоциогенный фактор, лингвистический ландшафт, полиэтническая среда, эмоциональное понимание

Для цитирования: Пешкова Н. П. Эмоциогенные факторы лингвистического ландшафта в полиэтнической среде // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 12 (854). С. 88–98. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_12_854_88

Original article

EMOTIVE FACTORS OF LINGUISTIC LANDSCAPE IN MULTI-ETHNIC ENVIRONMENT

N. P. Peshkova

Bashkir State University, Ufa, Russia, peshkovanp@rambler.ru

Abstract. The article considers linguistic landscape and its addressee as emotive factors of communication in multi-ethnic environment based on the material of the urban Text of Ufa. The investigation is conducted on the principles of the "counter-text" method. The author concludes that any urban Text component can turn into an emotive factor provoking addressee's emotions including the ones contributing to arising inter-ethnic conflicts. That makes it necessary simulating linguistic ecology of urban landscape in multi-ethnic environment.

Key words: emotions, emotive factor, linguistic landscape, multi-ethnic environment, emotional comprehension (perception)

CC BY

For citation: Peshkova, N. P. (2021). Emotive factors of linguistic landscape in multiethnic environment. Vestnik of Moscow State University. Humanities, 12 (854), 88–98. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_12_854_88

Введение

Лингвистический ландшафт современного города представляется значимым фактором, оказывающим влияние на индивидуальное и коллективное сознание его адресатов, их языковую картину мира, формирование их культурных ценностей. По данным наших экспериментальных исследований, это воздействие, прямое и косвенное, происходит независимо от того, насколько сами адресаты его осознают. Как мы отмечали ранее, лингвистический ландшафт современного российского полиэтнического города является отражением взаимодействия процессов глобализации и национальной самоидентификации [Пешкова, 2019]. Иными словами, с одной стороны, *Текст города* находится под воздействием глобализации, выражающейся, прежде всего, во вторжении в его пространство английского языка. С другой – в таких городах, как Уфа, столица Республики Башкортостан, прослеживается тенденция к сохранению этнокультурной самоидентификации, к использованию в городском *Тексте* национального языка и национальной символики, а в городских коммуникативных процессах – башкирского и русского языков. Следует отметить, что в нашем исследовании *городские коммуникативные процессы*, или *городская коммуникация* понимается в узком смысле. Под *городской коммуникацией* мы подразумеваем не все виды речевой деятельности, осуществляемой в городском пространстве, а лишь взаимодействие лингвистического ландшафта города с его адресатом, т. е. процессы восприятия, понимания и интерпретации адресатом городского текста любого типа. Отметим также, что для данного вида «городской коммуникации» характерны все особенности, присущие современной коммуникации в целом. Как полагают многие исследователи, работающие в разных областях науки о языке в русле различных парадигм, одной из особенностей современной коммуникации является ее эмоциональный характер [Ekman, 1992; Изард, 1999; Шаховский, 2009; Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации … 2019]. Большинство современных лингвистов разделяют мнение о том, что все высказывания носят эмоциональный характер [Гак, 1998]. В принципе, в языке эмоционально всё [Балли, 2001].

Более того, эмоциональность в современной коммуникации приобретает чрезмерный характер, и это относится не только к интернет-коммуникации. Исследования в области лингвистической эмотиологии убеждают нас в том, что эмоции охватили все области коммуникации, полностью «оккупировали» «всё коммуникативное пространство человека: СМИ, политику, бытовое и художественное общение…» [Шаховский, 2019, с. 253], при этом степень присутствия эмоций во всех сферах коммуникативного пространства человека продолжает неуклонно расти.

Наши экспериментальные исследования лингвистического ландшафта Уфы и его восприятие адресатом свидетельствуют о том, что ее *Текст* также подвержен указанным выше процессам. Мы разделяем позицию исследователей, полагающих, что эмоции – как спонтанные, так и «организованные», представляют собой неотъемлемую составляющую внутреннего мира человека, его языкового сознания и внешней языковой коммуникации. Более того, эмоции являются мотивационной основой сознания и речевого поведения человека [там же].

По нашему мнению, знаковым для современной коммуникации становится появление термина «организованные эмоции», в противопоставление термину «спонтанные эмоции» [там же]. Новый термин, как представляется, включает не только понятие организации усилий самого человека по упорядочению собственных эмоций на внутреннем уровне, но и понятия контроля и вмешательства извне, побуждения человека к эмоциям в позитивном и негативном смыслах, воздействие и манипулирование его эмоциональным состоянием и осуществление внешнего контроля эмоциональной сферы личности. Всё сказанное выше относительно «организованных эмоций», или «организации / контроля эмоций», можно отнести и к задачам номинатора, или автора, лингвистического ландшафта города в отношении аудитории его адресатов.

Научный интерес к проблемам лингвистического ландшафта Уфы во многом обусловлен тем, что его анализ способствует выявлению специфики языковой картины мира в целом и, в частности, эмоциональной составляющей коллективного языкового сознания городского полиэтнического социума. Важно еще раз подчеркнуть, что исследования, посвященные лингвистическому ландшафту Уфы, осуществлялись только с позиции автора или номинатора [Емельянова, 2007]. При этом и в лингвистике эмоций, изучающей современную

коммуникацию, проблема «эмоционального понимания и понимания эмоционального», по мнению авторитетных лингвистов-эмотиологов, также до сих пор не получила должного внимания [Шаховский, 2019, с. 261]. В наших экспериментальных исследованиях лингвистического ландшафта Уфы, проводимых на протяжении последних пяти лет (2016–2020), предмет научного интереса составляли общие особенности восприятия и понимания городского текста его адресатом [Пешкова, 2019].

В качестве инструмента исследования использовался метод «встречного текста», точнее, его основные принципы [Новиков, 2003]. Предметом настоящего исследования, наряду с эмоциональным аспектом лингвистического ландшафта, является эмоциональная составляющая языкового сознания его адресатов, представленная в вербальных реакциях их «встречных текстов». Реакции, передающие эмоции реципиента, составляющие «встречный текст», обычно представляют собой результат пересечения эмотивности лингвистического ландшафта, заложенной автором, и эмоциональной составляющей языкового сознания адресатов. Однако эмоциональные реакции адресатов могут возникать и в ответ на формально нейтральный *Текст города* благодаря эмоциональному состоянию сознания адресата. Таким образом, возникает вопрос о необходимости изучения эмоциогенных факторов «городской коммуникации» с целью «профилактики» и предотвращения в ней конфликтных ситуаций.

Анализ эмоциогенных составляющих лингвистического ландшафта

Общий анализ наших экспериментальных данных, полученных за последние пять лет, показывает, что эмоциональный отклик у адресата может вызвать любая составляющая лингвистического ландшафта – от нейтральных, казалось бы, названий улиц, используемых языков, башкирского, русского и английского и порядка их следования – до языковых средств, формально обладающих воздействующим потенциалом (экспрессивной лексики, метафор, приемов контаминации и т. п.), когда эмоциональный эффект планируется номинатором заранее. Эмоции «встречных текстов» адресатов могут также выражаться в употреблении лексики с эмотивной коннотацией, в использовании эмоциональной интонации, грамматики и синтаксиса эмоций в форме

усилительных конструкций, но могут присутствовать и имплицитно. Иными словами, в процессах восприятия лингвистический ландшафт и его адресат в равной степени выступают эмоциогенными факторами городской коммуникации. К эмоциогенным факторам мы относим как внешние условия городской среды, так и внутренние особенности сознания адресата, влияющие на его эмоциональное состояние и поведение.

Начать обсуждение эмоциогенных факторов можно с обычных для многих российских городов названий улиц, таких, как ул. Пушкина, Ленина, К. Маркса. Нужно добавить к ним названия, составляющие колорит Уфы: ул. Заки Валиди, Тукаева, Худайбердина. Каждое из этих нейтральных названий имеет своего эмоционального адресата, в реакциях которого содержатся эмоциональные оценки, ассоциации и мнения. Формально информативная функция названия улицы дополняется эмоционально смысловой нагрузкой, когда речь идет об увековечивании тех или иных имен в коллективной памяти городского социума и в индивидуальной памяти отдельного потребителя *городского Текста*. В реакциях адресатов на названия улиц, как отмечалось ранее, доминируют эмоциональные оценки и оценочные мнения:

– Красота-а-а-а! (старое название ул. Сергиевская).
– Мне нравится (ул. Мустая Карима).
– Фу! Кто это? (ул. Рабкоров).

Вместе они составляют 68 % от всех видов реакций (48 % – оценка, 20 % – оценочное мнение). Отдельно можно выделить ассоциации, связанные с эмоциями, они добавляют еще 14 % к эмоциональному фону «встречного текста» адресата.

– Светло-зеленый свет (ул. Аксакова).

– Тепло, блики солнца, сирень (ул. Пушкина).

– Ощущение холода. – Что-то неприятное с ним связано? Петербург? (ул. Заки Валиди).

Итак, по нашим данным, 82 % общего поля реакций «встречного текста» адресатов лингвистического ландшафта Уфы составляют эмоционально окрашенные реакции оценки, мнения и ассоциации. Однако поскольку бóльшую часть «встречных текстов» составляют комбинированные реакции, в состав которых, как правило, входит

оценка эмоционального характера, можно говорить о 98 % эмоциональности, присутствующей в общем поле смысловых реакций, передающих отношение адресата к воспринимаемой информации. Безусловно, к эмоциогенным факторам относятся англицизмы и советизмы. При восприятии последних молодежной группой испытуемых те или иные эмоции практически отсутствуют по причине отсутствия знаний о советской эпохе, насколько позволяет судить наш материал. Типичным примером является следующий:

– Цюрупа – смешно звучит. Кстати, кто это?

В возрастной группе адресатов наблюдаются как раздражения, так и симпатии:

– Не надоело всё Октябрь поминать?! (ул. Октябрьской революции).
– Эх, старый, добрый Карлуха (ул. К. Маркса).

На англицизмах мы остановимся подробнее. Напомним, что английский как третий язык в названиях центральных улиц, офисов, деловых центров стал активно использоваться с 2015 года в связи с проведением в Уфе саммитов ШОС и БРИКС. Планируемая функция присоединения «чужого языка» к двум родным – информационная, а целевой адресат – иностранные гости нашего города. Но при этом возник побочный, явно незапланированный, эффект, вызванный «вторжением» английского языка в лингвистический ландшафт Уфы, связанный с эмоциональным восприятием его частью региональных адресатов. Здесь нельзя не отметить, что английский язык, конечно же, присутствовал в городском тексте и раньше. Но функции его использования были иными, он выполнял символическую, развлекательную, игровую функции, т. е. функцию привлечения внимания. Английский использовался в названиях магазинов, кафе и ресторанов, парикмахерских, салонов красоты с целью привлечь внимание, развлечь адресата для того, чтобы он, заинтересовавшись, выбрал предлагаемый номинатором объект для посещения и получения услуг. Можно привести такие примеры, как: Sherlock Holmes (стейк-кафе), Churchill (табачный магазин); Mc Highlander (ресторан шотландской кухни); Big Bro Barbershop (мужская парикмахерская); Brewква (Pub); The Ворщ – Café Рус Кухняhы (кафе и рестораны). Безусловно, автор,

или номинатор, планировал вызвать у адресата интерес и положительные эмоции. И у потребителей данного вида информации использование самого языка или его элементов, действительно, вызывают, в основном, положительные эмоции.

Негативные же эмоции у определенной категории адресатов, насколько позволяют судить экспериментальные данные, вызвало появление английского как равноправного элемента не в развлекательном, а в деловом пространстве города. Заметим, что наши последние экспериментальные данные свидетельствуют о том, что общая картина проявления эмоций, в основном, в форме эмоциональных оценок и мнений разными возрастными группами, в целом, не изменилась. Как мы отмечали ранее, молодежный социум в подавляющем большинстве принимает английский язык и испытывает положительные эмоции, связанные с открытостью социума, его принадлежностью внешнему миру. Это отношение звучит в эмоциональных высказываниях:

– Вообще Уфа – европейский город. Значит, нужен английский.
– Прикольно! The Borщ (Café Рус Кухняhы) – мне нравится.
– Английский в нашей жизни? Норм. А что еще?!
– Если честно, не задумывался об английском в городе, есть и все. Но если подумать – мы в открытом мире, не за глухой стеной.
– i Федя. Ай-да, Федя. I like)

Меньше эмоций проявляют адресаты более старшего возраста. Их оценки чаще нейтральны, в иных случаях возрастная группа адресатов демонстрирует негативные эмоции раздражения, с некоторой агрессивностью, сходясь во мнении о ненужности «чужого языка» и «засорении городского пространства». Самые последние данные показывают, что проблемы, связанные с ситуацией пандемии, с самоизоляцией и т. п., вытесняют прежние эмоции и порождают эмоции иного плана, общая суть которых сводится к следующему:

– Пусть пишут хоть что и на любом языке, лишь бы город стал доступным для жизни, прогулок, передвижения!

Еще одним эмоциогенным фактором при восприятии *текста* полиэтнического города являются национальные языки – русский и башкирский – степень их присутствия в жизненном пространстве Уфы. И в этой связи возникает дополнительный фактор эмоциогенности, на который указывают все исследователи лингвистического

ландшафта в полиэтнической среде. Это вопрос порядка следования языков, иными словами, равноправия или соперничества сосуществующих языков, лидерства одного из них. Здесь английский отступает на второй план и уже не вызывает особых эмоций. Первенство башкирского или русского языков не перестает волновать определенную группу адресатов лингвистического ландшафта Уфы. Для них это форма патриотизма, национально-культурной самоидентификации, инструмент языковой политики. Эмоции адресатов в таких реакциях выражаются как эксплицитно, с использованием экспрессивной лексики, в отдельных случаях обсценной лексики, так и имплицитно, когда эмоции «организованы», контролируемы их носителем. Мы приведем два примера противоположных позиций относительно порядка следования языков, выраженных в реакциях с эмоциональным подтекстом:

– Это Республика Башкортостан! (подтекст – первенство за башкирским языком)

– Мы живем в России! (подтекст – русский язык лидирует)

Бескомпромиссную позицию выражает немногочисленная группа адресатов, продуцирующих до 5 % «встречных текстов» нашей экспериментальной базы, но не замечать их нельзя по ряду причин, в том числе нелингвистического характера.

Заключение

Анализ нашей экспериментальной базы, включающей материал, собранный за последние пять лет, позволяет наблюдать изменения, происходящие в лингвистическом ландшафте Уфы, отражающем социально-культурные приоритеты всего социума лишь в определенной степени, в зависимости от того, насколько успешно номинаторы, авторы *Текста города*, учитывали интересы и потребности адресатов их продукта.

Более значимой нам представляется возможность выявить в реакциях, составляющих «встречные тексты» адресатов лингвистического ландшафта, эмоционально-смысловые доминанты носителей разных этнокультурных ценностей и проследить динамику этих ценностей, внутренние изменения, происходящие в индивидуальном языковом сознании и в коллективном языковом сознании всего социума, в том

числе и благодаря возрастанию внешних проявлений эмоций в коммуникативных процессах.

Результаты нашего анализа подтверждают тот факт, что эмоциональная составляющая является неотъемлемой частью как лингвистического ландшафта, так и процессов его восприятия, понимания и интерпретации. При этом любой элемент текста полиэтнического города может стать эмоциогенным фактором, вызывающим у адресата эмоции, в том числе и негативные, способствующие возникновению межэтнических конфликтов. Такая ситуация подводит исследователя к необходимости использования достижений лингвоэкологии и экологии эмоций; к необходимости разработки способов «организации» эмоций адресатов и одновременно продуманного моделирования эмоциональной составляющей лингвистического ландшафта в полиэтнической среде.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Пешкова Н. П.* Лингвистический ландшафт как отражение процессов глобализации и национальной самоидентификации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 3 (819). С. 90–102.
2. *Ekman P.* An Argument for Basic Emotions // Cognition and Emotion. 1992. # 6 (3/4). P. 169–200.
3. *Изард К. Э.* Психология эмоций. СПб. : Питер, 1999.
4. *Шаховский В. И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М. : Либроком, 2009.
5. Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония – 2019: материалы Международной конференции. М. : Институт языкознания РАН, 2019.
6. *Гак В. Г.* Языковые преобразования. М. : Школа «Языки русской культуры», 1998.
7. *Балли Ш.* Французская стилистика. М. :Эдиториал УРСС, 2001.
8. *Шаховский В. И.* Эмотиология о коммуникации человека в эмоциональном пространстве языка // Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония – 2019: материалы Международной конференции. М. : Институт языкознания РАН, 2019. С. 253–264.
9. *Емельянова А. М.* Эргонимы в лингвистическом ландшафте полиэтнического города: на примере названий деловых, коммерческих, культурных, спортивных объектов г. Уфы: дис. … канд. филол. наук. Уфа, 2007.
10. *Новиков А. И.* Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания // Вопросы психолингвистики. 2003. № 1. С. 64–76.

REFERENCES

1. Peshkova, N. P. (2019). Lingvisticheskij landshaft kak otrazhenie protsessov globalizatsii i natsional'noj samoidentifikatsii = Linguistic landscape as expression of the globalization and national self-identification. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3 (819), 90–102. (In Russ.)
2. Ekman, P. (1992). An Argument for Basic Emotions. Cognition and Emotion, 6 (3/4), 169–200.
3. Izard, K. E. (1999). Psikhologiya ehmotsij = The Psychology of emotions. St. Petersburg: Piter (In Russ.)
4. Shakhovskij, V. I. (2009). Kategorizatsiya ehmotsij v leksiko-semanticheskoj sisteme yazyka = Grouping of emotions in the lexical and semantic system of the language. Moscow: Librokom. (In Russ.)
5. Emotsional'naya sfera cheloveka v yazyke i kommunikatsii: sinkhroniya i diakhroniya – 2019. = Emotional sphere of people in language and communication: synchronic and diachronic aspects – 2019. Proceedings of the International Conference. Moscow: Institut yazykoznaniya RAN. (In Russ.)
6. Gak, V. G. (1998). Yazykovyye preobrazovaniya = Language transformation. Moscow: Shkola «Yazyki russkoij kul'tury». (In Russ.)
7. Balli, Sh. (2001). Frantzuzskaya stilistika = French Stylistics. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)
8. Shakhovskij, V. I. (2019). Emotiologiya o kommunikatsii cheloveka v emotsional'nom prostranstve yazyka = Emotiology of human communication in the emotional space of the language. In: Emotional sphere of people in language and communication: synchronic and diachronic aspects – 2019. Proceedings of the International Conference (pp. 253–264). Moscow: Institut yazykoznaniya RAN. (In Russ.)
9. Emel'yanova, A. M. (2007). Ergonimy v lingvisticheskom landshafte polietnicheskogo goroda: na primere nazvaniij delovykh, kommercheskikh, kul'turnykh, sportivnykh ob'yektov g. Ufy = Ergonyms in linguistic landscape of a multi-ethnic city: based on the names of business, commercial, cultural, sport objects: PhD in Philology. Ufa. (In Russ.)
10. Novikov, A. I. (2003). Tekst i «kontrtekst»: dve storony protsessa ponimaniy = Text and counter-texts: two aspects of comprehension. Journal of Psycholinguistics, 1, 64–76. (In Russ.)

Информация об авторе

Пешкова Н. П. – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков естественных факультетов факультета романо-германской филологии Башкирского государственного университета

Information about the author

Peshkova N. P. – Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor, Head of Foreign Languages Department (for Natural Sciences Faculties), Romanic and German Languages Faculty, Bashkir State University

Статья поступила в редакцию 12.07.2021;
одобрена после рецензирования 09.08.2021; принята к публикации 11.08.2021

The article was submitted 12.07.2021; approved after reviewing 09.08.2021;
accepted for publication 11.08.2021

Научная статья

УДК 81.371

DOI 10.52070/2542-2197_2021_12_854_99

ТИПОЛОГИЯ ДЕНОТАТИВНЫХ И КОННОТАТИВНЫХ СИНОНИМОВ ИСПАНСКОГО И РУССКОГО ГЛАГОЛОВ

В. В. Райтаровский

Московский Международный университет, Москва, Россия, v_rait@hotmail.com

Аннотация. В статье исследуется грамматическая синонимия глагольно-временных форм в испанском и русском языках. На основе сравнительно-сопоставительного анализа их функционирования в синтагматике устанавливается степень синонимических отношений между ними на денотативном и коннотативном уровнях. Автор выявляет типологию сближения и расхождения денотативных и коннотативных семантик испанского и русского глаголов в интрамодальных и интермодальных значениях в зависимости от лексико-грамматического контекста.

Ключевые слова: денотативный глагольный синоним, коннотативный глагольный синоним, лексический глагольный синоним, грамматический глагольный синоним, глагольные интрамодальные и интермодальные синонимы

Для цитирования: Райтаровский В. В. Типология денотативных и коннотативных синонимов испанского и русского глаголов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 12 (854). С. 99–114. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_12_854_99

Original article

TYPOLOGY OF DENOTATIVE AND CONNOTATIVE SYNONYMS OF SPANISH AND RUSSIAN VERBS

V. V. Raytarovskiy

Moscow International University, Moscow, Russia, v_rait@hotmail.com

Abstract. The present article examines the grammatical synonymy of verb-time forms in Spanish and Russian based on the comparative analysis of their functioning in syntagmatics, and determines the degree of their synonymic relations in denotative and connotative level. The author reveals the typology of convergence of denotative and connotative semantics of temporal verbal structures in intramodal and intermodal meanings depending on the lexical-grammatical context.

Key words: denotative verb synonym, connotative verb synonym, lexical verb synonym, grammatical verb synonym, verbal intramodal and intermodal synonyms

CC BY

For citation: Raytarovskiy, V. V. (2021). Typology of denotative and connotative synonyms of Spanish and Russian verbs. Vestnik of Moscow State University. Humanities, 12 (854), 99–114. DOI 10.52070/2542-2197_2021_12_854_99

TIPOLOGÍA DE LOS SINÓNIMOS DENOTATIVOS Y CONNOTATIVOS DEL VERBO ESPAÑOL Y RUSO

V. V. Raytarovskiy

Universidad Internacional de Moscú, Moscú, Russia, v_rait@hotmail.com

Abstrat. En el artículo se estudia la sinonimia gramatical de las formas temporales del verbo en español y ruso. Sobre la base del análisis comparativo-contrastivo de su funcionamiento en la sintagmática se determina el grado de su relación sinonímica a nivel denotativo y connotativo. El autor establece la tipología de la convergencia y divergencia de las semánticas denotativas y connotativas de los verbos español y ruso en los significados intramodal e intermodal en dependencia del contexto léxico- gramatical.

Palabras clave: sinónimo verbal denotativo, sinónimo verbal connotativo, sinónimo verbal léxico, sinónimo verbal gramatical, sinónimos verbales intramodales e intermodales

Introducción

El exhaustivo estudio llevado a cabo por el autor del artículo de los sinónimos de las formas gramaticales del verbo español y del verbo ruso ha demostrado su existencia y funcionamiento en las lenguas española y rusa. Tanto en español como en ruso, la semántica verbal, denotativa (en su propio sentido), connotativa (en su sentido secundario), intramodal (entre las formas del mismo modo gramatical) e intermodal (entre las formas de diferentes modos gramaticales), destaca por una notable riqueza. Las relaciones sinonímicas verbales en ambas lenguas son tipológicamente simétricas y asimétricas, hecho que se explica, por una parte, por la histórica aproximación estructural flexiva del verbo español y del verbo ruso y, por otra, por la divergencia semántica configurada en el proceso de la evolución de las lenguas sintética rusa y de la lengua analítica española.

1. Polifuncionalidad verbal

Tras haber comparado la categoría de "tiempo verbal", en español y en ruso, hemos llegado a la conclusión de que esta se caracteriza por su polifuncionalidad semántica objetiva y antropomorfa (psicológica).

Además de ser una forma de existencia de la materia, el tiempo verbal, independientemente de la lengua, rusa o española, es inseparable del espacio y está en un continuo movimiento, es parte inalienable del pensamiento, interviene como una de sus formas, y, *lato sensu*, como una forma de la creación histórico-cultural, la cual se refleja de manera inminente en la formación de los campos semánticos verbales. Al tiempo objetivo le es propia la uniformidad cronológica, mientras que al subjetivo, la irregularidad informativa [Пиотровский, 2004].

Los resultados del análisis cognitivo, gnoseológico y axiológico, de los significados gramaticales del tiempo verbal en español y ruso, evidencian que es su polifuncionalidad la que es la causa de los distintos modos lingüísticos (*stricto sensu* verbales) de expresar el tiempo en la naturaleza, en la sociedad, en la cultura, en la percepción subjetiva del individuo, así como su reflejo en la conciencia, transformación artística, concepción científica, etc. Antes de desintegrarse en significados denotativos y connotativos, a estos les precede la intelección de la realidad objetiva y su posterior copia por la conciencia. Acto seguido, el cerebro humano refleja objetivamente el tiempo, esto es, lo denota, o subjetivamente dicho, lo connota, tanto en ruso como en español.

2. Intelección filosófica de los valores del verbo

En el marco de la connotación, en ambas lenguas, una misma forma temporal del verbo, respaldada por medios adicionales lingüísticos o extralingüísticos, puede expresar la velocidad, rápida o lenta, de la acción vivida por el individuo. En la lengua española moderna funciona una considerable variedad de las formas temporales del verbo que están en estrecha relación con las distintas propiedades métricas y topológicas del espacio. Al igual que el *continuum* espacial, el temporal, desde el punto de vista lingüístico, implica una logaritmicidad, matemáticamente precisa, la cual depende de las coordenadas espaciales o temporales, siendo, a nivel ontológico, un rasgo principal exclusivamente del funcionamiento del cerebro, es decir, de su función cognitiva. En ambas lenguas funcionan también otras propiedades semánticas del verbo como la convertibilidad, la transponibilidad, la exponenciabilidad, el isomorfismo y el sinergismo que generan las peculiaridades de las relaciones sinonímicas verbales.

Las formas temporales del verbo español y del verbo ruso se caracterizan, en el marco semántico, por una riqueza denotativa y

connotativa. Independientemente de cómo se denomine el enfoque semántico del verbo (estilístico, pragmático), desde el punto de vista de la función de las formas temporales, sus significados denotativos funcionan sinergéticamente en los dos planos cronológicos a nivel intramodal, correlacionándose con la función informativa. A su vez, los significados connotativos del verbo y sus relaciones sinonímicas (como "Presente *pro* Futuro": *Mañana te espero en el parque*, "Presente *pro* Pasado Simple: *Colón descubre el Nuevo Mundo en 1492*", "Pasado Simple *pro* Pluscuamperfecto": *Cuando vine a casa mis padres se fueron ya*, "Futuro *pro* Imperativo": *¡Vas a casa enseguida!*, etc. en español y "Presente *pro* pasado imperfectivo": *Иду я вчера по улице и вижу*.., "Pasado perfectivo *pro* futuro perfectivo": *Значит, завтра я купил новую машину, а потом что?*, etc. en ruso) entran en el número de los medios lingüísticos que constituyen en suma la función emotiva de la lengua. Todos estos valores se encuentran en el espacio de la estilística o de la pragmática, aunque se apoyan en las formas gramaticales del verbo.

3. Potencias sinonímicas del verbo en ruso y español

Las potencias sinonímicas verbales en las lenguas española y rusa constituyen el resultado de la evolución semántica de las formas morfosintácticas. Los 12 escalones isomorfos (aspecto lógico), expresados estructuralmente en la lengua española por las formas verbal-temporales (aspecto gramatical) implican la presencia potencial del enarmonismo (e.d. función parecida) el cual, en definitiva, ejerce como un mecanismo que rige la sinonimia denotativa o connotativa en el marco de las relaciones intramodales, intermodales y hasta interlingüísticas en los dos planos cronológicos. Hemos descubierto que a nivel interlingüístico el esquema estructural semántico del verbo español, denotativo y connotativo, construido por nosotros como una matriz puede servir de una especie de metalenguaje para la explicación y sistematización de los tipos de sinónimos verbales en general.

Los planos cronológicos del verbo, tanto analítico como sintético, a su vez, están estructurados en las lenguas española y rusa, de tal modo que el segundo plano siempre es el reflejo del primero, como en un espejo. Por consiguiente, si cualquier sucesión en la línea discreta del tiempo que se ve como un fragmento desde el pasado a través del presente hasta el futuro,

en el primer plano cronológico, se distribuye sinergéticamente, conforme a las leyes de la "autodistribución de la materia" [Пиотровский, 2004, с. 37] en el sentido de las agujas del reloj, y desde el futuro hasta el pasado contra el sentido de las agujas del reloj; en el segundo plano cronológico todo está al revés, como en el espejo. Esta reflexión facilita la comprensión de la posibilidad o de la imposibilidad de la formación de la sinonimia verbal en ruso y en español.

La concordancia de las formas temporales del verbo español y ruso es una ley universal, panlingüística, que se debe a su dependencia total de las categorías lógicas (plano supralingüístico). La llamada "violación" de las normas de la concordancia gramatical por el hablante nativo de español o de ruso no es su falta de conocimiento de la gramática, no es su ignorancia lingüística; se trata de otro nivel de relaciones: el metalingüístico, el meramente antropomorfo que posibilita "infringir" las reglas de la gramática. Dicho de otro modo, al desviarnos de las reglas del uso normativo de las formas temporales del verbo sobrepasamos la denotación y entramos en el mundo libre de las connotaciones gracias a las cuales el lenguaje del individuo se hace tan rico en matices estilísticos, mutuamente convertibles en sinónimos gramaticales.

El análisis integral de las potencias semánticas y estilísticas de las estructuras verbales en español y en ruso, a nivel intramodal e intermodal, nos ha convencido de que la sinonimia verbal, al igual que los demás fenómenos de la lengua, está condicionada por la función. Hasta podemos afirmar, siguiendo al académico de la RAE, Salvador Gutiérrez Ordóñez (1997), que está formada por la función. Sin recurrir al aspecto funcional de las categorías de la lengua, es imposible comprender su significado o su uso. Prácticamente, cada una de las funciones puede tener su propio estrato, sus propias connotaciones estilísticas. Las connotaciones pueden ser tratadas a través del prisma de las funciones de la lengua con las cuales estas se correlacionan. Se registra una simetría proporcional entre la connotación y la función.

Toda función de la lengua puede tener carácter social; por consiguiente, puede tener su propia connotación estilística. Las formas estilísticas del verbo español estudiadas por nosotros poseen gran potencial connotativo. En la lengua rusa, la mayor parte de las connotaciones del verbo depende, en mayor grado que en la lengua española, del entorno contextual y de la situación que lo crea.

4. Clasificación de los tipos de la sinonimia verbal

A nuestro modo de ver, las formas morfológicas del verbo se clasifican, en el entorno contextual, no solo en sinónimos denotativos sino también en connotativos basados en las fórmulas: 1) "tiempo *pro* tiempo" 2) "modo *pro* modo"). Independientemente del tipo de connotación, las formas aspectual-temporales, tanto del verbo español como del ruso, representan una asimetría semántica y estructural, la cual puede producir la llamada "violación" de la *consecutio temporum*.

El repertorio de las connotaciones sinonímicas que poseen los verbos español y ruso, a nivel sintagmático, es más amplio que el enfrentado en las gramáticas clásicas en ambas lenguas, como, por ejemplo, "Futuro Perfecto *pro* Pretérito Perfecto", "Presente *pro* Futuro", etc., en español, e "Infinitivo *pro* presente", "Interjección *pro* pasado perfectivo", etc., en ruso. El análisis cuantitativo ha permitido establecer que los tiempos perfectos en español y perfectivos en ruso entran en relaciones sinonímicas a nivel interlingüístico. Se usan muy frecuentemente en las oraciones independientes, no subordinadas, a diferencia de los modos Subjuntivo y Potencial (en ruso *сослагательное наклонение*) que se caracterizan en su uso por una marcada dependencia sintáctica.

En una serie de estilos como coloquial, informático, científico, etc. se perfila una tendencia clara en ambas lenguas: correlacionar las acciones expresadas por la forma verbal con el momento absoluto del habla. Debido a ello, se da una prioridad frecuente al uso de las formas sintéticas del verbo, ampliándose de esta manera su base sinonímica cada vez con más frecuencia. Con ello, se observa una marcada sintetización del sistema verbal, en las diferentes variantes de la lengua española, de los países latinoamericanos en primer lugar, gracias a la ampliación del conjunto de semas de los tiempos gramaticales con valor absoluto (independiente).

Semejante proceso de sintetización había experimentado el verbo ruso en el transcurso de su evolución histórica cuando la antigua lengua rusa analítica fue convirtiéndose en la sintética, que es su estructura actual [Соболевский, 1907, с. 53].

La transición sinonímica intermodal de las formas morfológicas con valor virtual expresadas por el Subjuntivo y el Potencial (en ruso *подчинительное* и *условное наклонение*) al Modo Indicativo se realiza conforme a la ley dialéctica de Hegel, "negación de la negación". En

otras palabras, la sinonimia de los significados de las formas temporales, tanto del verbo español como el verbo ruso, funciona en el marco de una misma matriz semántica metalógica, denotativo-connotativa intramodal e intermodal [Raytarovskiy, 2011, p. 195].

5. Significados denotativos y connotativos del verbo español y ruso

Tras haber estudiado la semántica denotativa y connotativa del verbo español, nos propusimos llevar a cabo un análisis comparativo-contrastivo de la misma con la del verbo ruso. Hemos establecido que la denotación de las formas verbales españolas se basa en las estructuras morfológicas de tal o cual forma verbal llamadas a denotar morfológicamente las categorías estructurales y los significados principales. Si el verbo español está utilizado en Presente de indicativo, en su sentido propio, deducimos que posee el significado denotativo. Lo mismo pasa en la lengua rusa: si el verbo se usa en su sentido propio, funciona, entonces, como una forma denotativa. Tanto las formas verbales rusas como las españolas funcionan se comportan de manera igual en las perspectivas temporales del presente, futuro y pasado. Sin embargo, cuando estas formas temporales se estudian desde el punto de vista de sus relaciones sinonímicas encontramos muchas analogías y también contrastes. Vamos a analizar los siguientes ejemplos:

1. *Los astrónomos afirman que la Tierra gira* (*Presente de Indicativo con valor "actual"*) *alrededor del Sol* / *Астрономы утверждают, что Земля вертится* (Presente de Indicativo con valor "actual") *вокруг Солнца* (analogía completa)

2. *Los astrónomos afirmaban que la Tierra gira* (*"presente atemporal"*) *alrededor del Sol Астрономы утверждали, что Земля вращается* (*"presente atemporal"*) *вокруг Солнца* (*analogía completa*)

3. *Los astrónomos afirmaban que la Tierra giraba* (Imperfecto de indicativo) *alrededor del Sol / Астрономы утверждали*, *что Земля* вращается (*"presente atemporal"*) *вокруг Солнца* (*contraste*).

En el ejemplo 3, dada la distinta concordancia de los tiempos verbales en la lengua rusa, podemos utilizar en la oración subordinada solo el "presente atemporal". Caso contrario, cambiará el sentido: "*giraba*" y

ahora "*ya no gira*". La causa de esta imposibilidad de la concordancia dimana, como se sabe, de las peculiaridades del aoristo antiguo eslavo, el cual significaba también una acción no solo paralela a la del predicado de la oración principal sino también la anterioridad; es decir, podía denotar una acción acabada antes de otra acción pasada, al igual que el pluscuamperfecto español de hoy.

Siguiendo las reflexiones acerca de las relaciones sinonímicas del verbo español y del verbo ruso, cabe señalar que hay no pocas analogías sinonímicas relacionadas con la connotación que nace gracias a la convertibilidad semántica de una forma temporal por otra de distinto plano cronológico, como, por ejemplo, en español, Presente de Indicativo *pro* Futuro simple de Indicativo. Analógicamente, la lengua rusa permite esta convertibilidad sinonímica, *настоящее время вместо будущего* ("presente de indicativo *pro* futuro de aspecto perfectivo), "presente de indicativo *pro* pasado imperfectivo, o pasado perfectivo" e incluso "presente de indicativo *pro* futuro en el pasado". Es imposible decir en español, como tampoco en ruso, *cuando irá a casa se detenía a cada paso / когда пойдет домой останавливался на каждом шагу*, pero en cambio sí sería correcto decir tanto en español como en ruso *cuando iba* (en imperfecto) *когда шел* (en pasado imperfectivo) según la fórmula lógica universal reflejada en las formas verbales. Esta analogía interlingüística es modélica ya que se basa, no tanto en los contornos sintagmáticos, como en la presión que ejerce la irreversibilidad del tiempo universal.

Los sinónimos de los significados denotativos y connotativos de las formas verbales en las lenguas española y rusa los vamos a comparar según sus campos semánticos y semas aislados. El conjunto de semas, por ejemplo, del Presente de Indicativo español es amplio ya que posee semas como "presente actual," "presente habitual denotativo", "presente venidero connotativo", "presente universal denotativo", "presente histórico connotativo", "presente de mandato connotativo". Este mismo conjunto semántico también es propio del verbo ruso. La terminología no es igual en español y ruso, pero las funciones de las formas gramaticales del verbo son las mismas: *настоящее актуальное* "presente actual", *настоящее историческое* "presente histórico", *настоящее футуральное* "presente venidero", *настоящее универсальное* "presente universal", etc. Se observa una nítida analogía en ambos sistemas verbales a nivel denotativo y connotativo. ¿A qué se debe? Es obvio que se trata de la acción de un

metalenguaje lógico, integral, el que rige la elección cognitiva de la utilización de tal o cual forma verbal dentro del contexto sintagmático. Es más que la mera gramática, es la ley universal que, independientemente de la lengua concreta, impone al hablante su voluntad. Empero, además de la analogía del uso de las diferentes connotaciones verbales, tropezamos con el factor exclusivamente idiomático regido por las reglas gramaticales cristalizadas históricamente. He aquí una analogía del "futuro de probabilidad" en español y en ruso:

Será (*Futuro simple con valor de "probabilidad"*) *estudiante* / *Он уже будет* (*Futuro perfectivo con valor de "probabilidad"*) *студентом* On *uzhe budet studentom*

y un contraste: "futuro perfectivo de Indicativo en ruso":

Никак не напишу (Futuro perfectivo pro presente) *слово*, *которое сейчас ищу Nikak ne napishú slovo kotoroye seychas ischu* (literalmente: *De ninguna manera escribiré* (*Futuro simple*) *la palabra que estoy buscando* en lugar de *no acabo* (*Presente de Indicativo*) *de encontrar la palabra que estoy buscando*.

Este es un caso típico en ruso que con el verbo en futuro, relacionado con el momento presente del habla y en forma negativa, se expresa, a nivel exclusivamente idiomático ruso, un "valor de imposibilidad". En español diríamos en semejante caso:

No acabo de encontrar la llave que estoy buscando.

¿Gracias a qué factores tanto en español como en ruso nace la sinonimia verbal? Obviamente, gracias a la acción de las leyes universales lógicas reflejadas cognitivamente sin depender de qué lengua es. A nivel del metalenguaje lógico se observa una identidad de expresiones tanto en ruso como en español:

- Было *тогда*, *когда* было / *fue entonces cuando fue*,
- Есть *тогда*, *когда* есть / *es entonces cuando es*,
- Будет *тогда*, *когда* будет / *será entonces cuando sea*.

Por el contrario, no pueden ser sinonímicas las relaciones cuando las formas verbales no se atienen a las reglas de la concordancia temporal (compárese: *fue entonces cuando será*). No podemos decir *él compró un coche nuevo cuando tenga dinero suficiente*. Tampoco lo podemos hacer en ruso. Sería absolutamente incorrecto, o sea, contrario a la

lógica decir *он купил новую машину*, *когда у него будет достаточно денег on kupil novuyu mashinu kogda u negó budet dostatochno deneg* (literalmente: *él compró un coche nuevo cuando tenga dinero suficiente*). Cuando no se respeta la concordancia de las perspectivas temporales, es imposible convertir las formas verbales que vemos en esos sintagmas en español y en ruso. En cambio, se torna posible tras la debida corrección, o sea, tras el restablecimiento del sentido lógico, de la misma frase en ambas lenguas:

Pudo comprar el coche nuevo cuando ahorró dinero suficiente, *pudo comprar... cuando había ahorrado*, *posiblemente hubiera comprado… cuando ahorró*, etc. (en ruso, igual)

Así, gradualmente, comparando los sistemas verbales en español y en ruso, vamos no solo a establecer las analogías semánticas de las formas así como sus potencias sinonímicas, sino también a explicar por qué es así y no de otro modo.

6. Sinonimia connotativa verbal en español y ruso

Al analizar la sinonimia de las formas verbales, en diferentes modos y tiempos, hemos visto que en ambas lenguas se registra la sinonimia connotativa tanto intramodal (dentro de los Modos gramaticales) como intermodal (entre los Modos gramaticales).

6.1 Sinonimia intramodal en español y en ruso

Absolutamente idéntico en ambas lenguas surge la sinonimia intramodal entre las formas verbales que pertenecen a distintos Modos. Compárese:

No creo que ella haya vuelto (*Subjuntivo*) / *Не думаю*, *чтобы она вернулась* (Subjuntivo)

6.1.2 Modalidad real (Modo indicativo)

Existe tanto es la lengua española como en la lengua rusa en los siguientes términos:

Estoy seguro que ella está (Presente de indicativo) *en casa* / *Я уверен*, *что она находится* (Presente de Indicativo) *дома*

6.1.3 "Presente de Indicativo histórico *pro* Pasado simple o Imperfecto de Indicativo"

Estalla (Presente) *la segunda guerra mundial y la economía del país atraviesa* (Presente) *por una crisis grave pro Estalló / estallaba* (Pasado simple / Imperfecto) *la segunda guerra mundial y la economía del país atravesó / atravesaba* (Pasado simple/Imperfecto) *por una crisis grave*

En ruso, esta sinonimia connotativa existe, tiene por equivalente semántico "*настоящее историческое* вместо *прошедшего совершенного или несовершенного*" "Presente de Indicativo histórico *pro* pasado de Indicativo de aspecto perfectivo o imperfectivo".

6.1.4 Presente de Indicativo *pro* futuro inmediato o futuro simple

En ruso existe como *настоящее изъявительного наклонения* вместо *будущего совершенного вида изъявительного наклонения* "Presente de Indicativo *pro* futuro de aspecto perfectivo": *Завтра я покупаю дом*.

6.1.5 "Pasado Simple de Indicativo *pro* Pasado Compuesto de Indicativo"

En ruso, como sinónimo, no existe por cuanto carece de un Pasado Compuesto de Indicativo, forma analítica antigua que fue aglutinada por el Pasado de aspecto perfectivo, por un lado, y por el Pasado de aspecto imperfectivo, por el otro. La ausencia del Pasado Compuesto se compensa con *прошедшее совершенного вида* или *прошедшее несовершенного вида* (Pasado de aspecto perfectivo o pasado de aspecto imperfectivo) en dependencia del contexto.

6.1.6 "Pasado Simple de Indicativo *pro* Pluscuamperfecto de Indicativo"

En ruso tampoco existe, a causa de la ausencia del pluscuamperfecto (tiempo aorístico en desuso en la lengua rusa). Se compensa con *прошедшее совершенного вида* или *прошедшее несовершенного вида* (Pasado de aspecto perfectivo o Pasado de aspecto imperfectivo) en dependencia del contexto.

6.1.7 "Pasado Simple de Indicativo *pro* Pasado Anterior"

Tal sinonimia en ruso no existe porque no hay una forma analítica parecida. Se compensa exclusivamente con *прошедшим совершенного вида* (Pasado de Indicativo de aspecto perfectivo).

6.1.8 “Pasado Simple de Indicativo *pro* futuro de Indicativo”

Este tipo de sinonimia en ruso existe y es, a diferencia del español, bastante productiva. Por lo general, tiene por equivalente, a *прошедшее изъявительного наклонения совершенного вида* (Pasado de Indicativo de aspecto perfectivo *pro* Futuro de Indicativo de aspecto perfectivo).

6.1.9 “Imperfecto de Indicativo *pro* Pasado Simple de Indicativo”

En ruso existe también. Funciona como *прошедшее изъявительного наклонения несовершенного вида* вместо *прошедшего изъявительного наклонения совершенного вида* (“Pasado de Indicativo de aspecto imperfectivo *pro* Pasado de Indicativo de aspecto perfectivo”).

6.1.10 “Imperfecto de Indicativo *pro* Pasado Compuesto de Indicativo”

En ruso no existe este sinónimo connotativo, por la misma razón de que ya no existe en la lengua rusa esta estructura analítica. Se compensa con *прошедшее изъявительного наклонения несовершенного вида* (Pasado de Indicativo de aspecto imperfectivo).

6.1.11 “Imperfecto de Indicativo *pro* Pluscuamperfecto de Indicativo”

En ruso no existe ya que, desde hace más de tres siglos, el equivalente histórico ruso aorístico cayó en desuso. Se compensa con el *прошедшее изъявительного наклонения совершенного вида* (Pasado de Indicativo de aspecto perfectivo).

6.1.12 “Imperfecto de Indicativo *pro* Presente de Indicativo

Esta estructura sinonímica en ruso existe como *прошедшее изъявительного наклонения несовершенного вида* вместо *настоящего изъявительного наклонения* (“Pasado de Indicativo de aspecto imperfectivo *pro* Presente de Indicativo”.

6.1.13 “Imperfecto de Indicativo *pro* Futuro en el pasado expresado por el Modo Potencial”

Esta sinonimia no existe en ruso. La causa es la ausencia en ruso de la estricta concordancia de los tiempos verbales que se constata en el español. Se compensa con el *настоящее изъявительного наклонения* (Presente

de Indicativo). Tiene por equivalente *настоящее* вместо *будущего совершенного вида* (“Presente *pro* Futuro de aspecto perfectivo”).

6.1.14 “Pasado Compuesto de Indicativo *pro* Pasado Simple de Indicativo”

Como el Pasado Compuesto en ruso ya no existe y tampoco encontramos esta estructura sinonímica. Se compensa con el uso en los dos casos del *прошедшее изъявительного наклонения* (Pasado de Indicativo).

6.1.15 “Pluscuamperfecto de Indicativo *pro* Pasado Simple de Indicativo”

El Pluscuamperfecto en ruso no existe, por eso no se encuentra este tipo de sinonimia gramatical. El “*прошедшее изъявительного наклонения совершенного вида*” (Pasado de Indicativo de aspecto perfectivo) compensa la ausencia del Pluscuamperfecto de Indicativo.

6.2 Sinonimia Intermodal en español y en ruso

6.2.1 “Presente de Indicativo de mandato *pro* Imperativo”

Este sinónimo gramatical con valor de obligación existe en ruso como *настоящее* вместо *будущего* (“Presente pro Imperativo”).

6.2.2 “Presente de Indicativo *pro* Imperfecto o Pluscuamperfecto de Subjuntivo”

En la lengua rusa no existe, a pesar de que en ella funciona el *сослагательное наклонение* (Modo Subjuntivo) que en realidad es la forma verbal en pasado de aspecto imperfectivo o pasado de aspecto perfectivo + la partícula *бы* by.

6.2.3 “Futuro Simple de Indicativo *pro* Presente de Indicativo y *pro* Presente de Subjuntivo”

En la lengua rusa existe, equivale a esta estructura sinonímica el *будущее изъявительного наклонения совершенного вида* вместо *настоящего изъявительного наклонения* (“Futuro de Indicativo de aspecto perfectivo (limitado al verbo быть byt´) *pro* Presente de Indicativo”). En cambio, la sinonimia “Futuro *pro* Subjuntivo” no se documenta en ruso.

6.2.4 "Futuro Compuesto de Indicativo *pro* Pasado Compuesto de Subjuntivo

En el idioma ruso no existe, dado que carece de estos tiempos perfectos. Equivale a esta connotación sinonímica el *прошедшее изъявительного наклонения совершенного вида* (Pasado de Indicativo de aspecto perfectivo + adverbio de probabilidad).

6.2.5 "Futuro Simple de Indicativo *pro* Imperativo"

En ruso existe. Funciona como el *будущее изъявительного наклонения несовершенного* или *совершенного вида* (Futuro de Indicativo de aspecto imperfectivo o de aspecto perfectivo).

6.2.6 "Subjuntivo *pro* imperativo"

Existe en ruso como el *сослагательное наклонение* вместо *повелительного наклонения* ("Modo Subjuntivo *pro* Modo Imperativo").

7. Sinónimos connotativos intermodales existentes solo en la lengua rusa

7.1 "Infinitivo imperfectivo *pro* Presente de Indicativo ruso"

En español no existe. Puede equivaler semánticamente la connotación sinonímica descriptiva con valor incoativo "ponerse a + infinitivo" en Presente de Indicativo.

7.2 "Infinitivo de aspecto perfectivo o de aspecto imperfectivo con valor interrogativo *pro* Subjuntivo"

En español no existe. *Закрыть* (Infinitivo perfectivo) *окно*? (literalmente: *¿cerrar la ventana?*). Semánticamente, en español vendría a ser en Subjuntivo: …*¿Que cierre la ventana? o en Indicativo: ¿cierro la ventana?*

7.3 "Pasado de Indicativo de aspecto perfectivo *pro* imperativo"

Закрыли окна! – literalmente: ¡cerraron las ventanas! – *pro* Imperativo" (*¡cerrad las ventanas!*).
Puede equivaler en español al enunciado *¡Que cerréis* (Subjuntivo) *las ventanas!*

7.4 "Imperativo *pro* pasado de Indicativo de aspecto perfectivo"

А он как побеги (Imperativo) *с криком «на помощь»!* (literalmente: *él correrá gritando ¡socorro!*), pero semánticamente, equivaldría a *"él se echó* (*Pasado simple de Indicativo*) *a correr rápidamente gritando ¡socorro!"*

7.5 "Interjección verbal *pro* Pasado de Indicativo de aspecto perfectivo"

Esta connotación sinonímica intermodal del verbo ruso es bastante rara. Un rusohablante, con el fin de enfatizar emocionalmente la velocidad de la acción verbal, usa, pasando al lenguaje coloquial, "la interjección verbal *pro* pasado de aspecto perfectivo":

Он бабах (*interjección verbal*) *в постель и спать!* literalmente: *él ¡plaf! a la cama y ¡a dormir!*

Conclusión

El dilatado estudio de la sinonimia de las formas gramaticales (temporales y modales) que hemos venido realizando desde hace tres decenios, a partir de los trabajos ajenos y de los ejemplos reunidos por nosotros, posibilita reducir el material investigado, sin entrar en el número de ilustraciones, cada vez mayor, a la final conclusión de que es la base lógica universal la que rige las relaciones sinonímicas denotativas y connotativas a nivel intramodal e intermodal del sistema temporal-aspectual del verbo en las lenguas española y rusa modernas.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Пиотровский Р. Г.* Лингвистическая синергетика. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2004.
2. *Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка // [Соч.] А. И. Соболевского, акад. Имп. Акад. наук и проф. Имп. Санкт-Петербургского ун-та. 4-е изд. М.: Унив. тип., 1907.
3. *Raytarovskiy V. V.* Sinonimia intramodal e intermodal de los significados denotativos y connotativos de las formas temporales del verbo en la lengua española moderna: monografía. 2nda ed. Moscú : Universidad Internacional de Moscú y Universidad de León (España), 2011.

REFERENCES

1. Piotrovsky, R. G. (2004) Lingvisticheskaya sinergetika = Linguistic synergetics. Saint Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg State University. (In Russ.)
2. Sobolevsky, A. I. (1907). Lektsii po istorii russkogo yazyka = Lectures on the history of the Russian language, [Works] A. I. Sobolevsky, acad. Imp. Acad. sciences and prof. Imp. St. Petersburg. un-that. 4th ed. (In Russ.)
3. Raytarovskiy, V. V. (2011). Sinonimia intramodal e intermodal de los significados denotativos y connotativos de las formas temporales del verbo en la lengua española moderna: monografía. 2nd ed. Moscú: Universidad Internacional de Moscú y Universidad de León (España).

Информация об авторе

Райтаровский В. В. – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Московского международного университета (ММУ), почетный профессор ММУ, доктор Леонского университета (Испания)

Information about the author

Raytarovskiy V. V. – PhD (Philology), Professor Honoris Causa, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Speech Communication, Moscow International University; Doctor of the University of Leon (Spain)

Статья поступила в редакцию 12.07.2021;
одобрена после рецензирования 09.08.2021; принята к публикации 11.08.2021

The article was submitted 12.07.2021; approved after reviewing 09.08.2021;
accepted for publication 11.08.2021

Научная статья

УДК 81’362:375

DOI 10.52070/2542-2197_2021_12_854_115

ДИСКУРСИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АББРЕВИАЦИИ В СФЕРЕ БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

(на материале специализированной французской литературы)

Е. А. Терзийска

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, elena_terziyska@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению дискурсивных особенностей аббревиации в сфере библиотечно-информационной деятельности. Материалом исследования является специализированная французская литература: пособия по библиотечно-информационной сфере деятельности, интернет сайты ассоциации библиотечных работников Франции «Association des bibliothécaires de France», документы Национальной библиотеки Франции «Bibliothèque nationale de France», а также других франкоязычных интернет-ресурсов ассоциаций, библиотек и каталогов в сфере библиотечно-информационной деятельности.

Ключевые слова: дискурс, библиотечно-информационная деятельность, библиотечный дискурс, информационный дискурс, аббревиация, омонимия, омонимическая акронимия, заимствование

Для цитирования: Терзийска Е. А. Дискурсивные особенности аббревиации в сфере библиотечно-информационной деятельности в эпоху цифровизации (на материале специализированной французской литературы) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 12 (854). С. 115–127. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_12_854_115

Original article

DISCURSIVE FEATURES OF ABBREVIATIONS IN THE FIELD OF LIBRARY AND INFORMATION SCIENCE IN THE DIGITAL ERA

(in language for special purpose)

E. A. Terziyska

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, elena_terziyska@bk.ru

CC BY

Abstract. The article is devoted to the study of discursive features of abbreviation in the field of library and information activities. The research material is the specialized French literature: manuals on library and information activities, Internet sites of the Association of library workers of France "Association des bibliothécaires de France" documents of the National library of France "Bibliothèque nationale de France", as well as other French-language Internet resources of associations, libraries and catalogues in the field of library and information activities.

Key words: discourse, informational library science, library discourse, information discourse, abbreviation, homonymy, homonymy acronym, borrowing

For citation: Terziyska, E. A. (2021). Discursive features of abbreviations in the field of library and Information science in the digital era (in ;anguage for special purpose). Vestnik of Moscow State University. Humanities, 12 (854), 115–127.
DOI: 10.52070/2542-2197_2021_12_854_115

Введение

В настоящее время аббревиатуры представляют собой широко распространенное явление в различных языках, что связано с активной цифровизацией всех сфер жизни человека. В статье рассмотрены дискурсивные особенности единиц аббревиации, используемые в современной библиотечно-информационной деятельности.

Цель исследования состоит в анализе феномена аббревиации в современном библиотечно-информационном дискурсе французского языка.

Актуальность работы обусловлена необходимостью научного изучения данного средства номинации в библиотечно-информационной среде. Активный перенос всех основных библиотек в онлайн-формат приводит к появлению большого количества новых понятий, терминов из смежных сфер деятельности и англоязычных заимствований. Дополнительный интерес представляет исследование структур аббревиатур, полностью совпадающих по форме с узуальными словами, т. е. явление акронимической омонимии.

В нашей статье аббревиация рассмотрена на материале специализированной французской литературы библиотечно-информационной деятельности ассоциации библиотечных работников Франции «Association des bibliothécaires de France» и интернет-сайта Национальной библиотеки Франции «Bibliothèque nationale de France».

Особенности библиотечно-информационного дискурса

В современной отечественной лингвистике существует несколько теорий, раскрывающих содержание понятия «дискурс». Так, В. В. Богданов рассматривает речь и текст как разные аспекты дискурса, две его неравнозначные стороны. Здесь дискурс понимается более широко: как речевая деятельность, представляющая собой также и «языковой материал» [Щерба, 1974, с. 29], в его звуковой или графической репрезентации. Текст же понимается в более узком смысле как «языковой материал, фиксированный на том или ином материальном носителе с помощью начертательного письма» [Богданов, 1993, с. 5–6]. В рамках такого подхода «речь» и «текст» являются видовыми, а «дискурс» – родовым термином, объединяющим последние. Более того, «печатное речевое выступление является элементом речевого общения» [Волошинов, 2000, с. 429]. Таким образом, дискурс предстает не просто «произвольным фрагментом текста» [Демьянков, 1982, с. 7], а, наоборот, подчеркивается обобщающий характер понятия «дискурс».

Суммируя все точки зрения на понятие «дискурс», в статье мы рассматриваем «дискурс» как тип речевого поведения субъекта, детерминированный сложившимися в определенном социуме историческими условиями.

С позиций отечественной лингвистики дискурс – «сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цель адресата), необходимые для понимания текста» [Караулов, Петров, 1989, с. 5–7]. Дискурс определен утвердившимися стереотипами интерпретации текстов, а дискурс определенного социального института «неразрывно связан с историческими процессами, протекающими в этом институте, и находится под постоянным влиянием институциональной эволюции» [Сдобнова, 2012, с. 184–198]. Институциональный дискурс в нашей статье определяется «как динамический язык социального института в устных и письменных синхронических практиках его репрезентативных текстов с учетом их синхронно-динамических изменений, являющихся закономерным лингвистическим отображением развития общества в целом и соответствующего социального института в частности» [Сдобнова, 2016(а), с. 152].

Методология исследования библиотечно-информационного дискурса, его теоретическое модулирование не были ранее исследованы. В содержание библиотечно-информационного дискурса должны быть включены все компоненты, способные влиять на порождение и восприятие речи. К их числу относятся другие тексты, содержание которых учитывается автором и адресатом текста, представление автора об адресате. Субъектом библиотечно-информационного дискурса является библиотекарь-библиограф. Именно он несет ответственность за проведение дискурса и его результаты, т.к. является более подготовленными к участию в идеальной речевой коммуникации.

В сфере библиотечно-информационного дискурса особый интерес представляет изучение феномена аббревиаций.

Аббревиация – относительно молодой способ словообразования. Его распространение в современной речи обусловлено действием закона экономии, однако корни процесса аббревиации уходят далеко в прошлое.

Прежде всего, необходимо разделять понятия «аббревиатура» и «аббревиация». Аббревиация – это «особый способ словообразования, направленный на создание более коротких по сравнению с исходными структурами синонимичных их номинаций» [Ярцева, 2002, с. 7]. В рамках данной статьи мы разделяем мнение Ю. Н. Сдобновой о том, что аббревиация – это «практичный, продуктивный и прагматически обоснованный способ пополнения лексического состава» профессионального языка, обслуживающего институциональную коммуникацию [Сдобнова, 2016(б), с. 216].

В библиотечно-информационном дискурсе выделяют следующие аббревиатуры на материале французского языка: инициальные аббревиатуры, которые, в свою очередь, делятся на три типа: звуковые, буквенные, буквенно-звуковые (смешанные); слоговые аббревиатуры; смешанные (инициально-слоговые). В большинстве случаев во французских текстах встречаются:

– звуковые аббревиатуры, или акронимы (*ANOM – Archives nationales d'outre-mer*);

– буквенные, или инициальные, аббревиатуры (*MMP – la Médiathèque musicale de Paris*);

– аббревиатуры смешанного типа, слоговые, к которым также могут быть отнесены и сокращенные слова (*Bilipo – Bibliothèque des*

littératures policières: Les crimes de l'année, une sélection critique de romans policiers réalisée par un comité de Bilipo et d'autres bibliothèques de la ville de Paris)[1].

Аббревиатуры в библиотечно-информационном дискурсе

Рассмотрим более подробно некоторые типы аббревиатур и их особенности:

Инициальная аббревиатура (sigle), под которой имеются в виду следующие типы аббревиатур:

1. ***Буквенная***, состоящая из «алфавитных названий начальных букв слов, образующих исходное словосочетание» [Ахманова, 1969, с. 27].

Приведем некоторые примеры инициальных аббревиатур первого типа в рамках изучаемого нами дискурса:

(1) BU (Bibliothèque universitaire) – университетская библиотека – L'histoire de la construction des BU en France depuis la Deuxième Guerre mondiale peut être divisée en trois phases: une première phase d'extension, contemporaine de ce qu'on a appelé les Trente Glorieuses; une période de crise, de 1975 à la fin des années quatre-vingt (rapport Miquel, 1989); enfin, une nouvelle phase de développement, toujours en cours [Le Métier de Bibliothécaire, 2013, c. 334.]

(2) CNL (Centre national du livre) – Национальный центр книги (*http://mediadix.parisnanterre.fr/cours/Edition/207EditionEtat.htm*).

(3) BNF (Bibliothèque Nationale de France) – Национальная библиотека Франции (*https://www.enssib.fr/bibliotheque-numerique/documents/2059-les-dons-sortants-a-la-bibliotheque-nationale-de-france.pdf*).

(4) MMP (la Médiathèque musicale de Paris) – Парижская музыкальная Медиатека (*https://ccfr.bnf.fr/portailccfr/ark:/06871/0029335*).

(5) BPI (Bibliothèque publique d'information) – Публично-информационная библиотека (*https://www.legifrance.gouv.fr*).

В примерах (3) и (4) сокращения BNF и BPI используются в таком виде непосредственно в специализированной литературе.

[1] URL: https://www.enssib.fr/bibliotheque-numerique/documents/48300-quelle-politique-documentaire-pour-les-bibliotheques-specialisees-de-la-ville-de-paris.pdf.

Сокращения BnF и Bpi являются зарегистрированными товарными знаками и используются в первую очередь в официальных названиях соответствующих учреждений.

(6) CNRS (Centre national de la recherche scientifique) – Национальный центр научных исследований – Parfois rattachée au ministère de l'Industrie, ou bénéficiant d'un ministère spécifique, l'administration de l'activité de recherche menée par des grands organismes scientifiques, comme le CNRS, indépendamment ou en lien avec les universités, est assurée par le ministère en charge de l'Enseignement supérieur et de la Recherch [Le Métier de Bibliothécaire, 2013, c. 102].

(7) CRFCB (Centre régional de formation aux carrières des bibliothèques et de la documentation) – Региональный центр образования для сотрудников библиотек и информации – Plusieurs universités proposent des diplômes d'université dans le domaine des bibliothèques: les CRFCB, en particulier, ont souvent maintenu ou recréé des formations élémentaires ou spécialisées héritées de l'ancien CAFB et de ses options et qui ne rentraient pas tout à fait dans le cadre des DUT et DEUST [Le Métier de Bibliothécaire, 2013, c. 447].

(8) ABF (Association des bibliothécaires de France) – Ассоциация библиотечных работников Франции – Il y a plus d'un siècle l'ABF s'est constituée pour défendre et promouvoir la professionnalisation de l'activité des bibliothécaires [Le Métier de Bibliothécaire, 2013, c. 447].

2. Второй тип инициальных аббревиатур – ***акронимы*** (acronymes), или звуковые аббревиатуры (аббревиатуры слогового типа). Например:

(9) ADBU (Association des directeurs et des personnels de direction des bibliothèques universitaires et de la documentation) – Ассоциация руководителей университетских библиотек и документации –L'ADBU regroupe les directeurs des services communs de la documentation, des services interétablissements de coopération documentaire et des bibliothèques des grands établissements, ainsi que les responsables des sections documentaires et les membres des équipes de direction (*https://www.enssib.fr/bibliotheque-numerique/documents*).

(10) CAOM (Centre des archives d'Outre-mer) / ANOM – (Archives nationales d'outre-mer) – Архивный центр Заморских территорий Франции – C'est dans le cadre de la réalisation de Gallica que fut initiée la coopération entre les archives départementales et les bibliothèques municipals pour alimenter le programme de numérisation des publications des sociétés savantes. Mais, cette coopération peut également se développer autour d'un

partage documentaire: c'est le sens de la participation du CAOM au pôle associé sur les échanges en Méditerranée au sein duquel il travaille avec la BMVR de Marseille, la bibliothèque municipale d'Aix-en-Provence [Le Métier de Bibliothécaire, 2013, c. 157].

При анализе аббревиатур в текстах по библиотечно-информационной деятельности нами выявлено явление омонимической акронимии. Речь идет об их полном или частичном совпадении как с обычными словами, так с аббревиатурами из других областей знаний. Поэтому в текстах, особенно при первичном их упоминании дается сноска, либо их расшифровка аббревиатур в самом тексте. Особенностью современного дискурса библиотечно-информационной сферы является «тенденция к омонимии акронима и обычного слова, т. е. абсолютное «словоподобие» акронима» [Суперанская, 2004, с. 219–222].

Рассмотрим примеры подобных явлений: так, *CAREL* (Объединение для сбора электронных данных онлайн) может быть легко перепутано с аббревиатурой *CAREL* (*Caisse autonome de retraite des élus locaux*) из экономического дискурса:

(11) Dans les années 2002–2005, le Carel était un service de la Bpi. A cette époque, Internet avait beau avoir le vent en poupe, les abonnements à des ressources en ligne en bibliothèque publique restaient très marginaux: 61 abonnements pour 37 bibliothèques en 20022. La Bpi, forte de ses missions de coopération issues de son statut de bibliothèque nationale, décide alors de créer le Carel afin de favoriser l'intégration des ressources numériques onéreuses dans les bibliothèques (*http://www.abes.fr/content/download/3426/14403/version/1/file/Arabesques82.pdf*).

Многие омонимы встречаются вместе в текстах, и для их толкования вновь даются расшифровки.

(12) *ABES* (*Agence bibliographique de l'enseignement supérieur*) – Библиографическое агентство высшего образования – *SUDOC* (*Système universitaire de documentation*) – Университетская система документации: Mis en oeuvre en 1994 par l'Agence bibliographique de l'enseignement supérieur (Abes), lancé en 2001, le Système universitaire de documentation (Sudoc) fédère les catalogues des bibliothèques universitaires et de l'enseignement supérieur [Le Métier de Bibliothécaire, 2013, c. 280].

(13) *CINES* (*Centre informatique national de l'enseignement supérieur*) – Национальный информационный центр высшего образования;

(14) *COUPERIN* (*Consortium universitaire pour les publications numériques*) – Университетское объединение по издательству в электронном виде: Elle a repris le Fichier central des thèses abandonné par l'université de Nanterre. Enfin, en liaison étroite ave le Consortium universitaire pour les publications numériques (Couperin), l'Abes concourt à la mutualisation des achats de documentation électronique, en assurant le portage financier de plusieurs groupements de commande pour le compte des universités et des organismes de recherche. Au coeur de la coopération documentaire des établissements de l'enseignement supérieur, l'Abes enrichit chaque année son cercle de coopérateurs. Aussi, elle déploie des moyens importants pour animer son réseau en constante évolution. Elle forme les professionnels des nouveaux adhérents au Sudoc et réunit, chaque année à Montpellier, pour deux journées d'information et d'étude, l'ensemble des responsables des bibliothèques et centres de documentation qui constituent son réseau (*https://www.cines.fr/wp-content/uploads/2014/02/GAZETTE_Special_Archivage.pdf*).

Стоит отметить, что в большинстве источников при употреблении легко читаемых акронимов в тексте, заглавной является только первая буква: *Abes*, *Coperin*, *Cines*, *Sudoc* и др.

3. ***Аббревиатуры смешанного типа***, или инициально-слоговые / усечение (troncation):

(15) *Bilipo* (*Bibliothèque des littératures policières*) – Les crimes de l'année, une sélection critique de romans policiers réalisée par un comitéde Bilipo et d'autres bibliothèques de la ville de Paris [Le Métier de Bibliothécaire, 2013, c.193].

(16) *Bifi* (*Bibliothèque du film*) – La Bifi, au sein de la Cinémathèque française, propose ainsi des films de tous les pays, mais aussi des documents se rapportant au cinéma (affiches, scénarii, articles, photos) *(https://bbf.enssib.fr/consulter/bbf-2011-01-0045-010*).

(17) *Sudoc* (*Système universitaire de documentation*) – La BNF accueille et gère le CCFr qui permet l'accès simultané à trois catalogues : le catalogue général de la BNF, le catalogue du Sudoc, la base « Patrimoine » qui contient la localization de plus de 2,4 millions d'ouvrages dans 60 bibliothèques municipales environ ayant bénéficié de fonds pour la conversion rétrospective de leurs notices, et qui sont pour leur majeure part des pôles associés de la BNF (*https://www.bnf.fr/fr/le-catalogue-collectif-de-francef*).

Важной чертой французского библиотечно-информационного дискурса последних лет является активная цифровизация,

например, создание онлайн-ресурса Национальной библиотеки Франции (Gallica), созданной еще в 1997 году, ресурсы региональной онлайн-библиотеки или библиотек учебных заведений.

Еще во времена Minitel некоторые библиотеки могли предложить своим пользователям удаленный доступ к каталогам. Речь шла о простом телематическом дублировании традиционного сервиса. Во времена Интернета публичные и университетские библиотеки развивают интерфейсы, привлекающие внимание пользователей, с помощью огромного количества сайтов, предназначенных для поиска информации.

Социальные сети, используемые всеми поколениями, также представляют интерес для ведения коммуникации библиотеки с ее пользователями. Так, электронная библиотека Лизьё внедрила поисковую оптимизацию своих текстов, систематически делая на них ссылки в статьях о ее авторах, тем самым увеличила число посетителей на свой сайт. Цель этого процесса – сделать максимально удобным использование ресурсов библиотеки удаленно через их размещение на популярных сайтах. Касательно социальных сетей, здесь речь идет не о размещении самого контента, а о популяризации библиотеки: создается визитная карточка учреждения в привлекательной манере с помощью специальной страницы с указанием многочисленных контактов в интернете.

Среди особенностей современных аббревиатур во французском языке, в сфере библиотечено-информационной деятельности в электронных библиотеках, следует отметить большое количество соответствующих терминов, а также заимствований из английского языка.

(18) *DTD* (*Document Type Definition* (англ.)) Определение типа документа – Très utilisée en France par les services d'archives, notamment la direction des Archives de France, cette DTD sert également en bibliothèque, en particulier pour les fonds de manuscrits [Le Métier de Bibliothécaire, 2013, c. 253].

(19) *Eblida* (*European Bureau of Library Information and Documentation Associations* (англ.)) – Европейское бюро библиотечных, информационных и документационных ассоциаций – Créée en 1992, Eblida est la fédération européenne des associations et institutions agissant dans le domaine des bibliothèques et de la documentation [Le Métier de Bibliothécaire, 2013, c. 478].

(20) *FRBR* (Functional Requirements for Bibliographic Records (англ.)) – Функциональные требования к библиографическим записям – À

la base du modèle FRBR se trouvent donc les entités constitutives des notices bibliographiques, regroupées en trois groupes, le premier correspondant peu ou prou à la description bibliographique (type pavé ISBD) et les deux autres aux accès [Le Métier de Bibliothécaire, 2013, c. 256].

(21) *EAD* (*Encoded Archival Description* (англ.)) – Кодированное архивное описание – Fort de 146 éléments, l'EAD permet de ménager des relations hiérarchiques entre les différents niveaux auxquelles se placent les parties constitutives d'un fonds, les informations relatives à chacune d'elles figurant au niveau approprié, sans redondance [Le Métier de Bibliothécaire, 2013, c. 253].

(22) *AACR* (*Anglo-American Cataloging Rules* (англ.)) – Англо-американские правила каталогизации – Les Anglo-Saxons avaient toutefois rédigé dès 1967 pour les États-Unis et 1968 pour le Royaume-Uni un code de catalogage intégrant à la fois les règles de description et celles relatives au choix et à la forme des points d'accès: les AACR [Le Métier de Bibliothécaire, © Electre - Éditions du Cercle de la Librairie, 2013, c. 243].

Заключение

На материале изученных текстов в рамках библиотечно-информационного дискурса мы можем сделать следующие выводы:

1. Явление аббревиации характерно для информационно-библиотечного дискурса и используется повсеместно;
2. Наиболее часто встречаемые аббревиатуры – аббревиатуры инициального типа;
3. Выявлено большое количество заимствованных из английского языка аббревиатур, особенно касающихся технической стороны описания и организации функционирования онлайн-библиотек;
4. Омонимичные акронимы встречаются в текстах специализированной литературы, сайтов библиотек, онлайн каталогов, наличие или отсутствие их расшифровки может быть вызвано полным или частичным совпадением с понятиями из других сфер;
5. Орфография аббревиатур зависит от типа текста, их расшифровка дается либо непосредственно в тексте, либо с помощью сносок или гиперссылок.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Л. : Наука, 1974.

2. *Богданов В. В.* Текст и текстовое общение. СПб. : Изд-во СПб. гос. ун-та, 1993.
3. *Волошинов В. Н.* Марксизм и философия языка. В кн.: М. М. Бахтин (под маской). М. : Лабиринт, 2000.
4. *Демьянков В. З.* Тетради новых терминов № 39. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Методы анализа текста. Вып. 2. М. : Всесоюзный Центр перевода, 1982.
5. *Караулов Ю. Н., Петров В. В.* От грамматики текста к когнитивной теории дискурса. В кн.: Т. А. ван Дейк. Язык. Познание. Коммуникация. С. 5–10. М. : Прогресс, 1989.
6. *Сдобнова Ю. Н.* Феномен актуальной аббревиации в институциональном военном дискурсе на примере Вооруженных сил Франции // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. Вып. 10 (643). С. 184–198.
7. *Сдобнова Ю. Н.* О некоторых особенностях вербализации лексических заимствований в институциональном военном дискурсе вооруженных сил Франции «Романское культурное и языковое наследие: история и современность»: материалы Междунар. науч. конф. (21–22 июня 2016 г., Москва). М. : Московский государственный областной университет, 2016(а). С. 151–156.
8. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М. : Большая Рос. энцикл., 2002.
9. *Сдобнова Ю. Н.* Феномен аббревиатурной ревитализации в институциональном дискурсе (на материале военного дискурса Вооруженных сил Франции): сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. «Языковой дискурс в социальной практике» (1–2 апреля 2016 г.). Тверь : Тверской государственный университет, 2016(б). С. 216–220.
10. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. 2-е изд. М. : Советская энциклопедия, 1969.
11. Le Métier de Bibliothécaire. Paris: Electre. Éditions du Cercle de la Librairie, 2013.
12. *Суперанская А. В.* Общая терминология: Вопросы теории / отв. ред. Т. Л. Канделаки. М. : Либроком, 2004.

REFERENCES

1. Shherba, L. V. (1974). Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost' = Language system and speech activity. Leningrad: Nauka. (In Russ.)
2. Bogdanov, V. V. (1993). Tekst i tekstovoe obshchenie = Text and text communication. St. Peterburgs: Izd-vo S.-Peterb. gos. un-ta. (In Russ.)

3. Voloshinov, V. N. (2000). Marksizm i filosofiya yazyka = Marxism and the Philosophy of Language. In: M. M. Bakhtin (under the mask). Moscow: Labirint. (In Russ.)
4. Dem'yankov, V. Z. (1982). Anglo-russkie terminy po prikladnoj lingvistike i avtomaticheskoj pererabotke teksta = English-Russian terms on applied linguistics and automatic text processing. Methods of text analysis, 2. Notebooks of new terms. Moscow: VCP. (In Russ.)
5. Karaulov, YU. N., Petrov, V. V. (1989). Ot grammatiki teksta k kognitivnoj teorii diskursa = From the grammar of the text to the cognitive theory of discourse. In: T. A. van Dijk. Language. Cognition. Communication (pp. 5–10). Moscow: Progress. (In Russ.)
6. Sdobnova, Yu. N. (2012). Fenomen aktual'noj abbreviacii v institucional'nom voennom diskurse na primere Vooruzhennyh Sil Francii = The phenomenon of actual abbreviation in the institutional military discourse on the example of the French Armed Forces. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Linguistics, 10 (643), 184–198. (In Russ.)
7. Sdobnova, Yu. N. (2016). O nekotoryh osobennostyah verbalizacii leksicheskih zaimstvovanij v institucional'nom voennom diskurse vooruzhennyh sil Francii = On some features of verbalization of lexical borrowings in the institutional military discourse of the Armed Forces of France: Romance cultural and linguistic heritage: History and modernity: (pp. 151–156). Proceedings of the International Scientific Conference (June 21–22, 2016, Moscow). Moscow: MRSU. (In Russ.)
8. Yarceva, V. N. (2002). Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar' = Linguistic Encyclopedic Dictionary. Moscow: Bol'shaya rossijskaya enciklopediya. (In Russ.)
9. Sdobnova, Yu. N. (2016). Fenomen abbreviaturnoj revitalizacii v institucional'nom diskurse (na materiale voennogo diskursa vooruzhennyh sil Francii) = The phenomenon of abbreviation revitalization in institutional discourse (based on the military discourse of the French Armed Forces) (pp. 216–220). Collection of scientific papers of the International Scientific and Practical Conference "Language discourse in social practice". Tver: Tver State University. (In Russ.)
10. Ahmanova, O. S. (1969). Slovar' lingvisticheskih terminov = Dictionary of Linguistic Terms. Moscow: Sovetskaya enciklopediya. (In Russ.)
11. Le Métier de Bibliothécaire. (2013). Paris: Electre. Éditions du Cercle de la Librairie, 2013.
12. Superanskaya, A. V. (2004). Obshchaya terminologiya: Voprosy teorii = General terminology: Questions of theory, ed. by T. L. Kandelaki. Moscow: Librokom. (In Russ.)

Информация об авторе

Терзийска Е.А. – аспирант кафедры лексикологии и стилистики французского языка факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета

Information about the author:

Terziyska E.A. – post-graduate student of the Department of Lexicology and Stylistics of the French Language of Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 12.07.2021;
одобрена после рецензирования 09.08.2021; принята к публикации 11.08.2021

The article was submitted 12.07.2021; approved after reviewing 09.08.2021;
accepted for publication 11.08.2021

Научная статья

УДК 81.27

DOI 10.52070/2542-2197_2021_12_854_128

ГЕНДЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ НАУЧНОЙ СФЕРЫ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

М. В. Томская

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, scog@linguanet.ru

Аннотация. В статье представлены результаты наукометрических и лингвистических исследований, которые, с одной стороны, подтверждают наличие гендерного неравенства в научной среде, с другой – показывают, что, во-первых, гендерный фактор оказывается чувствительным к научным трендам, отраслям научного знания; во-вторых, анализ моделей коммуникативного поведения демонстрирует, что в ходе научной коммуникации гендерное соотношение оказывается флюидным и выстраивается в зависимости от конструирования профессионального статуса.

Ключевые слова: глобализация, гендер, конструирование гендера, научный дискурс, гендерное (не)равенство в науке

Для цитирования: Томская М. В. Гендерное измерение научной сферы в эпоху глобализации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 12 (854). С. 128–138.
DOI: 10.52070/2542-2197_2021_12_854_128

Original article

GENDER DIMENSION OF SCIENCE IN THE AGE OF GLOBALIZATION

M. V. Tomskaya

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, scog@linguanet.ru

Abstract. The article presents the results of analyses in research metrics and linguistics that, on the one hand, confirm the gender inequalities in academia. On the otherhand, they indicate that, first, gender culture seems to be sensitive to the trends and fields of research. Second, the analysis of the communicative patterns shows that gender relations in academic interactions turn out to be fluid and are linked to the ways speakers construe their professional status.

Key words: globalization, gender, gender construction, scientific discourse, gender (in) equality in academia

CC BY

For citation: Tomskaya, M. V. (2021). Gender dimension of science in the age of globalization. Vestnik of Moscow State University. Humanities, 12 (854), 128–138. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_12_854_128

Введение

В настоящее время глобализация влияет практически на все основные сферы жизни и организации общества. В этой связи представляется интересным тот факт, что процессы глобализации долгое время рассматривались учеными как гендерно нейтральные, однако, как показали исследования последних лет, в условиях глобализации пересмотру подвергаются права и возможности, статус и положение в обществе, уровень и условия жизни мужчин и женщин. В научных работах подчеркивается, что необходимо также учитывать гендерное измерение глобализационных процессов и анализировать динамику изменений гендерных отношений, чтобы объективно оценивать последствия глобализации и их влияние на гендерный баланс в будущем.

По мнению исследователей, глобализация предполагает «либерализацию существующих локальных гендерных порядков и их трансформацию в соответствии с глобальными гендерными стратегиями и нормами международного законодательства, направленного на утверждение гендерного равенства и обеспечение прав женщин и возможностей для их самореализации» [Ювченко, 2014, с. 191]. Таким образом, речь идет прежде всего о гендерном равенстве во всех областях жизни общества, в том числе и в научной сфере.

В настоящей статье мы остановимся на гендерном аспекте научного дискурса в преломлении на процессы глобализации; рассмотрим, каким образом они влияют на сферу науки и ее гендерное измерение.

Гендер в сфере науки

Как показывает статистика, несмотря на повсеместную борьбу за равные возможности женщин и мужчин, соблюсти гендерный паритет во всех отраслях и во всех странах не всегда представляется возможным по ряду причин, в том числе геополитических и социальных. Если обратиться к академической сфере, то прежде всего следует обратиться к обучению в школе, поскольку лишь доступное школьное образование может гарантировать в дальнейшем бесперебойное пополнение научно-педагогических кадров высшей школы

и фундаментальной науки. Как показывают данные ЮНЕСКО, две трети из 870 млн неграмотных людей – это женщины, поскольку во всем мире девочки имеют более ограниченный доступ к образованию, чем мальчики; в 60 % стран девочки реже получают начальное и среднее образование, чем мальчики (*https://www.coe.int/ru/web/compass/gender*). Это привело к тому, что в настоящее время среди людей, получивших начальное и среднее образование, на глобальном уровне количественно доминируют мужчины, а, значит, имеют больше шансов на получение высшего образования и на рынке труда, а также на использование благ и ресурсов.

Даже в странах Европы, которые по праву гордятся гендерным равноправием, в академической области наблюдается определенная асимметрия – девушек чаще поощряют в изучении гуманитарных предметов или искусства, а не в изучении естественнонаучных и инженерных специальностей, поскольку это рассматривается более подходящим для них с учетом гендерных стереотипов. Вероятно поэтому девушки имеют более низкие отметки по физике и технологии, а юноши имеют более низкие результаты по языкам [Гендер, URL]. Таким образом, становится неизбежной дальнейшая гендерная сегрегация, которая ведет к тому, что далее в сфере науки наблюдается некоторый гендерный дисбаланс – в гуманитарных науках в целом преобладают женщины, тогда как в технических – мужчины.

Статистические данные демонстрируют, что в тех странах, которые придерживаются, скорее, традиционного гендерного распределения ролей, наблюдается существенное преобладание мужчин в академической сфере и сфере науки (например, в Японии), тогда как в странах с провозглашенным гендерным равноправием, в основном в странах Северной Европы (например, в Норвегии, Финляндии), количество женщин-исследователей практически сопоставимо с количеством мужчин, занятых в данных областях [Dataset: MSTI Main Science and Technology Indicators, 2020]. Однако эти цифры нередко достигаются за счет так называемого гендерного квотирования. Кроме того, руководящие позиции в академической сфере в глобальном масштабе по-прежнему прочно заняты мужской половиной, несмотря на попытки исправить данную ситуацию посредством уже упомянутого гендерного квотирования. Даже более высокий уровень образования женщин, как составная часть их научного потенциала, остается невостребованным.

Реальные изменения в сторону гендерного равноправия демонстрирует иная статистика. Так, анализ публикационной активности исследователей-мужчин и исследователей-женщин в предметных областях «Language and Linguistics» группы «Arts and Humanities» и «Linguistics and Language» группы «Social Sciences» в журналах, индексируемых в базе данных Scopus, за 1970 и 2019 годы показывает, что перемены в сфере науки все-таки происходят. В 1970 годы в этих журналах по названным предметным областям было опубликовано всего 1418 статей. Из них авторами 87 % статей выступили исследователи-мужчины и только 13 % опубликованных статей были написаны женщинами. При этом в соавторстве было написано всего 10,3 % статей[1]. Из статей, выпущенных в соавторстве, 71 % написаны мужчинами (соавторы только мужчины), 3 % – женщинами (соавторы только женщины), 26 % – женщинами и мужчинами (соавторы мужчины и женщины). В 2019 году по тем же предметным областям опубликовано 18912 статей, почти в 13 раз больше, чем в 1970 году, авторами которых стали в 57 % случаев женщины и в 43 % – мужчины. В соавторстве было написано 48 % статей, из которых 30 % написаны женщинами (соавторы только женщины), 18 % – мужчинами (в соавторстве только мужчины) и 52 % написаны мужчинами и женщинами (в соавторах и мужчины и женщины). Приведенные данные свидетельствуют о том, что гендерная асимметрия в такой «женской» отрасли науки, как лингвистика была преодолена почти за 50 лет, другой вопрос – не произойдет ли в ближайшие 50 лет «перекос» в сторону «дискриминации» мужчин в лингвистике. Несмотря на происходящие изменения и достаточные усилия по достижению гендерного баланса в академической сфере, гендерный паритет по-прежнему остается в глобальном значении недосягаемой величиной. Одной из возможных причин являются иерархичные «неравные» отношения, определяемые статусом участников научной коммуникации, которые влекут за собой конкурентные отношения, борьбу за «власть» в сфере науки. В свое время Пьер Бурдье рассматривал науку как особое «поле», которое он представлял в виде «места (т. е. игрового пространства) конкурентной борьбы, специфической ставкой в которой является монополия на научный авторитет, определяемый как техническая

[1] Статистические данные обработаны и предоставлены начальником отдела научного менеджмента и наукометрии МГЛУ Д. В. Золотаревым. – *Прим. авт.*

способность и одновременно как социальная власть, или монополия на научную компетенцию» [Бурдье, 2005, с. 474]. В этом контексте «языковое конструирование» гендера как особый «инструмент» может приобретать определенную значимость. Здесь необходимо отметить, что научный дискурс относится к тем видам институционального дискурса, в которых гендер «мимикрирует» и остается латентным до тех пор, пока не начинается его целенаправленное выявление при помощи качественных лингвистических методов, в отличие, например, от рекламного дискурса, в котором «языковое конструирование» гендера происходит чаще на эксплицитном уровне [Томская, 2011].

Согласно Е. С. Гриценко, в основе языкового конструирования гендера как когнитивной деятельности импликативно-инференциального характера лежит «соотнесение языковых форм / сигналов с гендерными представлениями (стереотипами, ассоциациями, идеалами и т. п.), являющимися частью универсума общих смыслов представителей данной культуры» [Гриценко, 2005, с. 99]. Процедура инференции выглядит следующим образом: при восприятии гендерно-релевантных языковых единиц происходит активизация определенных ассоциативных цепочек, что ведет к извлечению из памяти гендерных знаний как прагматических пресуппозиций. Опосредованная связь между употреблением тех или иных языковых средств и конструированием определенного вида гендерной идентичности устанавливается при этом посредством так называемых импликатур [там же].

Именно таким образом осуществляется имплицитное конструирование гендера в академическом дискурсе, как показало исследование, посвященное анализу семиотических средств конструирования гендера в педагогическом дискурсе [Черных, 2012].

Как выяснилось, в текстах учебников для первого класса «конструирование» гендера осуществляется как вербальными, так и иными семиотическими средствами. Несмотря на предпринимаемую нейтрализацию гендерного фактора, в анализируемых учебниках наблюдаются гендерные асимметрии, которые отражают в целом андроцентричную картину мира.

Среди языковых средств их создания, которые обнаруживает автор, можно выделить:

– неспецифированное использование имен существительных мужского рода при обращении ко всем учащимся: *Дорогой первоклассник*!

– неспецифированное употребление глагола в мужском роде в прошедшем времени при обращении ко всем учащимся: *Где ты встречался с математикой*? *Сколько решений ты нашел*?

– количественное преобладание номинаций лиц мужского пола в предложениях, где действие совершается тремя и более разнополыми лицами – *Незнайка*, *Кнопочка* и *Знайка* находили значение суммы 5 + 4 разными способами..;

– использование в вербальной части гендерно-нейтральных единиц (люди, народы), а в невербальной – воспроизводство гендерных стереотипов посредством изображений; нахождение верного варианта ответа (или более целесообразного способа решения) мальчиком при одновременном выполнении заданий лицами обоего пола и т. п.

Иллюстрации чаще всего способствуют созданию гендерного неравенства, например при нейтральном тексте на картинках чаще изображаются лица мужского пола, которые занимаются более разнообразными видами деятельности [Черных, 2012]. Данное исследование наглядно продемонстрировало, что школьные учебники не свободны от гендерных стереотипов, и уже на начальной стадии обучения дети невольно подвергаются гендерному разделению согласно им, что может привести к дальнейшему гендерному неравенству. Что касается научной коммуникации, то формированию гендерного (не)равенства в сфере науки и высшего образования могут способствовать модели речевого поведения, которые участвуют в конструировании высокого или низкого статуса ученого. В этой связи обратимся к исследованию вербальных способов выражения согласия / несогласия в устном научном общении с гендерной перспективы [Маслова, 2007].

Анализ выявил «непродуктивность» речевого поведения женщин, в рамках которого они чаще соглашаются с критическими замечаниями, чем мужчины; чаще прибегают в дискуссии к квазивопросительным конструкциям при выражении несогласия; склонны чаще выражать несогласие под видом разъяснения; чаще применяют начальную похвалу в критических замечаниях; тактика предвосхищения критики характерна исключительно для выступлений женщин [там же, 2007]. Не исключено, что подобной модели речевого поведения в научном дискурсе могут придерживаться и мужчины, особенно на начальном этапе научной карьеры, но эмпирический материал подтвердил, что чаще всего к подобным тактикам и приемам обращаются ученые-женщины.

Остановимся кратко на тактике предвосхищения критики, которая, по данным исследовательницы, используется только женщинами и характеризуется употреблением:

– превентивных извинений: *Я прошу прощения*;

– перформативных высказываний с отрицанием: *Я не претендую на..*; *Я не обобщаю..*;

– предупреждений ***наречие времени + глагол говорения***: *Заранее говорю / сообщаю / информирую... Я заранее извиняюсь / что выводы неокончательны..*;

– глаголов, преуменьшающих значимость действия, о котором сообщает говорящий: *В докладе я попыталась обобщить* (вместо: *Я обобщила..*, или: *В докладе обобщаются*…);

– квантификаторов с семантикой ограничения *лишь*, *немного*, *несколько*, *вкратце*, *только* и др.: *Я рассматривала только два произведения..*;

– фиктивного цитирования: *Может возникнуть вопрос // почему Шекспир / и сколько можно* // [Маслова, 2007].

Результаты исследования подтверждают, что гендерная специфика выражения согласия / несогласия в устной научной дискуссии обнаруживается при выборе различных коммуникативных тактик и приемов, которые, не отклоняясь от генеральной стратегии, способствуют вербальному «конструированию» статуса (не)компетентного человека. Выявлено, что за счет использования тактики снижения значимости собственных исследований и тактики предвосхищения критики, к которым прибегают, как правило, исследовательницы, имплицитно создается образ некомпетентного ученого [Маслова, 2007; Кирилина, Маслова, 2007]. Таким образом, «женское» речевое поведение в научной коммуникации может восприниматься как недостаточно профессиональное. Это косвенно подтверждается также нашим исследованием конструирования профессиональной идентичности в научном дискурсе, которое показало, что здесь особенно важна самопрезентация.

Мы предполагали, что в научном дискурсе наиболее значимым параметром, маркирующим статус ученого, должна являться профессиональная идентичность, соотносимая с понятием «статус эксперта», которое выступает одновременно одним из факторов создания положительного имиджа ученого. Анализ, однако, показал, что при конструировании профессиональной идентичности нельзя исключать зависимости от гендерной, возрастной, этнической идентичности,

и если такая взаимосвязь возникает, то неминуемо «конструируется» более низкий профессиональный статус как отклонение от норм института науки и принципов научной коммуникации [Томская, 2015].

В условиях глобализации достижение высокого статуса в научном дискурсе может осложняться в соответствии с интернационализацией науки требованием публиковаться в журналах, индексируемых в базах данных Scopus и Web of Science, как правило, на английском языке, доминирование которого в научной коммуникации, по мнению К. Элиха, «приобрело характер культурного империализма, имеющего катастрофические лингвоэкологические и культурные последствия» (цит. по: [Трошина, 2021, с. 9]). Такая тенденция также не способствует достижению равенства в науке, в том числе гендерного, поскольку приоритет в этом случае среди (не)-носителей английского языка имеют лингвисты, специализирующиеся на изучении иностранных языков, а это в подавляющем большинстве случаев – женщины.

Заключение

Для достижения гендерного паритета в научной сфере необходимо дополнить гендерную политику в этой области реальными мерами, позволяющими признать равноценность вклада мужчин и женщин в научное развитие. Для этого важно вывести гендерные исследования на новый уровень, чтобы проводить более масштабные макроисследования с учетом разнообразных контекстов (разные уровни осведомленности о гендерном равенстве в разных странах, различные локальные гендерные порядки, уровень гендерной компетентности политиков и чиновников, существующие нормативные акты, регулирующие гендерные отношения и т. д.). Кроме того, необходимы обращение как к мужчинам, так и к женщинам как к полноправным участникам научной коммуникации, а также гарантия равных возможностей мужчин и женщин в сфере науки.

В этой связи особую значимость приобретают гендерные исследования языка как надежного индикатора «конструирования» гендерной и статусной идентичности в дискурсе. Качественные лингвистические и междисциплинарные методы, предполагающие трактовку гендера как феномена, имеющего социокультурное измерение, помогут выявить не только очевидные, лежащие на поверхности значения, но и имплицитные, латентные смыслы.

Все эти меры позволят сделать гендерное равенство в научной сфере достижимым фактом будущего, помогут преодолеть трудности, стоящие на пути к равенству прав и возможностей женщин и мужчин в глобальном контексте.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Ювченко А. И.* Глобализация гендерных отношений: изучение перспектив формирования мирового гендерного порядка // Альманах современной науки и образования. 2014. № 2 (81). С. 190–193.
2. Гендер. URL: https://www.coe.int/ru/web/compass/gender
3. Dataset: MSTI Main Science and Technology Indicators – OECD, 2020. URL: https://stats.oecd.org/#
4. *Бурдье П.* Социальное пространство: поля и практики / пер. с франц.; отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н. А. Шматко. М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 2005.
5. *Томская М. В.* Реклама в гендерном измерении // Рекламная коммуникация: Лингвокультурный аспект. М. : ИНИОН РАН, 2011. С. 49–66.
6. *Гриценко Е. С.* Язык как средство конструирования гендера: дис. … д-ра филол. наук. Н. Новгород, 2005.
7. *Черных О. Ю.* Семиотические средства конструирования гендера в педагогическом дискурсе: дис. … канд. филол. наук. М., 2012.
8. *Маслова Л. Н.* Выражение согласия / несогласия в устной научной коммуникации (гендерный аспект): дис. … канд. филол. наук. М., 2007.
9. *Кирилина А. В., Маслова Л. Н.* Некоторые особенности устной научной дискуссии // Языковое сознание: Парадигмы исследования / под ред. Н. В. Уфимцевой, Т. Н. Ушаковой. М. ; Калуга : Эйдос, 2007. С. 255–276.
10. *Томская М. В.* Конструирование профессиональной идентичности в научном дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. Вып. 6 (717). С. 553–560.
11. *Трошина Н. Н.* Немецкий язык в науке эпохи глобализации: аналитический обзор / Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отдел языкознания. М. : ИНИОН РАН, 2021.

REFERENCES

1. Juvchenko, A. I. (2014). Globalizacija gendernyh otnoshenij: izuchenie perspektiv formirovanija mirovogo gendernogo porjadka = Globalization of Gender Relations: Studying the Prospects of Formation of the World Gender Order). Al'manah sovremennoj nauki i obrazovanija. Gramota, 2 (81), 190–193. (In Russ.).
2. Gender. https://www.coe.int/ru/web/compass/gender (In Russ.)

3. Dataset: Main Science and Technology Indicators – OECD, 2020. https://stats.oecd.org/#
4. Bourdieu, P. (2005). Social'noe prostranstvo: polja i praktiki = Social space: fields and practice, transl. and ed. by N.A. Shmatko. Moscow: Institut eksperimental'noj sociologii : St. Petersburg: Aletejja. (In Russ.)
5. Tomskaya, M. V. (2011). Reklama v gendernom izmerenii = Advertising in a Gender Dimension. Reklamnaja kommunikacija: Lingvokul'turnyj aspekt (pp. 49–68). Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the RAS. (In Russ.)
6. Gritsenko, E. S. (2005). Jazyk kak sredstvo konstruirovanija gendera = Language as a means of constructing gender: Senior Doctorate in Philology. N. Novgorod. (In Russ.)
7. Chernykh, O. Ju. (2012). Semioticheskie sredstva konstruirovanija gendera v pedagogicheskom diskurse = Semiotic Means of Constructing Gender in Pedagogical Discourse: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
8. Maslova, L. N. (2007). Vyrazhenie soglasija / nesoglasija v ustnoj nauchnoj kommunikacii (gendernyj aspekt) = Expression of agreement / disagreement in oral scientific communication (gender aspect): PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
9. Kirilina, A. V., Maslova, L. N. (2007). Nekotorye osobennosti ustnoj nauchnoj diskussii = Some features of oral scientific discussion. In N.V. Ufimtseva, T.N. Ushakova (Eds.). Jazykovoe soznanie: Paradigmy issledovanija (pp. 255–276). Moscow ; Kaluga: Ejdos. (In Russ.)
10. Tomskaya, M. V. (2015). Constructing Professional Identity in Scientific Discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 6 (717), 553–560. (In Russ.)
11. Troshina, N. N. (2021). Nemeckij jazyk v nauke epohi globalizacii: analit. obzor = The German Language in the Science of the Era of Globalization: an Analytical Overview / Centr gumanit. nauch.-inform. issled. Otdel jazykoznanija. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the RAS. (In Russ.)

Информация об авторе

Томская М.В. – кандидат филологических наук, доцент; зав. лабораторией гендерных исследований Центра СКоДис; доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права, Институт международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета

Information about the author

Tomskaya M. V. – PhD (Philology), Associate Professor; Head of the Gender Laboratory of the Center for Socio-Cognitive Discourse Studies; Associate Professor at the

Department of Linguistics and Professional Communication in Law, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 12.07.2021;
одобрена после рецензирования 09.08.2021; принята к публикации 11.08.2021

The article was submitted 12.07.2021; approved after reviewing 09.08.2021;
accepted for publication 11.08.2021

Научная статья

УДК 811.133.1

DOI 10.52070/2542-2197_2021_12_854_139

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ РОССИИ ВО ФРАНЦУЗСКИХ СМИ В СВЕТЕ ВОПРОСОВ ЭКОЛОГИИ

М. С. Устинова

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия, ustinovamarie@gmail.com

Аннотация. Настоящая статья посвящена вопросу о роли экологизма в «конструировании» образа страны. Статья представляет собой обзор развития данного направления на Западе, а также анализ ряда статей качественной французской прессы, освещающих экологические катастрофы в России. В статье сопоставляются средства выразительности, применяемые французскими СМИ для описания схожих событий в США. Отмечая растущее влияние сложившегося трека на экологизм в политическом дискурсе, автор указывает на необходимость аналитических разработок в данной области ввиду их недостаточности.

Ключевые слова: экологизм, политический дискурс, политический имидж

Для цитирования: Устинова М. С. Политический образ России во французских СМИ в свете вопросов экологии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 12 (854). С. 139–150. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_12_854_139

Original article

THE POLITICAL IMAGE OF RUSSIA IN THE FRENCH MEDIA FROM THE PERSPECTIVE OF ECOLOGICAL ISSUES

M. S. Ustinova

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation, Moscow, Russia, ustinovamarie@gmail.com

Abstract. This article sheds light on the role of environmentalism in the construction of a country's image. The article represents an overview of the development of environmentalism in the West together with the analyzes of a number of articles of quality French media covering environmental disasters in Russia. The author compares the means of expression used by the French media to describe similar events in

CC BY

America. Highlighting the growing influence of the current track on environmentalism in political discourse the author pinpoints the need for analytical research in the field for its insufficiency.

Key words: environmentalism, political discourse, political image

For citation: Ustinova, M. S. (2021). The political image of Russia in the French media from the perspective of ecological issues. Vestnik of Moscow State University. Humanities, 12 (854), 139–150. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_12_854_139.

Введение

Современное общество столкнулось с определенными вызовами в сфере защиты окружающей среды, что способствует процессам экологизации и активному развитию экологического образования и культуры. В последние годы мы стали свидетелями целого ряда крупных экологических катастроф. В этой связи мировое сообщество приходит к идее о создании и последующей интеграции комплекса мер, направленных на повышение уровня экологической безопасности, подготовки нормативно-правовой базы природоохранной деятельности, а также выработки стратегий стимулирования государств к улучшению экологической обстановки [Шалаев, Хуторова, 2013].

Актуальные события последних 50 лет говорят о повышенном интересе общества к защите окружающей среды, что обусловило возникновение новой терминологии. Так, в англоязычной литературе появился новый термин *Environmentalism*, а во французской литературе соответственно появился термин *Écologisme*. Энвайронментализм определяют как *экологическое движение*, в основе которого лежат социальные и социально-экономические факторы. Основной целью этого движения, распространившегося в XX в. в странах Европы, стал поиск мер для качественного преобразования окружающей природной среды. Отметим, что энвайронментализм рассматривают также как *теорию управления социально-экономическим развитием и окружающей природной средой*, где человек и человечество становятся частью биосферы, требующей преобразования в интересах человека [Большой энциклопедический словарь, 1998].

Очевидно, что появление новой терминологии требовало наличие прочной теоретической базы, которая была заложена в XX веке. Представители энвайронментализма были уверены в том, что развитие общества напрямую зависит от окружающей природной среды. Тем не

менее идеологические основы претерпели ряд изменений, и к концу XX века мы наблюдаем появление целого ряда новых общественных движений по защите окружающей среды. Часто в основе таких движений лежат другие концепции и принципиально новые модели мышления. Энвайронментализм в общественных организациях зарождается в странах с относительно высоким уровнем развития промышленности, преимущественно в США и Европе. Особого внимания в данном контексте заслуживает вид деятельности этих организаций, который трансформировался от проведения акций протеста к проведению научных исследований, анализу актуальной ситуации в сфере мировой экологии[1].

В 1970-е годы энвайронменталисты становятся лидерами экологических политических партий. Их деятельность связана с непосредственным участием в выборах и проведением активной агитационной политики. Европейские энвайронменталисты 1980-х годов называют себя оппозицией существующих политических партий. Вместе с тем растет влияние экологической политики, что способствуют ее распространению и открытости. Такое положение дел создает предпосылки для превращения энвайронменталистов в новую влиятельную политическую силу в Европе.

Данное направление отличается своей способностью проникать в существующие политические течения, поскольку классические направления политической мысли по праву признают восприимчивыми к «зеленым идеям». Это в первую очередь говорит о новых перспективах, возникающих для международного сообщества с точки зрения решения экологических проблем. Эту позицию разделяет Е. В. Саворская. Автор подчеркивает гибкость энвайронментализма с точки зрения его включения в уже существующие идеологические направления [Саворская, 2015].

Экологическое движение Франции сформировалось в конце 1960-х годов с появлением партии «Европа. Экология – Зеленые» (ЕЕЛВ – Europe. Ecologie – les Verts). Вновь появившееся партия приняла по сути обязательства партии Зеленых. Это событие ознаменовало собой новый этап в экологическом движении Пятой республики [Капля, 2018]. В 2012 г. активисты выступили с инициативами о введении на предприятиях налога на выбросы углерода, о пересмотре

[1] URL: https://bankwatch. org/office/
druzya-zemli-tsentr-ekologicheskoj-pravozashhity?lang=ru

нормативно-правовой базы в отношении отходов, а также о полном отказе от ядерной энергетики в течение 20 лет. Специалисты в области экологии стремились к увеличению выработки энергии за счет возобновляемых энергетических источников (до 40 %). Для повышения спроса на общественный транспорт и предоставления населению альтернативы личному транспорту планировалось выделить 4 млрд евро в год. Усиление общественной поддержки экологических проектов, а также внедрение в школьную систему программы бережного отношения к природе, также стало одной из главных задач движения экологистов ведь, по утверждению одного из членов партии, именно влияние на сознание общества способствует изменению экологической ситуации. Предложения экологов-активистов коснулись также внешней политики Франции. В частности, речь шла о разработке проекта конституции ЕС с его последующей ратификацией на референдуме.

В высказываниях экологистов видны не только сугубо экологические, но и социальные, экономические, политические требования. Более того, впервые в их предвыборной программе появились внешнеполитические положения. В своем интервью порталу «The Conversation» профессор политологии университета Гренобль Альпы также отметил не только высокую степень политизированности экологических движений Франции, но и выразил скептицизм относительно задач, которые последние ставят перед собой: «La récupération des enjeux environnementaux par les autres forces politiques est d'autant plus facile que l'écologie peut être politisée de manière très consensuelle, en s'en tenant à des déclarations d'intentions ou des promesses qui portent sur le long terme. <...> Si les écologistes souhaitent justement être les gouvernants, il faut aussi qu'ils apportent des réponses concrètes et crédibles à ces épineuses questions et qu'ils démontrent leur capacité à les mettre en œuvre. On voit l'ampleur de la tâche» (*Keaveny P. Municipales: la France peut-elle se mettre au vert? Conversation avec Simon Persico*)[1]. – «Решение экологических проблем другими политическими силами становится все легче, поскольку экологию можно политизировать очень согласованным образом, придерживаясь деклараций о намерениях или обещаний, имеющих долгосрочный характер[2].

[1] URL: https://theconversation.com/municipales-la-france-peut--elle-se-mettre-au-vert-conversation-avec-simon- persico-140649

[2] Зд. и далее пер. автора. – *М. У.*

<...> Если защитники окружающей среды хотят быть правителями, они также должны дать конкретные и достоверные ответы на эти острые вопросы и продемонстрировать свою способность их решать. Масштаб задачи очевиден».

Понимание того, как сильно политизированы французские экологические партии и организации, необходимо для анализа роли вопросов экологии в построении имиджа другого государства во французских СМИ.

Экологизм в построении имиджа государства

Как отмечалось ранее, в конце второго десятилетия XXI века в мире оформляется трек на экологизм. И он неизбежно становится инструментом формирования имиджа государств. Сегодня мы наблюдаем рождение новой философии построения государственного имиджа – «страна – защитник экологии».

23 сентября 2019 года в Нью-Йорке на Генассамблее ООН перед 60-ю мировыми лидерами выступила шведская школьница-активистка Грета Тунберг. В мировой политике использование детей для формирования имиджа не является чем-то новым. В 1992 г. с трибуны ООН выступала 12-летняя Северн Куллис-Судзики, предрекавшая Земле катастрофические последствия из-за озоновых дыр. При этом, ни в коем случае не отрицая проблемы глобального потепления, стоит учитывать, что эта тема в мире сейчас находится на пике популярности, а значит, является составной частью стратегии построения государственного имиджа.

Другим аспектом «конструирования» государственного имиджа является взаимодействие крупнейших компаний страны с органами государственной власти. Недавно компания Nike – один из крупнейших производителей спортивной одежды с годовым оборотом в 39 117 млрд долл. США – выступила против использования Северного морского пути, пополнив список компаний, которые прикладывают все усилия, чтобы защитить регион от экологических проблем. В рамках своего проекта «Arctic Shipping» Nike призывает предприятия и промышленность не перевозить свои товары через Северный Ледовитый океан. В настоящее время к инициативе присоединились более десятка мировых компаний. Для России и ее ближайшего

экономического партнера в регионе – Китая – морской транспорт в Арктике будет иметь ключевое значение для доставки природных ресурсов, включая нефть и газ, на рынки Европы и Азии. Таким образом Nike, позиционируя себя как борец за чистоту окружающей среды и формируя для США образ страны – защитника экологии, действует вместе с органами государственной власти США, пытаясь таким образом предотвратить экспансию России и Китая в Арктике. При этом факт, что авиаперевозка грузов куда губительнее для окружающей среды, замалчивается. Безусловно, это лишь частный пример манипуляции общественным сознанием для формирования нужного государственного имиджа.

Особые лингвистические средства и приемы, которые широко используются в западных СМИ сегодня, позволяют завуалировать информацию, наполнить ее новым содержанием. Часто интенция бывает структурирована и частично скрыта. Неподготовленный читатель или слушатель не может декодировать подобную информацию [Потапова, 2016]. Набор лингвистических средств, создающих новую реальность, может служить лингвистической базой такого понятия, как «мягкая сила» – «soft power».

Политические акторы, стремясь оказать эмоциональное воздействие на адресат часто используют слова с эмоционально-оценочным содержанием, которые в определенных контекстах раскрывают «нужное» актору значение. Разнообразие таких лингвистических средств и языковых механизмов сокрытия информации и реализации скрытой интенции представляют большой интерес и, безусловно, требует изучения. Интерес представляют способы актуализации скрытой интенции, приемы ее выявления, а также языковые средства, которые используются для достижения поставленных целей.

Рассмотрим, как представлены недавние события в Красноярске во французских СМИ и сравним их освещение с похожими катастрофами в Мексике и самой Франции.

Разгерметизация резервуара ТЭЦ «Норильско-Таймырской энергетической компании» существенно повлияла на экологическую обстановку в Красноярском крае. Нефтепродукты оказались в почве и водоемах протяженностью в 350 кв. м. (*В Красноярском крае введен режим ЧС... Коммерсант, 20.06.2020. URL: https://www.kommersant.ru/doc/436614*).

Французское издание «Les Echos» 4 июня 2020 года выпустило статью под заголовком «Moscou reconnaît lĕampleur dĕune nouvelle catastrophe écologique en Arctique» – «Москва признала масштаб новой экологической катастрофы в Арктике» (*Moscou reconnaît l'ampleur d'une nouvelle catastrophe écologique en Arctique, Les Echos, 20.06.2020*)[1].

Сочетание *reconnoître l'ampleur* выбрано автором не случайно. Сам глагол *reconnoitre* переводится на русский как *признавать что-либо*, а *ampleur* имеет значение *ширина*, *размах*. Читатель должен понять, что Россия не сама выступила с инициативой рассказать о случившемся, а сделала это под давлением. Обратим внимание и на выбор прилагательного *nouvelle – новый* перед существительным катастрофа. Таким образом, читатель понимает, что катастрофы такого рода не исключение, и происходят в Арктике часто, что по сути является искажением реальности. В мире крупнейшей подобной аварией считается катастрофа танкера «Exxon Valdez» на Аляске, в ходе которой, по официальным данным, в море вытекло около 36 тыс. т нефти.

«Le Monde» 4 июня 2020 года опубликовал статью «Dans l'Arctique russe, une grave catastrophe écologique et des craintes sur la fonte du permafrost» – «В Русской Арктике произошла серьезная экологическая катастрофа, и появилась угроза таяния вечной мерзлоты» (*Dans l'Arctique Russe une grave catastrophe ecologique, Le Monde, 20.06.2020*)[2].

Автор намеренно указал, что катастрофа произошла именно в России и по вине России. Масштаб случившегося был отмечен использованием прилагательного *grave – тяжелый*, *угрожающий*, *чреватый последствиями*, *мрачный*. Сравним с заголовками статей, описывающим не менее серьезную экологическую катастрофу в Мексике.

В 2004 году ураган «Айван» утопил нефтяную платформу компании «Taylor Energy» в 14 км от побережья США. «The Washigton Post» приводит данные о том, что в течение 15 лет ежедневно

[1] URL: https://www.lesechos.fr/monde/europe /moscou-reconnait-lampleur-dune-nouvelle-catastrophe-ecologique-en-arctique-1208359

[2] URL: https://www.lemonde.fr/planete/article/2020/06/04/dans-l-arctique-russe-une-grave-catastrophe-ecologique-et-des-craintes-sur-la-fonte-du-permafrost_6041802_3244.html

в Мексиканском заливе происходит утечка нефти – до 700 баррелей. Отсутствие незамедлительных мер может привести к развертыванию одной из самых громких экологических катастроф в истории. На сегодняшний день крупнейшим разливом называют утечку нефти компании «BP Deepwater Horizon» в 2010 г. Заголовок статьи, освещающей это событие во французском «Le Figaro», носит весьма нейтральный характер: «Golfe du Mexique: 17 000 litres de pétrole s'échappent chaque jour d'une plate-forme depuis quinze ans» (*Mare noire dans le Golfe du Mexique, Le monde, 19,06.2019*)[1] – «Мексиканский залив: 17 тыс. л нефти каждый день вытекает в течение пятнадцати лет». В заголовке нет прямой отсылки к «виновным», и читатель просто получает фактическую информацию о произошедшем, а авторы не подчеркивает «ужас произошедшего» за счет средств выразительности.

Отдельного внимания заслуживает освещение событий на Камчатке в силу того, что в самих российских СМИ наблюдалось некое противоречие, в то время как заявления французских СМИ отличались бескомпромиссным подходом. Экологическая катастрофа на Камчатке имела большой общественный резонанс в силу массового распространения в СМИ в том числе в социальных сетях. Так, внимание общества привлекли тысячи мертвых выброшенных на берег представителей океана в районе Халактырского пляжа.

Тихоокеанский флот опроверг информацию, опубликованную в иностранных СМИ, о своей причастности к загрязнению океана в непосредственной близости от Петропавловска-Камчатского. Представители Тихоокеанского флота отметили, что с июня 2020 года на полигоне «Радыгино» испытаний с применением тяжелой боевой техники не проводилось, а также район Халактырского пляжа не находился в поле действия мероприятий с участием кораблей и судов Тихоокеанского флота.

В штабе подчеркнули, что в указанный период не осуществлялась транспортировка крупных партий нефтепродуктов судами ВМФ России, а также кораблями, зафрахтованными в интересах Минобороны, для снабжения Тихоокеанского флота. СМИ добавили, что в водах был обнаружен фенол, который не используется в военных

[1] URL: https://www.lemonde.fr /international/article/2019/06/26/maree-noire-dans-le-golfe-du-mexique-17-000-litres-de-petrole-deverses-chaque-jour-depuis-quinze-ans_5481748_3210.htm

горюче-смазочных материалах: «Russie: une “catastrophe écologique” provoque la mort massive d'animaux marins près des côtes du Kamtchatka» (*France Info, 20.06.2020*)[1].

Издание «Le Figaro» 6 октября 2020 года опубликовало следующее: «Kamtchatka: une mystérieuse “catastrophe écologique” provoque la mort massive d'animauxm» – «Камчатка, загадочная экологическая катастрофа, спровоцировавшая массовую гибель животных». Прилагательное *mystérieux – загадочный* дает для французского читателя негативное и сомнительное представление о случившемся. Согласно электронному словарю «La Rousse», прилагательное *mystérieux* связано с тайнами, секретами, т. е. в данном заголовке заключается посыл, что причины катастрофы неизвестны и держатся в секрете (*https://www.larousse.fr*). Портал «France info» 5 октября 2020 года разместил статью, в которой ссылается на Гринпис: «Greenpeace tire la sonnette d'alarme au Kamtchatka. “Une catastrophe écologique s'est produite” dans cette région de l'extrême-orient russe, a assuré l'ONG lundi 5 octobre. Des analyses ont établi “quatre fois plus de produits pétroliers et 2,5 fois plus de phénol” dans l'eau, ajoute Greenpeace» (*What happened in Kamchatka: Greenpease version. Fobes, 20.06.2020*)[2] – «Гринпис бьет тревогу. На Камчатке произошла экологическая катастрофа, в понедельник, 5 октября, подтвердила НПО».

Пробы воды установили, что содержание нефтепродуктов увеличено в четыре раза, а содержание фенола больше в 2,5 раза, – добавляет Гринпис. В то же время, по данным экспертизы, проведенной представителями Русского географического общества (РГО), следы техногенного загрязнения на Камчатке не были выявлены. Исследователи в качестве возможной причины массовой гибели животных называют кислородное голодание из-за микроводорослей, которые в конце сентябре выделяют токсины. Также следует привести выдержку из статьи, размещенный на портале «Forbes» 15 октября, в которой Елена Сакирко, координатор проектов по климату и энергетике Greenpeace говорит:

---

[1] URL: https://www.francetvinfo.fr/monde/russie/russie-une-catastrophe-ecologique-provoque-la-mort-massive-d-animaux-marins-au-largdu kamtchatka4129855.html

[2] URL: https://www.forbes ru/biznes/411353-chto-proizoshlo-na-kamchatke-versiya-greenpeace

«Первые результаты анализов появились в начале этой недели. К сожалению, эти результаты не дают однозначного ответа о причине массовой гибели морских животных и организмов в непосредственной близости от Халактырского пляжа. Результаты не показывают присутствие какого-либо одного токсичного вещества, которое могло вызвать такое губительное воздействие на экосистему восточного и западного побережья Камчатки» (*Что происходит в центре экологического ЧП на Камчатке. Репортаж РБК*)[1]. Таким образом, французскому читателю информация представлена не в полном объёме. Как уже упоминалось ранее, замалчивание является одним из приемов в современном французском политическом дискурсе, особенно когда речь идет о событиях в России.

В заключение приведем статью Le Figaro», в которой автор пишет о том, что такие катастрофы происходят в России регулярно, приведя в пример недавние события в Норильске [Désastre écologique au Kamtchatka, 2020]. «La Russie connaît régulièrement des catastrophes environnementales, à l'image de la fuite de 21.000 tonnes de carburant dans des cours d'eau en Arctique, fin mai, après l'affaissement d'un réservoir d'une centrale thermique près de Norilsk» (*Désastre écologique au Kamtchatka: des experts confirment le rôle d'algues toxiques, Le Figaro, 20.06.2020*)[2]. – «В России регулярно происходят экологические катастрофы, такие как утечка 21000 т топлива в арктические реки в конце мая после обрушения резервуара на ТЭЦ под Норильском». Наречие *régulièrement* меняет тон повествования, следовательно, и восприятие читателя тоже.

Как писал А. В. Федоров в статье «Образ России в Западной прессе», под видом объективности и непредвзятости большинство авторов статей в западной прессе создают гипертрофированно негативный образ России [Федоров, 2013].

Заключение

В заключение на основании семи проанализированных автором статей во французской прессе на тему экологических проблем в России (опубликованных в октябре 2020 г.) было выявлено, что при

[1] URL:https://www.rbc.ru/society/14/10/2020/5f857e 159a7947758d67a933

[2] URL: https://www.lefigaro.fr/flash-actu/desastre-ecologique-au-kamtchatka-des-experts-confirment-le-role-d-algues-toxiques-20201023

описании событий в Красноярске и Камчатке преследовалась цель создания негативного образа России. Авторитетная французская пресса часто прибегает к приему замалчивания и искажения информации, которая может дать французскому читателю неполную картину о произошедших событиях в России, в то время как при описании не менее трагических событий в Мексике и самой Франции можно отметить отсутствие таких средств выразительности, как метафоры и сравнения. А тон повествования можно описать как нейтральный.

С помощью типичного набора лингвистических средств можно моделировать значения слов, т. е. наполнять языковые единицы новым содержанием, что представляет события в ином свете.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Шалаев В. С., Хуторова Н. А*. Энвайронментализм как движение в защиту окружающей среды // Лесной вестник. 2013. № 7. С. 6–22.
2. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998.
3. *Саворская Е. В.* Оттенки зеленого: энвайронментализм в контексте классических идеологических течений // Полис. Политические исследования. 2015. № 6. С. 103–115.
4. *Капля А. С.* Французские Зелёные в избирательных кампаниях 2012 и 2017 гг.: от триумфа к поражению // Исторические исследования. 2018. Вып. 10. С. 42–55.
5. *Потапова Н. М.* Лингвистические средства и механизмы моделирования лингвистического значения // Евразийский союз ученых. 2016. Т. 5. Вып. 1 (22). С. 35–39.
6. *Федоров А. В*. Образ России в современной западной прессе // Российский журнал истории, теории и практики медиапедагогики. 2013. № 4. С. 5–58.

REFERENCES

1. Shalaev, V. S., Hutorova, N. A. (2013). Envajromentalizm kak dvizhenie v zashchitu okruzhayushchej sredy. Lesnoj vestnik. № 7 = Environmentalism as an Environmental Movement. Forestry Bulletin, 7, 6–22. (In Russ.)
2. Yartseva, V. N. (Ed.). (1998). Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar'. Yazykoznanie = Big Encyclopedic Dictionary. Linguistics. Moscow: Bol'shaya Rossiiskaya jencik-lopedija. (In Russ.)
3. Savorskaya E. V. (2015). Ottenki zelenogo: envajronmentalizm v kontekste klassicheskih ideologicheskih techenij. Polis. Politicheskie issledovaniya. 6. =

Shades of Green: Environmentalism in the Context of Classical Ideological Ideas. Political Research, 6, 103–115. (In Russ.)
4. Kaplya, A. S. (2018). Francuzskie Zelyonye v izbiratel'nyh kampaniyah 2012 i 2017 gg.: ot triumfa k porazheniyu = French Greens in the 2012 and 2017 election campaigns: from triumph to defeat. History Studies, 22, 42–55 (In Russ.)
5. Potapova, N. M. (2016). Lingvisticheskie sredstva i mekhanizmy modelirovaniya lingvisticheskogo znacheniya. Evrazijskij Soyuz Uchenyh = Linguistic tools and modeling mechanisms of linguistic significance. Eurasian Union of Scientists, 1 (22), 35–39. Vol. 5. (In Russ.)
6. Fedorov, A. V. (2013). Obraz Rossii v sovremennoj zapadnoj presse. Rossijskij zhurnal istorii, teorii i praktiki mediapedagogiki = The image of Russia in the modern Western press. Russian journal of history, theory and practice of media education, 4, 51–58 (In Russ.)

Информация об авторе

Устинова М. С. – старший преподаватель кафедры английского языка № 6 Московского государственного института международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Information about the author

Ustinova M. S. – Senior Lecturer of the English Department № 6 of Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation

Статья поступила в редакцию 12.07.2021;
одобрена после рецензирования 09.08.2021; принята к публикации 11.08.2021

The article was submitted 12.07.2021; approved after reviewing 09.08.2021;
accepted for publication 11.08.2021

Научная статья

УДК 81'112

DOI 10.52070/2542-2197_2021_12_854_151

КОГНИТИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АНГЛИЙСКОГО ЭПИСТОЛЯРНОГО ДИСКУРСА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

К. И. Шпетный

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, kon5804@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются основные когнитивно-стилистические особенности эпистолярного дискурса на материале средневековой корреспонденции между королевой Англии Анной Болейн и королем Генрихом VIII Тюдором на материале рукописи послания Анны Болейн от 6 мая 1536 года. Королевский статус участников данного эпистолярия придает дискурсам Анны Болейн и Генриха VIII Тюдора особое когнитивное назначение (политическое, династическое, историческое, социокультурное, прагматическое) и своеобразное лингвостилистическое оформление (синтаксическое, семантическое).

Ключевые слова: когнитивная наука, стилистика, дискурс, эпистолярный стиль, послание

Для цитирования: Шпетный К. С. Когнитивно-стилистические характеристики английского эпистолярного дискурса Средневековья // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 12 (854). С. 151–164. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_12_854_151

Original article

COGNITIVE-STYLISTIC FEATURES OF THE ENGLISH EPISTOLARY DISCOURSE IN THE MIDDLE AGES

C. I. Shpetny

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, kon5804@yandex.ru

Abstract. Basic cognitive-stylistic features of the epistolary English discourse are put forward for consideration, the research matter being medieval correspondence between Queen of England Anne Boleyn and King Henry VIII Tudor. The discovered manuscript of Anne Boleyn`s dated May 6, 1536. The royal status of the persons involved in this 16th century epistolary Anne Boleyn and Henry VIII adds up to its cognitive setting (political, dynastical, historic, sociocultural, and pragmatic) and linguostylistic framing (syntactical, semantic).

CC BY

Key words: cognitive science, stylistics, discourse, epistolary style, epistle, art de la lettre

For citation: Shpetny, C. I. (2021). Cognitive-stylistic features of the English epistolary discourse in the Middle Ages. Vestnik of Moscow State University. Humanities, 12 (854), 151–164. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_12_854_151

Помни, что время властно над всем, оно изничтожает деяния,
рушит творения и изглаживает память, за исключением того,
что останется высеченным в сердцах людей любовью,
и что они будут передавать из поколения в поколение.
328 /327 гг. до Р. Х.

Из письма Аристотеля своему воспитаннику царю
Александру Македонскому
(перевод с арабского языка VIII века
с сирийского языка > с греческого языка)
[Табаи, Громов, 2017, с. 25]

Введение

В настоящей статье рассматриваются когнитивно-стилистические особенности эпистолярного англоязычного дискурса на материале корреспонденции между королевой-консорт Англии Анной Болейн (Anne Boleyn / Bullen, 1501 / 1507 – 19 мая 1536, королева с 1533) и королем Англии Генрихом VIII Тюдором (Henry VIII Tudor, 1491–1547, король с 1509 г. в возрасте 17 лет).

Выбор объекта и предмета настоящего исследования отражает попытку освоить *terra incognita* при лингвостилистическом анализе типов дискурсов.

В статье впервые предпринимается попытка введения в научный обиход лингвокогнитивных исследований, а также анализ подлинных дискурсов английского Средневековья в эпистолярном жанре.

События вокруг английского трона начала XVI века носили личный и династический характер, с одной стороны, и свидетельствовали о глубинных политических и конфессиональных изменениях европейского масштаба – с другой, что отразила настоящая переписка королевских особ.

Конфликт с Католической Церковью, вызванный отказом Папы Римского Климента VII дать Генриху VIII согласие на развод с первой женой Екатериной Арагонской, привел к принятию Парламентом

страны «Акта о супрематии» (*Act of Supremacy*, 1534 и 1559 годы), закрепившего разрыв Англиканской церкви с Католической в ходе Реформации и передавшие монарху верховные полномочия в Англиканской церкви. Разрыв с Ватиканом был оформлен окончательно.

История любви Генриха VIII и Анны из рода Болейн длилась 14 лет. Приехав в Туманный Альбион с французского двора в Париже, она произвела большое впечатление на высшее общество и на Генриха. Анна обладала большими амбициями, острым умом, музыкальным талантом, умением вести светскую жизнь при дворе, изысканно одеваться. Прекрасно владела английским, французским и другими европейскими языками. Генрих VIII, который, как свидетельствуют источники, был высокообразованным монархом, играл на разных музыкальных инструментах и был склонен к поэтическому творчеству и свободно владел рядом европейских иностранных языков; он влюбился в Анну, и это не осталось для нее незамеченным.

Письма Генриха VIII отражают чувство горячей любви к Анне Болейн в ожидании взаимности с ее стороны. Именно тогда Генрих сочиняет балладу *Greensleeves*, посвященную Анне Болейн. Взаимное устремление молодых людей завершается ее коронацией на Английский престол в 1533 году.

Материалом настоящего исследования послужил дискурс послания Анны Болейн от 6 мая 1536 года, аутентичность которого допускает, следует отметить, его возможное дальнейшее уточнение [Vasoli, 2015]. Он содержит письмо к королю Англии за две недели до ее перехода в вечность. Оно было написано Анной Болейн на английском языке. В работе использован также ряд писем Анны из ее личной переписки с известными английскими особами (*https://www.theanneboleynfiles.com*). Уточняют статус эпистолярия 17 сохранившихся любовных писем короля Генриха VIII к Анне Болейн в период ухаживания за будущей женой[1]. Восемь из этих писем были написаны Генрихом на

[1]Henry VIII, Anne Boleyn. The Love Letters of Henry VIII to Anne Boleyn. With notes. 1906. The Project Gutenberg EBook of The Love Letters of Henry VIII to Anne Boleyn, by Henry VIII and Anne Boleyn this eBook or online at www.gutenberg.org. Produced by Meredith Bach and the Online Distributed. Proofreading Team at https://www.pgdp.net (This file was produced from images generously made available by The Internet Archive / American Libraries). Release date April 27, 2010. 37 pp.

английском языке и девять на французском. В указанном источнике все послания представлены на языке страны короля Генриха.

Эпистолярный жанр

Эпистолярный стиль речи (*греч.* επιστολικός, *англ.* epistle – письмо, послание) является гибридным жанром, который обычно представлен в форме письма в частной переписке. Он занимает сложившееся в истории и освященное многовековой и национальной традицией место в антиномии «деловой дискурс» – «художественный дискурс» [Щерба, 1939; Гальперин, 1981]. Он также релевантен для публицистического дискурса (открытое письмо).

Дискурс послания является одним из центральных типов текстов в стиле языка религии. Это семь Соборных Посланий святых Апостолов и 14 Посланий Апостола Павла [Библия, 1988], а также Послания иерархов Церкви по разным поводам за более чем ее двухтысячелетнюю историю.

Характерной чертой эпистолярия является его промежуточное положение между двумя типами речепроизводства: письменной речью и речью устной.

Эпистолярный дискурс предполагает учет социального статуса корреспондентов и целей переписки, по этой причине в Средние века создаются своды правил в виде специальных руководств по написанию писем, называемых письмовниками (*англ.* letter-writers).

По свидетельству Merriam-Webster, первое упоминание о них встречается в 1615 году. Специалистам и заинтересованным лицам известны современные английские письмовники:

– Writing Letters in English (*https://www.myenglishlanguage.com*),

– Letter Writing Tips (*https://www.toppr.com/guides/english/writing/letter-writing*),

– письмовники французские [Bray, Strosetzki, 1995; Стогова, 2008].

Королевский статус участников данного эпистолярия придает дискурсам Анны Болейн и Генриха VIII Тюдора особое когнитивное значение (политическое, династическое, историческое, социокультурное, прагматическое) и своеобразное лингвистическое звучание (синтаксическое, семантическое, стилистическое).

Структурно-композиционная составляющая

Общий размер дискурса послания Анны Болейн Генриху VIII (word count) составляет 691 слово, в тексте 3 777 знаков (с пробелами) и семь абзацев. Этикетное зачинное обращение *Sir* отдельным абзацем, являясь первым словом всего дискурса, не выделено, а этикетная концовка оформлена в виде одного заключительного предложения абзаца 5 и двух дополнительных строк:

…From my doleful prison in the Tower, this 6th of May.
Your most Loyal and Ever Faithful Wife,
Anne Boleyn

Все пять абзацев дискурса в целом сопоставимы по размеру (91–220 – 151 – 102 – 117 слов), что свидетельствует о стройности композиции дискурса. Абзац 2 (220 слов), являясь самым когнитивно насыщенным, содержит опровержение Анной выдвинутых против нее официальных обвинений.

Особенностью орфографического исполнения дискурса является то обстоятельство, что ряд существительных, глаголов и иных лексико-грамматических единиц представлен в написании с прописных букв, например:

Your Grace's Displeasure and my Imprisonment;
what to Write, or what to Excuse;
to confess a Truth;
to obtain your Favour;
professed Enemy;
Message;
Meaning;
with all Willingness and Duty perform your Command (абзац 1);

Your Grace;
your poor Wife;
to acknowledge a Fault;
a Thought thereof proceeded (абзац 2);
not only my Death, *but an Infamous Slander*;
your desired Happiness (абзац 4).

Очевидно, в этом случае можно говорить о морфологическом способе передачи стилистической экспрессии.

Ниже приведем отрывок из письма английской королевы Анны Болейн (первые два абзаца).

The Last Letter of Queen Anne Boleyn

May 6,

1536

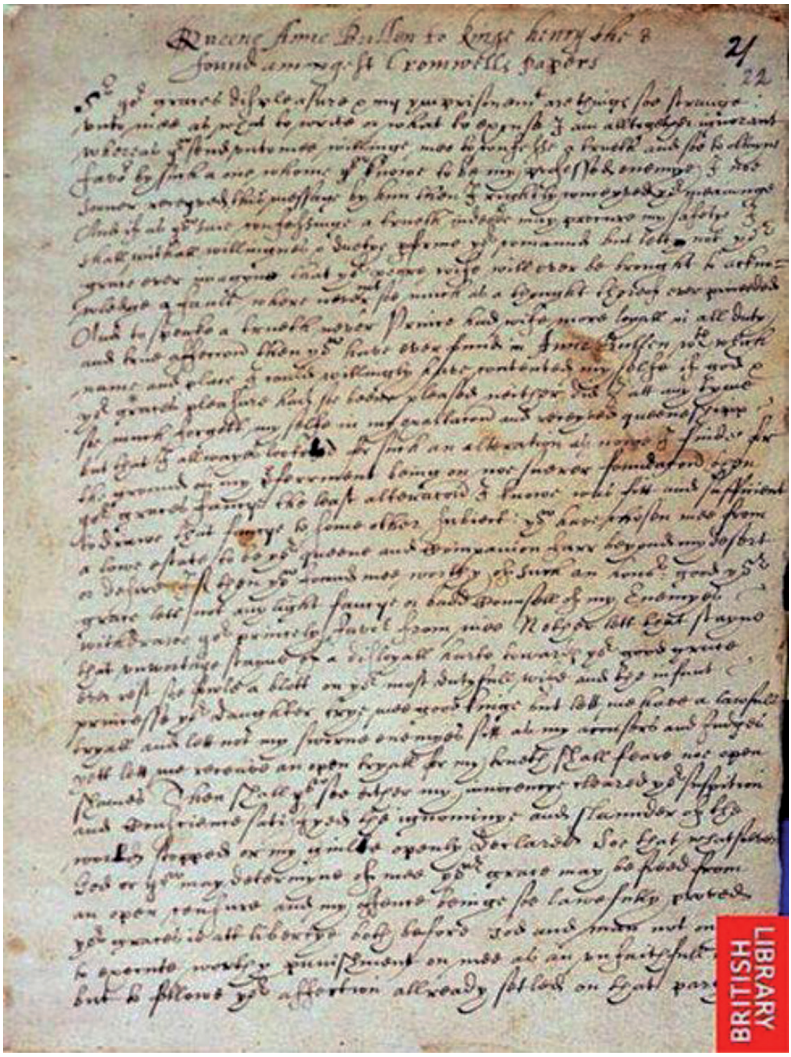
Sir, Your Grace's Displeasure and my Imprisonment are things so strange unto me, as what to Write, or what to Excuse, I am altogether ignorant. Whereas you send unto me (willing me to confess a Truth, and so to obtain your Favour) by such an one whom you know to be my ancient professed Enemy; I no sooner received this Message by him, than I rightly conceived your Meaning; and if, as you say, confessing a Truth indeed may procure my safety, I shall with all Willingness and Duty perform your Command.

But let not Your Grace ever imagine that your poor Wife will ever be brought to acknowledge a Fault, where not so much as a Thought thereof proceeded. And to speak a truth, never Prince had Wife more Loyal in all Duty, and in all true Affection, than you have ever found in Anne Boleyn, with which Name and Place I could willingly have contented my self, if God, and your Grace's Pleasure had been so pleased. Neither did I at any time so far forget my self in my Exaltation, or received Queenship, but that I always looked for such an Alteration as I now find; for the ground of my Preferment being on no surer Foundation than your Grace's Fancy, the least Alteration, I knew, was fit and sufficient to draw that Fancy to some other Subject. You have chosen me, from a low Estate to be your Queen and Companion, far beyond my Desert or Desire. If then you found me worthy of such Honour, Good your Grace let not any light Fancy, or bad Counsel of mine Enemies, withdraw your Princely Favour from me; neither let that Stain, that unworthy Stain of a Disloyal Heart towards your good Grace, ever cast so foul a Blot on your most Dutiful Wife, and the Infant Princess your Daughter.

<...>

Источник: British Library, Cotton Otho C X fol. 232 r [Vasoli, 2015, с. 18–20].

Воспроизводим ниже страницу 1 факсимиле подлинника письма от 6 мая 1536 года королевы Анны Болейн своему супругу королю Генриху VIII Тюдору.



Источник: сайт British library (https://www.bl.uk).

Когнитивное содержание

В своем письме к Генриху VIII Анна Болейн пишет о своей преданности королю, просит открытого и справедливого суда, который подтвердит её невиновность в связи с выдвинутыми против нее обвинениями, и умоляет освободить всех невиновных.

Когнитивное содержание послания Анны Болейн Генриху VIII можно представить в виде гармонизированного собрания следующих 150-и концептов:

Passage 1: Sir, Your Grace`s Displeasure, Imprisonment, strange things, Write, Excuse, ignorant, will, confess a Truth (2), obtain Favour, ancient professed Enemy, receive Message, conceive Meaning, procure safety, Willingness and Duty, perform Command;

Passage 2: Your Grace / your Grace`s Pleasure / your Grace`s Fancy / Good your Grace (8), imagine, poor Wife / dutiful Wife (3), be brought to acknowledge, Fault, Thought, to speak a truth, Prince, Loyal, in all Duty, in all true Affection, Anna Boleyn, Name and Place, contend my self, God, be pleased, forget my self, Exaltation, Queenship, Alteration (2), Preferment, Foundation, fit and sufficient, Fancy (3), Subject, choose, low Estate, Queen and Companion, Desert and Desire, find worthy, Honour, bad Counsel, Enemies, withdraw Princely Favour (2), Stain (2), Disloyal Heart, cast a foul Blot, Infant Princess, Daughter;

Passage 3: try, good King, Lawful trial / open trial (2), sworn Enemies, Accuser, Judge, Truth, fear, shame, Innocency cleared, Suspicion and Conscience satisfied, Ignominy, Slander of the World, Guilt declared, God, determine, your Grace (3), free, open Censure, Offense, lawfully proved, be at liberty, before God and Man, execute Punishment, unlawful Wife, follow Affection, Party, for sake, Name, ignorant, Suspicion;

Passage 4: determine, Death, Infamous Slander, enjoying, desired Happiness / desire, God / He / His General Judgement-Seat (4), pardon your Sin, Enemies, call to Account, unprincely, cruel, usage, appear, Judgement, World, Innocence cleared;

Passage 5: Request (2), bear the burden, your Grace`s Displeasure, Innocent souls (3), poor Gentlemen, in straight Imprisonment, for my sake (2), find favour, Sight, Name of Anne Boleyn, pleasing in your Ears, your Grace, earnest, Prayer, Trinity (5), in good keeping, direct, Action, doleful prison, the Tower, May, Loyal, Faithful, Wife (4), Anne Boleyn (3).

Самыми частотными и одновременно базовыми концептами эпистолярия Анны Болейн являются следующие двадцать: (your) Grace, Pleasure / Displeasure, prince, Imprisonment / prison, Fancy, (poor) Wife, Truth, God, Alteration, Affection, Queen, Stain, trial, Enemy (-ies), Favour, Loyal / Disloyal, Innocence, ignorant, Judgement, Anna Boleyn.

Объём концептосферы, характер когнитивного содержания базовых и небазовых концептов рассматриваемого дискурса довольно точно отражают круг событий вокруг короля Генриха VIII и королевы Анны Болейн.

В плане сопоставления укажем, что концептосфера цикла 154 сонетных дискурсов англичанина Уильяма Шекспира в Folio 1609 года включает 500 концептов. Среди них 36 являются базовыми, включая 12 сущностных базовых концепта, и 464 небазовых концепта, отражающих вселенский масштаб мировидения английского поэта [Шпетный, 2017].

Лексико-семантическая и стилистическая характеристика

Лексико-семантический состав эпистолярия Анны Болейн характеризуется использованием:

– книжной лексики английского литературного языка эпохи Средневековья, многочисленных единиц возвышенной речи широкого когнитивного философского и религиозного наполнения: *I am altogether ignorant*; *to obtain favour*; *professed Enemy*; *to conceive Meaning*; *from a low estate*; *His General Judgement-Seat*;

– стилистически изысканных семантико-синтаксических оборотов: *for the ground of my Preferment*; *the enjoying of your desired Happiness*; *with mine earnest Prayers to the Trinity to have your Grace in his good keeping*;

– выразительных поэтически соположенных единиц, нередко с парными сочетаниями и элементами ритма и аллитерации: *what to write or what to excuse*; *Message… and Meaning*; *Willingness and Duty*; *Name and Place*; *Queen and Companion*; *Accusers and Judges*; *Suspicion and Conscience*; *God and Man*;

– экспрессивного синтаксиса: *my last and only Request shall be*; *then you shall see*, *either my Innocency cleared*, *your Suspicion and Conscience satisfied*, *the Ignominy and Slander of the World stopped*, *or my Guilt declared*; *but if you have already determined of me*; *if ever have I found favour in your Sight*;

– архаичных лексико-грамматических форм: *my self*, *unto me*, *thereof*, *therein*, *point unto*, *mine* (= *my*) *Enemies*, *herein*;

– этикетных речевых формул: *Sir*, *Your Grace's Displeasure*; *I shall with all Willingness and Duty perform your Command*; *Try me*, *good King*; *your Grace may be at liberty*; *Your most Loyal and Ever Faithful Wife*.

В письмах Анны Болейн можно встретить также следующие формулы этикета:

– MY LORD, in my most humblest wise that my heart can think … (зачин)

– Written with the hand of her that is most bound to be
Your humble Servant,
ANNE BOLEYN. (концовка)

– Your Majesty`s most obliged and most obedient servant, without any reserve,
Anne Bulen. (концовка)

Круг этикетных формул расширяется при обращении к эпистолярным дискурсам Генриха VIII.

В зачине его эпистолярия можно увидеть:

My Mistress & Friend;
Darling.

В концовках писем находим:

– Your loyal and most assured Servant,

H. aultre A.B. ne cherse R.

(письмо 5)

– Written by the hand of your entire Servant,
H. R. (письмо 6)

– Written by the hand of him who is and always will be yours,
Im- H. R. -mutable (письмо 10)

– Written with the hand de votre seul,
H. R. (письмо 12)

Обращают на себя особое внимание выполненная от руки оригинальная графическая вставка короля в письме 5, необычно оформленные инициалы имени монарха, вставленные внутрь прилагательного *immutable* между суффиксом *im-* и корнем слова *-mutable* в письме 10, а также этикетная формула на французском языке в письме 12, которые можно считать способами передачи когнитивно-стилистической экспрессивности.

Эпистолярные дискурсы Генриха VIII (17 писем к Анне Болейн) характеризуются небольшим объёмом (в среднем 200–250 слов), емким когнитивным содержанием и лексико-семантическим и стилистическим разнообразием.

Значимым для оценки особенностей эпистолярия в связи с этим представляется нижеприведенный отрывок из дискурса, пожалуй, самого интересного четвертого письма Генриха VIII Анне Болейн, написанного им в период куртуазного внимания к будущей королеве Англии[1]:

> MY *MISTRESS & FRIEND*, my heart and I surrender ourselves into your hands, beseeching you to hold us commended to your favour, and that by absence your affection to us may not be lessened; for it were a great pity to increase our pain, of which absence produces enough and more than I could ever have thought could be felt, reminding us of a point in astronomy which is this: the longer the days are, the more distant is the sun, and nevertheless the hotter; so it is with our love, for by absence we are kept a distance from one another, and it retains its fervour, at least on my side…

Обращает на себя внимание литературно-возвышенный стиль письма (*my heart and I surrender ourselves into your hands*, *the firm hope I have of your unchangeable affection for me*), наличие многочисленных слов книжного слоя языка (*Mistress*, *favour*, *fervour*, *intolerable*, *device*), присутствие стилистического приема развернутой сравнительной метафоры, где образ жаркого солнца уподобляется чувству горячей любви между Генрихом и Анной (*reminding us of a point in astronomy which is this*: *the longer the days are, the more distant is the sun*, *and nevertheless*

[1]The Letters of Henry VIII to Anne Boleyn / Roberti de Avesbury Historia de mirabilibus gestes Edwardi III. Third volume. The Harleian Miscellany. Published by Hearne Oxford, 1745–2012. Createspace Independent Publishing Platform (first published 1720).

the hotter: *so it is with our love for by absence we are kept a distance from one another*, *and it retains its fervor*, *at least on my side*).

В эпистоляриях Генриха VIII регулярно встречаются элементы разговорной речи, свойственные обычно текстам устного дискурса, например, зачин второго письма Генриха не сопровождается никакой формулой этикета: *THOUGH it is not fitting for a gentleman to take his lady in the place of a servant*; используются разговорные клише обиходной речи – в письме шестом: *Consider well*, *my mistress*, *that absence from you*…; или в письме девятом: *THERE came to me suddenly in the night*…; излишняя многословность от переполняющих короля чувств в концовке 17-го письма: *Written after the killing of a hart*, *at eleven of the clock*, *minding*, *with God's grace*, *tomorrow*, *mightily timely*, *to kill another*, *by the hand which*, *I trust*, *shall be yours*.

Заключение

Характерными особенностями эпистолярного стиля речи Средневековья являются стройное структурно-композиционное построение текста письма (зачин, основная часть, концовка), наличие этикетных речевых формул, тщательное внешнее оформление дискурса, логически ясное изложение концептуального содержания, литературно-стилистическая отточенность в использовании синтаксических, лексико-семантических и собственно стилистических средств. Его общие характеристики сохраняют свою актуальность по настоящий день в эпистолярной практике Новейшего времени.

Эпистолярий Анны Болейн отличают богатое когнитивное содержание, значительное разнообразие базовых и небазовых концептов, широкий спектр используемых речевых средств и приемов в областях правописания, орфоэпии, морфологии и синтаксиса, лексико-семантического потенциала письменной речи, элементов устной форм речи, изысканный реестр свободно используемых стилистических ресурсов литературного английского языка.

Когнитивно-стилистический анализ последнего письма Анны Болейн Генриху VIII Тюдору от 6 мая 1536 года и эпистолярного наследия английской королевы, предложенный в настоящей статье, позволяет также пролить свет на вопрос об оправданности выдвинутых против нее официальных обвинений, что привело к последовавшей трагической развязке на английском престоле.

Можно говорить о близости и определенном сходстве общего когнитивного и образовательного тезаурусов Анны Болейн и Генриха VIII Тюдора, о наличии параллелей в употреблении характерных речевых форм в структурно-синтаксических, лексико-семантических и собственно стилистических конструкциях, что в целом свойственно эпистолярному дискурсу на английском и французском языках XVI века.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Табаи С. Н., Громов А. Б.* Персия. История неоткрытой страны. М. : Садра, 2017.
2. *Vasoli S.* Anne Boleyn`s Letter from the Tower: A New Assessment. Copyright. London : MadeGlobal Publishing, 2015.
3. *Щерба Л. В*. Современный русский литературный язык // Русский язык в школе. 1939. № 4. С. 21.
4. *Гальперин И. Р*. Стилистика английского языка = English Stylistics: учебник для студентов институтов и факультетов иностранных языков. 3-е изд. М.: Vysšaja Škola, 1981.
5. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Юбилейное издание, посвященное Тысячелетию Крещения Руси. М. : Издание Московской Патриархии, 1988.
6. *Bray B. A., Strosetzki Ch*. Art de la lettre, art de la conversation à l'époque classique en Franc: actes du colloque de Wolfenbüttel, octobre 1991. Klincksieck, 1995.
7. *Стогова А. В.* Дружеское письмо во французских письмовниках конца XVI – начала XVIII века // Диалог со временем. 2008. № 25. Т. 1. С. 109–138.
8. Официальный сайт British library. https://www.bl.uk
9. *Шпетный К. И*. Концептосфера поэтического дискурса в сонетах У. Шекспира. Магия ИННО: новые измерения в лингвистике и лингводидактике: сб. науч. тр.: в 2 т. М. : МГИМО (У), 2017. Т. 1. С. 137–144.

REFERENCES

1. Tabai, S. N., Gromov, A. B. (2017). Persiya. Istoriya neotkrytoj strany = Persia. Story of the uncovered land. Moscow: Sadra.
2. Vasoli, S. (2015). Anne Boleyn`s Letter from the Tower: A New Assessment. Copyright. London: MadeGlobal Publishing. (In Russ.).
3. Shcherba, L. V. (1939). Sovremennyj russkij literaturnyj yazyk. Russkij yazyk v shkole = Russian Russian literary language. Russian language at school, 4. (In Russ.)

4. Galyperin, I. P. (1981). Stilistika anglijskogo yazyka = English Stylistics. Moscow : Vysšaja Škola. (In Russ.)
5. Bibliya (1988). Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vethogo i Novogo Zaveta. Yubilejnoe izdanie, posvyashchennoe Tysyacheletiyu Kreshcheniya Rusi = The books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments. Anniversary edition dedicated to the Millennium of the Baptism of Rus. Moscow: Izdanie Moskovskoj Patriarhii. (In Russ.)
6. Bray, B. A., Strosetzki, Ch. (1995). Art de la lettre, art de la conversation à l'époque classique en Franc: actes du colloque de Wolfenbüttel, octobre 1991. Klincksieck. (In Russ.).
7. Stogova, A. V. (2008). Druzheskoe pis'mo vo francuzskih pis'movnikah konca XVI – nachala XVIII veka. Dialog so vremenem = A friendly letter in the French letter-books of the late XVI – early XVIII century. Dialogue with time, 25, 109–138. Vol. 1. (In Russ.)
8. British library. https://www.bl.uk.
9. Shpetnyj, K. I. (2017). Konceptosfera poeticheskogo diskursa v sonetah U. Shekspira. Magiya INNO: novye izmereniya v lingvistike i lingvodidaktike = The conceptual sphere of poetic discourse in the sonnets of W. Shakespeare. The Magic of INNO: New dimensions in Linguistics and Linguodidactics. Collection of scientific works. In two volumes. Vol 1. Moscow: MGIMO (U). (In Russ.)

Информация об авторе

Шпетный К. И. – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры стилистики факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета

About the author

Shpetny C. I. – PhD (Philology), Associate Professor, Associate Professor at the Chair of English Stylistics of the English Department at the Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 12.07.2021;
одобрена после рецензирования 09.08.2021; принята к публикации 11.08.2021

The article was submitted 12.07.2021; approved after reviewing 09.08.2021;
accepted for publication 11.08.2021

Научная статья

УДК 821.51

DOI 10.52070/2542-2197_2021_12_854_165

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА СУФИЙСКИХ ТЕКСТОВ В МАЛОЙ АЗИИ В XVII ВЕКЕ (на примере рукописей «Вилайет-Наме-и Хаджи Бекташ»)

Ю. А. Аверьянов

Институт востоковедения Российской Академии Наук, Москва, Россия, avanta_yuriy@mail.ru

Аннотация. Сравнение двух близких по времени написания рукописей Вилайет-наме позволяет сделать ряд наблюдений над особенностями выражения мыслей и идей в суфийских кругах Анатолии XVI–XVII веков. В целом список 1035 г. х. более близок к литературному османско-турецкому языку, а список 1034 г. х. фиксирует анатолийско-тюркский идиом. Большинство специфических суфийских терминов и выражений являются общими для обоих списков и отражают сложившиеся реалии суфийской практики.

***Ключевые слова*:** суфийские братства, житие святого, рукописные тексты, суфийская терминология, османский язык

Для цитирования: Аверьянов Ю. А. Особенности языка суфийских текстов в Малой Азии в XVII в. (на примере рукописей «Вилайет-Наме-и Хаджи бекташ» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 12 (854). С. 165–177. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_12_854_165

Original article

FEATURES OF THE LANGUAGE OF SUFI TEXTS IN ASIA MINOR IN THE 17TH CENTURY (the example of the manuscripts of “Vilayet-Name”)

Iu. A. Averianov

Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, avanta_yuriy@mail.ru

CC BY

Abstract. Comparison of two related manuscripts of "Vilayet-name" gives possibility to make observations on the peculiarities of the expression of thoughts and ideas by the Sufis of Anatolia of the XVI–XVII centuries. The copy of 1035 AH. is closer to the literary Ottoman-Turkish language in its linguistic features, and the copy of 1034 AH. reflects the Anatolian-Turkic idiom. Most of the specific Sufi terms and expressions are common to both copies and tell us the prevailing realities of Sufi practice.

Key words: primary secondary interpretation, figurative meanings, language view of the world

For citation: Averianov, Iu. A. (2021). Features of the language of Sufi texts in Asia minor in the 17th century (the example of the manuscripts of "Vilayet-Name"). Vestnik of Moscow State University. Humanities, 12 (854), 165–177.
DOI: 10.52070/2542-2197_2021_12_854_165

Введение

Произведения, посвященные жизнеописаниям святых людей, в культуре мусульманских народов обычно носят наименование *манакиб* (*араб.* – «достойные деяния», «подвиги»). В традиционном арсенале почти каждого суфийского братства (*тарикат*) имеется, по крайней мере, описание деяний основателя данного учения, обычно сопровождаемое также добавлениями, рассказывающими о его ближайших приверженцах и послушниках (мюридах), занимавшихся распространением учения и прославлением своего наставника (*араб.* – муршид, *перс.* – пир). В традиции суфийского братства бекташийа, большинство адептов которого проживали на территории Османского государства (на землях современных Турции, Болгарии, Албании, Греции, Северной Македонии, Кипра и, частично, Боснии и Герцеговины, Румынии) житийные источники, повествующие о жизни святых (*букв.* 'друзей Божьих' – *тур.-араб.* эвлийа Аллах, ед. ч. *вели*) носят название *вилайет-наме* (*книга святости*, или *книга близости* [*к Богу*]), что отличает литературную продукцию этого братства от других тарикатов (напомним, что бекташи придерживаются, скорее, шиитского направления в исламе, тогда как большинство других тарикатов в Турции – суннитского) [Ocak, 1983].

Предполагается, что эти сочинения первоначально складывались из устных рассказов о чудесах того или иного святого, совершенных им при жизни (или приписанных ему молвой), а затем, по прошествии некоторого времени после его смерти (иногда двух-трех веков), эти легенды и предания записывались, чтобы уберечь их от забвения или же с целью обосновать святость того или иного персонажа в глазах правящей элиты. Так случилось и с житиём основателя братства

бекташийа – Хаджи Бекташа Вели (XIII в.). Об этом святом человеке, пришедшем из Хорасана (Восточный Иран) в страну Рум (Малую Азию) накануне или во время монгольского завоевания, ходило множество преданий среди жителей Каппадокии и окрестных областей (центральная часть нынешней Турции) [Birge, 1937]. Эти предания (сохранившие некоторые черты исторической личности основателя братства) стали записываться, скорее всего, не ранее второй половины XV – начала XVI века [Gölpınarlı, 1958]. В ряде имеющихся рукописей о султане Баязиде II (годы правления 1481–1512) говорится как о здравствующем правителе; следовательно, текст, условно говоря, в «авторской редакции» был закончен в период правления этого падишаха. Одновременно с этим «вилайет-наме» записывались деяния и других святых людей из окружения Хаджи Бекташа (до нас дошли письменные фиксации деяний Сары Салтука, Хаджима Султана и Абдала Мусы). Тогда же о Хаджи Бекташе написал османский историк Ашикпашазаде (ум. ок. 1502), изобразивший его отрешенным от жизни юродивым, не оставившим никаких учеников, кроме женщины по прозвищу Хатун Ана, которой он передал свою мистическую силу, и которая и построила его гробницу [Mélikoff, 1998].

Но до нас дошли лишь более поздние рукописи «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ»: одна из них, содержащая стихотворный вариант этого памятника, предположительно относится ко второй половине XVI века; все остальные (в которых мы видим различные редакции как прозаического, так и стихотворного вариантов) переписаны уже в XVII веке и позднее благочестивыми дервишами из обителей (*текке*) бекташи, желавшими угодить духу своего верховного наставника-пира. Автором стихотворного варианта «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ» многие исследователи считают поэта Ильяса б. Хызра по прозванию Узун-Фирдевси (*осм.-тур*. Фирдевси-и Тавиль, род. ок. 1453), жившего в период правления Баязида II и записавшего также огромный свод преданий о пророке Сулеймане (царе Соломоне) под названием «Сулейман-наме». Прозаический вариант «Вилайет-наме», как полагают, был написан неким Мусой б. Али по прозвищу Суфли Дервиш (о котором пока не обнаружено никаких сведений) [Gölpınarlı, 1958].

«Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ» (прозаический вариант) было переведено впервые на немецкий язык известным востоковедом Э. Гроссом [Gross, 1927]. В Турции предпринималось несколько изданий различных рукописных редакций «Вилайет-наме». Первые издания этого

памятника не основывались на серьезной научной методике [Aytekin, 1955]. Стихотворный вариант «Вилайет-наме» не так давно был опубликован исследовательницей из г. Муш (Турция) С. Кардаш [Kardaş, 2018]. На русский язык текст этого памятника (в стихотворном варианте) переведен автором этих строк, но пока не опубликован в силу ряда причин.

В 2007 году Х. Дуран издала в Анкаре текст «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели» по рукописи из библиотеки Али Эмири-эфенди, датированной 1035 г. хиджры (1625–1626) и переписанной дервишем Сельманом из Бурсы [Velâyetnâme Hacı Bektaş-ı Veli, 2007]. В 2010 году та же исследовательница вместе с Д. Гюмюшоглу осуществила издание манускрипта из Региональной библиотеки рукописей Коньи, который датируется 1034 г. х. (1624–1625) и связан с именем некоего Али Челеби, упоминаемого в колофоне рукописи [Hünkar Hacı Bektaş Veli Velâyetnâmesi, 2010]. Сравнение двух близких по времени создания списков «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ» позволяет сделать ряд наблюдений над особенностями выражения мыслей и идей в суфийских кругах Анатолии XVI–XVII веков. Большинство специфических суфийских терминов и выражений являются общими для обоих списков и отражают сложившиеся реалии суфийской практики и ритуала. Тем важнее для нас установить: в чем, собственно, заключались расхождения между ними и какую роль они могли играть в культурно-религиозной жизни бекташи.

Расхождения между двумя списками и объяснение их происхождения

Совпадения в композиции двух списков жития

Проанализировав оба списка прозаического варианта (со стихотворными вставками) «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ», о которых шла речь выше, мы обнаружили, что оба они начинаются с торжественного предисловия и родословного древа (*насаб-наме*) Хаджи Бекташа Вели, возводящего его происхождение к седьмому имаму шиитов Мусе аль-Казиму (годы имамата 765–799). Эта генеалогия с большой вероятностью должна быть признана легендарной и неисторичной. Само ее появление могло объясняться как внешними, так и внутренними причинами. К внешним относится противостояние Османской империи с Ираном, где в 1501 году к власти пришла шиитская династия

Сефевидов, также провозгласившая свое происхождение от Мусы аль-Казима [Savory, 1987]. Но, на наш взгляд, большее значение имела тенденция внутренняя – руководителям бекташи важно было утвердить безоговорочную святость своего эпонима, поэтому они и прибегли к «фольклорной» форме рассказа в духе персидских сказок или романтических историй (о неожиданной встрече юноши и девушки на берегу реки во время поездки царя на охоту) [Velâyetnâme... 2007; Hünkar Hacı... 2010]. Далее оба списка повествуют о чудесном рождении героя (его мать, царица Зейнаб, увидела во сне, что рожает, и когда открыла глаза, то обнаружила, что младенец уже родился, не причинив ей никакой боли); о его необычайно успешном обучении наукам у суфия Локмана Паранде; о первых чудесах (*карамат*), сотворенных Бекташем в юном возрасте; о получении им прозвища Хункар («Владыка») и признании его достоинств всеми суфийскими наставниками Хорасана и т. д. Тюркский термин эрен («постигший») употребляется в обоих списках гораздо чаще, нежели другие наименования святых. Есть расхождения в использовании арабских и персидских синонимов (Али Челеби больше склонен к арабским словам, а дервиш Сельман чаще употребляет их персидские эквиваленты: например, вместо слова *сайд* («охота) слово *шикар*).

После этого в обоих списках следует значительная по объёму вставка стихотворного текста о походе Хаджи Бекташа против *кафиров* («безбожников») страны Бадахшан (нынешний Памир и северо-восточная часть Афганистана) и обращении их с помощью явленных им чудес в ислам [Velâyetnâme... 2007; Hünkar Hacı... 2010]. Эта часть, судя по всему, переписана из стихотворного варианта «Вилайет-наме», так как она совпадает с той рукописью стихотворного варианта, транслитерация которой была издана главой бекташи (*дедебаба*) Б. Нойаном [Noyan, 1986]. В личной коллекции Б. Нойана (1912–1997), возглавлявшего братство бекташийа с 1960 г., находилась рукопись 1044 г. х. (1635), переписанная в месяце *шаввале* (март-апрель) того года неким Мухарремом б. Али. Следовательно, она младше наших двух прозаических рукописей и не могла послужить для них источником (очевидно, переписчики черпали свой материал в более ранних манускриптах, которые не сохранились).

Дальше в обеих наших рукописях следует рассказ об отправлении Хаджи Бекташа «в страну Рум» среднеазиатским пиром Ходжой Ахмадом Йасави (жившим в XII в. и, следовательно, умершим, скорее

всего, до рождения Бекташа; агиографов подобные хронологические нестыковки не сильно волновали). Ходжа Ахмад говорит, что он назначил Бекташа главой *абдалов* (странствующих дервишей) Рума (Анатолии), так как необходимо наставить их на путь истины; до этого «их путь был тупиковым» (*тарики кытдур*). Сам факт переселения Хаджи Бекташа с восточных границ мира ислама в его западные пределы ни у кого не вызывает сомнения. Некоторые ученые предполагали, что он мигрировал вместе со своим племенем, но фактов, подтверждающих данную точку зрения пока не обнаружено [Mélikoff, 1998]. Не удается установить и то, к какому племени мог принадлежать сам Хаджи Бекташ (если предположить его тюрко-огузское происхождение, а не арабское, как указывается в тексте «Вилайет-наме»). Те противоречия, с которыми сталкивается Хаджи Бекташ, общаясь с суфиями Туркестана (Средней Азии), а затем – с абдалами Анатолии, объясняются, по всей видимости, не столько разницей в этническом происхождении, сколько несходством суфийского учения (в частности, шиитской идентичностью самого Бекташа). Если сам Хаджи Бекташ проповедовал «путь» хорасанских святых-эренов, то его противники в Анатолии, судя по тому, что сказано об их происхождении в тексте «Вилайет-наме», могли быть сторонниками иракской (багдадской) школы суфизма [Velâyetnâme... 2007; Hünkar Hacı... 2010]. Тем не менее Хаджи Бекташ не всегда путешествовал в одиночестве, даже в начале своего пути: мы узнаем, что он шел в святые места вместе с «обществом народа» (бир джемаат кавмла).

Композиционные и сюжетные отличия двух списков «Вилайет-наме» и их значение

Создается впечатление, что переписчик рукописи 1034 г. х. был не совсем в ладах с географией. Так, вместо названия «Курдистан» в рассказе об превращении Хаджи Бекташем напавших на него в пустынном месте львов в камни, у Али Челеби стоит «Курситан» (или «Куристан»). Также деревню (ныне поселок) Учхисар в Каппадокии он именует Уч-асаром, тогда как переписчик рукописи 1035 г. х. дает правильное название.

В рассказе о том, как Хаджи Бекташ подарил дервишу Караджа Ахмеду демона (*див*), чтобы тот служил ему и повиновался, а также стерег его могилу после его смерти, Али Челеби трижды повторяет

слово «див», как бы зачарованный его магией; тогда как второй наш переписчик, дервиш Сельман, приводит это слово всего один раз [Velâyetnâme ... 2007; Hünkar Hacı ... 2010]. Мухаррем б. Али добавляет, что в обители (*аситане*) Караджа Ахмеда благодаря этому диву «излечивают болящих от одержимости джиннами» (*шол ачуклук ким булур джинден реха*) [Noyan, 1986, с. 164]. О практике экзорцизма переписчики двух прозаических рукописей не решились сказать открыто, ограничившись словами о происходящих в том месте «тайне» или «тайнах» (*ремз*, *ремз у румуз*). В тексте больше не встречается упоминаний о том, что Бекташу прислуживали злые силы: переступив пределы Рума, он словно навсегда избавляется от «темных» сторон своей магии (до этого был еще эпизод с драконом (*эждерха*) в Бадахшане, но дракон был приставлен к святому по воле Бога). В случае с приветствиями рыб Хаджи Бекташу [Velâyetnâme ... 2007; Hünkar Hacı ... 2010] оба наших переписчика говорят именно о «рыбах» (*балыклар*) или «рыбках» (*балыджыклар*), и только переписчик стихотворного варианта ведет речь о выползших из воды «всевозможных чудищах» (*хер джинс джанавар*) [Noyan, 1986, с. 151]. Там же, в Курдистане, происходит не совсем ясное происшествие в одном племени с женщиной («одной сестрицей»), которую Хункар «одарил своим взглядом и усыновил родившегося у нее мальчика» [Velâyetnâme ... 2007, с. 166; Hünkar Hacı ... 2010, с. 193]. Нужно ли понимать этот пассаж так, что Бекташ был причастен (мистическим образом) к рождению этого мальчика, и что эта женщина понравилась святому, избравшему для себя путь безбрачия? Стихотворный вариант здесь не помогает прояснить наши сомнения (там сказано про ребенка то же самое, но нет слова «родившийся»).

В описании реки Кызыл-Ирмак, через которую Хаджи Бекташ переправился чудесным образом на своем молитвенном коврике, в рукописи 1035 г. х. сказано, что река была «бурной и мутной» (*ташкын буланык*), а в рукописи 1034 г. х. – что она была «красной и мутной» (*кызыл буланык*) [Velâyetnâme ... 2007; Hünkar Hacı ... 2010]. Это различие признаков реки объясняется, возможно, тем, что переписчик вспомнил из своего прошлого опыта, как выглядела эта река в половодье (но, может быть, он просто автоматически повторил эпитет реки, отраженный в ее названии, которое переводится как «Красная река»). В истории с можжевельником, укрывшим Хаджи Бекташа своими ветвями по его просьбе, Али Челеби обнаруживает склонность к местному говору, называя

это растение *ардуджа* вместо литературного *ардыч* (слово, использованное дервишем Сельманом). В рассказе о встрече Хаджи Бекташа с бессмертным святым и пророком Хызром Али Челеби всюду ставит Хызра на первое место (видимо, полагая, что его достоинство выше), тогда как дервиш Сельман всегда упоминает на первом месте Хункара Хаджи Бекташа, который, следовательно, в его представлении занимает более почитаемое место, чем даже пророк Божий.

«Евангелие тюркского дервиша», как метко окрестил «Вилайетнаме-и Хаджи Бекташ» Э. Гросс, продолжается рассказами о появлении Бекташа в селении Сулуджа-Карагююк, ставшем его новой родиной (*юрт*). Вначале Хункар приземляется в обличье голубя на камень на вершине древнего кургана Карагююк (под которым, возможно, скрыто хеттское поселение), причем лапы голубя погружаются в камень, оставляя на нем следы. Спустя время, Хаджи Бекташ приходит в селение Сулуджа-Карагююк уже в облике человека, хотя и необычного, странного (*гариб*). И здесь Али подчеркивает, что на голове у «Хункарова величия» (*Хункар улулыгы*) была чалма красного цвета (*кызыл заммийет*), а на плечах у него была пестрая арабская накидка (*каррака*). Переписчик даже выделяет красным цветом начальную фразу, сообщающую о том, что Хункар появился в селении. В списке дервиша Сельмана само имя «Хаджи Бекташ Вели» тоже выделено красными чернилами. Здесь сказано, что он был одет в красную чалму и пеструю арабскую накидку, которая названа более привычным словом *аба*. Что же означал красный цвет чалмы для Хаджи Бекташа? Мы знаем, что впоследствии секта кызылбашей сделала красный колпак с двенадцатью клиньями (*хайдари тадж*) отличительным признаком для своих членов. Пророк ислама произнес однажды хадис: «Поистине шайтан любит красный цвет, так остерегайтесь же этого цвета и всякой одежды, вызывающей тщеславие». Возможно, негативное отношение к красному цвету объяснялось тем, что одежду такого цвета носили языческие колдуны и прорицатели. Для Хаджи Бекташа красная чалма, вероятно, была праздничным головным убором, который он счел уместным надеть, вступая в свои мистические права владения Сулуджа-Карагюююком.

Следует отметить, что в самих описаниях чудес Хаджи Бекташа особых различий между двумя списками не наблюдается. После того, как Хаджи Бекташ поселился в доме своей преданной поклонницы Кадынджык Ана и ее мужа Идриса, оба списка придерживаются

примерно одной и той же схемы в изложении чудесных деяний Хункара. Но в ряде случаев различия ощутимы. В обоих списках святой-*вели* укрепляет стену в доме Кадынджык; однако, вслед за этим в списке 1034 г. х. идет сообщение о недоверии, испытываемом к Хункару родным братом Идриса – Сару; затем о доносе Сару правителю Кыршехира Нур ад-Дину и о приезде этого правителя для разбирательства с Хаджи Бекташем; далее об аресте и ссылке Нур ад-Дина по приказанию султана Ала ад-Дина; о том, как Хаджи Бекташ приказал телятам не сосать маток; о том, как Хаджи Бекташ взял в свидетели против Сару пять огромных камней и как эти камни заговорили человеческим голосом; о том, как Хункар показал Сару чудо с яблоками, созревшими посреди зимы на яблоне, и как Сару убедился в безгрешности Хаджи Бекташа; о том, как Хаджи Бекташ осадил тщеславного богослова-*факиха* и наказал его смертельной язвой; о том, как Хаджи Бекташ стал месить камень, словно тесто, разрезал другой камень, будто огурец, превратил зерно в камень у жадных сельчан; о том, как он заставил недоверчивого мужчину, проглотившего камешки, родить двух близнецов; о том, как Хункар повелел испечь из горсти муки множество хлебов; о том, как он сжег свое дервишеское одеяние-*хырку* и развеял пепел, чтобы выросли деревья; о том, как Хаджи Бекташ приказал своей келье построиться за одну ночь; как Хаджи Бекташ помог собрать в поле горох дервишу Акча Ходже, и как он умертвил его сварливую жену; о том, как Хаджи Бекташ пробил кулаком окно в пещере, в которой он обычно предавался затворничеству, и, наконец, о монгольском нашествии.

Между тем в списке 1035 г. х. Хаджи Бекташ сначала пробивает кулаком отверстие в пещере; затем он велит телятам не сосать маток; далее он показывает свое грозное обличье правителю Кыршехира и отправляет его в тюрьму; затем следуют истории о пяти камнях, подтвердивших правоту Хаджи Бекташа, и о созревших зимой яблоках; после этого идут история с факихом, чудеса с камнями и зерном, превращенным в камни; со строительством кельи и с собиранием гороха и женой Акча Ходжи; далее – чудо с умножением хлебов; чудесное доставание Хаджи Бекташем одежды из пустого шкафа и золота из-под молитвенного коврика; чудесное рождение детей у Кадынджык Ана от капель крови из носа Хункара; о сватовстве Хаджи Бекташа (когда его «сын дыхания» Хабиб подрос, он сосватал ему дочь одного богача); об умерщвлении Хаджи Бекташем другого своего «сына дыхания»,

Махмуда, соперничавшего в магической силе со своим «отцом»; о прибытии к Бекташу величественного святого Хызра, длинноволосого (*алеви сачлу*), скачущего верхом на белой лошади и погоняющего зеленой плеткой; о сожжении Хаджи Бекташем своего одеяния и разрастании леса; о встрече Хункара с эренами из «скрытого мира» (*гаиб эренлери*) на вершине горы; о забрасывании Хункаром пастуха-насмешника на некий остров в стране франков и о спасении его оттуда; о приключениях дервиша по имени Гювенч Абдал в Индии и о его любви к индийской красавице; о чудесном спасении Хаджи Бекташем терпящего бедствие корабля в Черном море; о подводном дворце, в котором Хункар пирует вместе с Хызром; об отправке Бекташем своего помощника Сары Исмаила к Руми; об Эмире Джеме и о поездке Бекташа верхом на скале навстречу Сейиду Махмуду Хайрану, выехавшему верхом на льве; о паломничестве Хаджи Бекташа к мавзолею Сейида Гази; об отправке им Сары Салтука на Балканы с проповедью; о встречах Хаджи Бекташа с Юнусом Эмре, с Ахи Эвраном, с Муллой Саад эд-Дином, и лишь затем о монгольском нашествии.

Почему же порядок чудесных деяний Хаджи Бекташа в двух исследуемых списках перепутан, хотя о них рассказывается почти одними и теми же словами? По всей видимости, житие Хаджи Бекташа складывалось из отдельных «микрорассказов», и каждый переписчик черпал эти «микрорассказы» из какого-то протографа, который до нас не дошел. Интересно, что в стихотворном варианте 1044 г. х. из коллекции Б. Нойана порядок чудес, по большей части, совпадает с рукописью 1034 г. х. переписчика Али Челеби.

Лексические и стилевые расхождения между двумя списками

Сравним теперь любые два одинаковых предания, записанные двумя разными переписчиками, с точки зрения языкового разнообразия, различия и сходства в изложении одной и той же темы. Возьмем для примера рассказ о первой встрече Хаджи Бекташа с Муллой Саад эд-Дином [Velâyetnâme ... 2007; Hünkar Hacı ... 2010]. В рукописи 1035 года обычай останавливаться в доме знакомого старосты назван арабским слово *муаззиба*, которого нет в рукописи 1034 г. х. Это слово, судя по всему, относится к высокому стилю. Помощники Муллы в рукописи Али Челеби названы *мутакидлер* («убежденные»), а в рукописи Сельмана – *муаййадлар* («помогающие»): здесь возможна

невнимательность переписчика, так как это схожие по звучанию и по написанию арабизмы. Обед назван, соответственно, словами *софра* и *хван* (оба слова персидские и относятся к среднему стилю). В рукописи 1035 года употребляется слово *тугйан* для «разлива реки»; в рукописи 1034 года это «книжное» слово (переводимое также как «тирания») отсутствует. Некоторые тюркские слова Али Челеби записал неправильно, так, будто бы он воспринимал их на слух, но не видел, как они пишутся. Слово *маслак / муслук* также осталось непонятым, скорее всего обоими переписчиками (место у воды, в котором пребывал Хункар). Титулом Хункара в рукописи 1034 года является «величие» (*улулык*), а в рукописи 1035 года – «сущность» (*варлык*). Хункар Хаджи Бекташ в первой рукописи протягивает свою «руку святости» (*вилайет эли*) «из-под завалинки» (*секинюн алтындан*), а во второй – просто протягивает. Достав сердце Муллы, Бекташ кладет его на завалинку: в первой рукописи – «в подвешенном состоянии» (*муаллак*), во второй – просто кладет на край завалинки. Ученики в первой рукописи начинают растирать Муллу, лишившегося чувств, и брызжут ему в лицо розовой водой; во второй рукописи просто брызжут, без растирания конечностей. Про капли крови, выжатые Хункаром из сердца Муллы, во второй рукописи сказано, что кровь была еще свежей, когда ее обнаружили ученики Муллы. Затем в обоих списках приводится немного иная версия того же рассказа (с поправкой – «некоторые же сказывают»). В продолжении данного рассказа Али Челеби вновь употребляет слово муаллак («висящий»), на сей раз говоря о светильнике (нимбе) над головой Бекташа. Али Челеби слово *йыл* (год), видимо, принял за слово *иль* (народ). Дервиш Сельман добавляет арабское слово *сене* (год), чтобы предотвратить эту путаницу.

Заключение

В ряде случаев расхождения между списками как будто можно объяснить тем, что переписчик воспринимал текст на слух, не видя написания (что вполне возможно, так как сакральные тексты, как правило, заучивали наизусть, и они становились частью устной традиции суфийских общин). Вряд ли сами переписчики рукописей имели право вносить изменения в порядок следования преданий о святом пире. Поэтому мы должны ввести еще фигуру «собирателя легенд о святом», который и отвечал за порядок изложения этих легенд. Возможно, этот

собиратель был лишь подручным еще одного лица – составителя и автора литературной обработки текста «Вилайет-наме». Но, с другой стороны, сам собиратель мог выполнять и функцию составителя и обработчика преданий в литературном стиле. Поэтому говорить об авторстве в отношении подобных текстов можно лишь с большой долей условности.

Житийная литература обращалась не к избранным, а к «простецам», что дает нам возможность через нее услышать «глас народа» Османской Анатолии и изучать пути развития турецкого языка на рубеже Нового времени.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Ocak A. Y.* Bektâşî menakıbnâmelerinde İslâm öncesi inanç motifleri. Istanbul: Enderun, 1983.
2. *Birge J. K.* The Bektashi Order of Dervishes. London: Luzac. 1937.
3. *Gölpınarlı A.* Vilâyet-nâme, Manâkıb-ı Hünkâr Hacı Bektâş-ı Velî. İstanbul: İnkılâb Kitabevi. 1958.
4. *Mélikoff I.* Hadji Bektach: un mythe et ses avatars: genèse et évolution du soufisme populaire en Turquie. Leiden ; Boston ; Köln : Brill. 1998.
5. *Gross E.* Das Vilājetnāme des Haggi Bektasch, Leipzig: Mayer & Müller, 1927.
6. *Aytekin S.* Velâyetnâme-i Hacı Bektaş Velî. 3 Vol. Ankara: Emek Basım, 1955.
7. *Kardaş S.* Ali Nihanî'nin Manzum Hacı Bektaş-ı Veli Velayetnamesi: İnceleme-Metin-Sadeleştirme-Dizin. Ankara: Grafiker, 2018.
8. *Velâyetnâme Hacı Bektaş-ı Veli*. Duran, H. (ed.). Velâyetnâme Hacı Bektaş-ı Veli. Türkiye Diyanet Vakfı, 2007.
9. *Hünkar Hacı Bektaş Veli Velâyetnâmesi*. Duran H., Gümüşoğlu D. (eds.). Hünkar Hacı Bektaş Veli Velâyetnâmesi. Ankara: Gazi Üniversitesi, 2010.
10. *Savory R. M*. Studies on the History of Safawid Iran. London: Variorum Reprints, 1987.
11. *Noyan B.* Hacı Bektâş-ı Velî Velâyetnâmesi, İlk Velâyetnâme. Aydın, with no publisher, 1986.

REFERENCES

1. Ocak, A. Y. (1983). Bektâşî menakıbnâmelerinde İslâm öncesi inanç motifleri. = Preislamic components in the legendes of Bektashis. Istanbul: Enderun. (In Turkish)
2. Birge, J. K. (1937). The Bektashi Order of Dervishes. London: Luzac.

3. Gölpınarlı, A. (1958).Vilâyet-nâme, Manâkıb-ı Hünkâr Hacı Bektâş-ı Velî = The Book of the sainthood and deeds of Hacı Bektaş Velî. İstanbul: İnkılâb Kitabevi. (In Turkish)
4. Mélikoff, I. (1958). Hadji Bektach: un mythe et ses avatars: genèse et évolution du soufisme populaire en Turquie. Leiden, Boston, Köln: Brill.
5. Gross, E. (1927). Das Vilājetnāme des Haggi Bektasch, Leipzig: Mayer & Müller.
6. Aytekin, S. (1955). Velâyetnâme-i Hacı Bektaş Velî. = The Book of the sainthood of Hacı Bektaş Velî. 3 Vol. Ankara: Emek Basım. (In Turkish).
7. Kardaş, S. (2018). Ali Nihanî'nin Manzum Hacı Bektaş-ı Veli Velayetnamesi: İnceleme-Metin-Sadeleştirme-Dizin. = Ali Nihanî's Rhyming Book of the sainthood of Hacı Bektaş Velî: textual study; the original; translation; index. Ankara: Grafiker.
8. Velâyetnâme, Hacı Bektaş-ı Veli. (2007). Duran, H. (ed.). Velâyetnâme Hacı Bektaş-ı Veli. = The Book of the sainthood of Hacı Bektaş Velî. Ankara: Türkiye Diyanet Vakfı. (In Turkish)
9. Hünkar, Hacı Bektaş Veli Velâyetnâmesi. (2010). Duran H., Gümüşoğlu D. (eds.). Hünkar Hacı Bektaş Veli Velâyetnâmesi = The Book of the sainthood of Hacı Bektaş Velî The Powerful. Ankara: Gazi Üniversitesi. 2010. (In Turkish).
10. Savory, R. M. (1987). Studies on the History of Safawid Iran. London: Variorum Reprints.
11. Noyan, B. (1986). Hacı Bektâş-ı Velî Velâyetnâmesi, İlk Velâyetnâme = The first variant of Book of the sainthood of Hacı Bektaş Velî. Aydın, with no publisher. (In Turkish).

Информация об авторе

Аверьянов Ю.А. – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института востоковедения Российской Академии наук

Information about the author

Averianov I. A. – PhD (History), Associate Professor, Researcher-in-chief, Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию 12.07.2021;
одобрена после рецензирования 09.08.2021; принята к публикации 11.08.2021

The article was submitted 12.07.2021; approved after reviewing 09.08.2021;
accepted for publication 11.08.2021

Научная статья

УДК 821.512.161

DOI 10.52070/2542-2197_2021_12_854_178

ОСОБЕННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ЛИТЕРАТУРНОМ ПЕРЕВОДЕ С ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ (на примере турецкого языка)

А. С. Аврутина

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, a.avrutina@spbu.ru

Аннотация. Процесс литературного перевода с восточных языков обладает не только техническими, но и культурологическим особенностями, который делает его разительно отличным от процесса перевода с европейских языков. Казалось бы, факт межкультурной коммуникации отсутствует при переводах произведений художественной литературы. Тем не менее процесс передачи культурных реалий, их трансформации для читателя и является разновидностью межкультурной коммуникации, и литературные произведения этот процесс также затрагивает. В настоящей статье этот процесс демонстрируется на примере переводов произведений турецкой литературы.

Ключевые слова: литературный перевод, художественная литература, турецкая литература, турецкий язык, межкультурная коммуникация

Для цитирования: Аврутина А. С. Особенности межкультурной коммуникации в литературном переводе с восточных языков (на примере турецкого языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 12 (854). С. 178–188. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_12_854_178

Original article

PECULIARITIES OF INTERCULTURAL COMMUNICATION IN LITERARY TRANSLATION FROM ORIENTAL LANGUAGES (on the example of the Turkish language)

A. S. Avrutina

St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, a.avrutina@spbu.ru

Abstract. The process of literary translation from Eastern languages has not only technical, but also culturological features, which makes it strikingly different from the process of translation from European languages. It seems that the fact

CC BY

of intercultural communication is absent when translating fiction. Nevertheless, the process of transferring cultural realities, their transformation for the reader, is a kind of intercultural communication, and this process also affects literary works. This article demonstrates this process using the example of translations of works of Turkish literature.

Key words: literary translation, fiction, Turkish literature, the Turkish language, intercultural communication

For citation: Asanova, A. A. (2021). Peculiarities of intercultural communication in literary translation from oriental languages (on the example of the Turkish language). Vestnik of Moscow State University. Humanities, 12 (854), 178–188.
DOI: 10.52070/2542-2197_2021_12_854_178

Введение

В очерке «Блеск и нищета перевода» Ортега-и-Гассет утверждает, что неверно, будто любой язык может выразить всё, что угодно [Ортега-и-Гассет, 1991]. Процесс перевода с восточных языков обладает некоторыми особенностями, не только техническими, но и культурологическим, который делает его разительно отличным от процесса перевода с европейских языков. Задача переводчика-востоковеда порой заключается не просто в превосходном владении иностранным языком как у его коллеги, специалиста по «западным» языкам. Эта задача часто заключается в необходимости оказать настоящую помощь в переговорах обоих коммуникантов, иными словами, помочь найти общий язык обеим сторонам, которых могут разделять серьезные культурные различия – воспитательные, образовательные, религиозные, мировоззренческие.

Нередко представители восточной культуры, обсуждая проблему либо явление, не имеют возможности назвать его, потому что такого явления либо нет в культуре и, соответственно, нет лексемы, его представляющей, либо о явлении не могут и не умеют сказать прямо, так как подобная тематика не приветствуется либо вовсе отсутствует в культуре. Таким образом устный последовательный перевод представляет собой не только интерлингвистический перевод (перевод в собственном смысле слова, из одной языковой системы в другую), но и процесс перевода одной культуры в другую [Эко, 2006]. С точки зрения теории межкультурной коммуникации при переводе сопоставляются не только два языка, но и две культуры в широком понимании этого слова, а ситуативный контекст коммуникации воспринимается как часть иной культуры [Белик, 2013].

Казалось бы, факт межкультурной коммуникации отсутствует при переводах произведений художественной литературы. Тем не менее процесс передачи культурных реалий, их трансформации для читателя и является разновидностью межкультурной коммуникации, в которую вступает сначала переводчик, а затем читатель. Автор, создавая текст на своем языке, бессознательно ориентируется на свою систему культурных ценностей, а читатель, воспринимая этот текст, опирается на собственную культуру.

Что такое художественный перевод?

Взгляды на перевод художественных произведений у филологов и литературоведов противоречивы. Одна из точек зрения такова: переводчик должен в точности передавать стиль автора, его культуру и мышление, часто жертвуя родным языком. Согласно другой точке зрения, при переводе художественной литературы наиболее важно передать смысл, максимально адаптируя текст для простоты его восприятия читателем. Специалисты сходятся только в одном – в результате перевода художественного текста и сам перевод должен получиться художественным.

Перевод художественных текстов всегда таит в себе парадокс – при его мнимой легкости (ведь нет ни терминов, ни узкоспециализированной тематики) создать действительно качественный литературный перевод довольно сложно. Специфика его заключается в принципиально иной по отношению к другим видам перевода позиции: работа над научным, официально-деловым или публицистическим переводом относится к сфере научного познания (этим занимается лингвистика, переводоведение и прочие науки). В художественной литературе язык выполняет не только коммуникативно-информативную функцию, но и несет особый эстетический посыл; таким образом, в случае удачного перевода и литературное произведение сохраняет этот посыл, а также выполняет образовательную функцию – несет информацию о новой для читателя культуре. Следовательно, перевод художественной литературы осуществляется в рамках творческого познания мира, т. е. относится к искусству.

Качественный художественный перевод предполагает не только использование знаний родного и иностранного языков, но и учет системы культурных ценностей, отраженных в переводимом тексте.

Следовательно, и литературный перевод – это акт не только лингвистический, но и культурный, иными словами, акт коммуникации на границе культур [Белик, 2013].

Благодаря заложенной А. С. Пушкиным традиции русские литературные переводчики стремились передать «дух, а не букву оригинала», что создавало ощущение соавторства. Тенденция к соавторству создателя оригинала и переводчика сохранилась и в современной практике. Лишь обладая литературным талантом, переводчик способен стать «соперником» или «частью» автора. Особенно явно соперничество проявляется в поэтическом переводе, где кроме языковых соответствий необходимо соблюсти и метрические особенности. Нередко говорят, что переводчик в прозе – раб, в поэзии – соперник.

Многие убеждены, что для того, чтобы стать литературным переводчиком нужно, прежде всего, превосходное знание иностранного языка. Отчасти это верно. Однако в первую очередь требуется прекрасное знание родного языка, языка на который переводится книга. Нужно сохранить авторскую идею, различные нюансы стиля и языка автора на языке перевода, но при этом привнести в текст собственную творческую индивидуальность. Иными словами, чтобы успешно переводить книги, требуется умение их писать. Создавая новую версию книги, переводчик становится писателем. Поэтому вкупе с прекрасным знанием родного языка, необходимо уметь пользоваться силой воображения.

Специфика перевода произведений Орхана Памука

Орхан Памук часто сравнивает процесс чтения либо написания книги с просмотром воображаемого фильма – об этом он часто говорит в своих интервью, объясняю, почему до сих пор запрещает экранизацию собственных книг; об это же он пишет в сборнике эссе «Другие цвета», который можно по праву назвать своего рода «учебником для писателей». Это в полной мере относится и к работе переводчика: за работой всегда необходимо смотреть воображаемый фильм. Сила воображения не только помогает понять авторский замысел, мысленно побывать там, где был автор, пройти его дорогой, но и способна спасти переводчика от авторских логических ошибок, которые читатель обязательно припишет переводчику. В качестве примера такой ошибки можно привести сцену из романа «Мадонна в меховом манто» турецкого писателя Сабахаттина Али.

Главный герой (турок Раиф) провожает героиню (Марию) до дома, они договариваются встретиться на следующий день и прощаются. Мария достает ключи и подходит к входной двери, а Раиф поворачивается, чтобы уйти. В этот момент Мария решает его окликнуть: она вспомнила, что они не договорились о месте и времени встречи. Раиф возвращается. Далее следует фраза: «Я смотрел на нее снизу вверх, и в темноте мне было плохо видно ее лицо» [Ali, 2001, с. 81]. Что случилось с героем? Он упал? Присел? Оказывается, героиня стоит на верхней ступеньке крыльца. Поскольку нигде ранее эти ступеньки не упоминались, в переводе их появление воспринимается странно. Но если переводчик «увидит» эту сцену, как сцену из кинофильма, во всех деталях, он «нарисует» ступенчатое крыльцо в самом начале – ведь невозможно, подойдя к дому, не заметить такую крупную архитектурную деталь. Не следует бояться некоторых отступлений от буквального перевода оригинала.

Многие переводчики испытывают пиетет перед произведениями именитых писателей. Беспричинный страх в этих случаях обещает испортить все дело. Ведь не только доскональный перевод, подстрочник, губит произведение в переводе, но и ошибки, которые невольно допущены автором в оригинале и попадают в перевод, в некоторых случаях портят его, так как читатель волей-неволей приписывает их переводчику. Орхан Памук в «Доме тишины» пишет о доме для карликов, который построила супруга султана Мехмеда III (1595–1603), она же мать Ахмеда I. Памук в тексте указывает султана Мехмеда II (1444–1446) [Pamuk, 2006]. В «Музее невинности» автор ошибочно называет картину Караваджо из галереи Уффици «Жертвоприношение Исаака» «Жертвоприношением Измаила» [Pamuk, 2008, с. 554], траурный марш Шопена – траурным маршем Моцарта (у Моцарта нет траурных маршей!) [Pamuk, 2008, с. 94] и т. д. Самая забавная ошибка в «Музее Невинности» связана с адресом самого музея: в записке Фюсун номер дома значится как 24 по улице Далгыч Чыкмаз, тогда как на самом деле номер дома – 2 [Pamuk, 2008], ведь сама улица фактически – тупик на три дома. Все эти недочеты, безусловно, не влияют на высокий уровень произведений, но есть вероятность, что читатель обязательно припишет их либо плохому переводчику, либо плохому редактору – ведь переводную «высокую» литературу в любой стране мира читают, в основном, люди образованные.

Специалисту-востоковеду нужен не только определенный творческий потенциал, но и широкий кругозор, а также качественное гуманитарное образование. Перевод текстов о Востоке, о Ближнем или о Дальнем невозможен без знания культурных особенностей региона. Многие переводчики старой советской школы, чьи тексты в России по праву считаются примерами переводов высочайшего уровня, нередко допускали в своих работах культурологические ошибки, вызванные невозможностью узнать о том или ином культурном объекте или процессе (в силу неодолимых политических причин – ведь до конца 1980-х гг. СССР был закрытой страной, ни у кого не было друзей-иностранцев). К примеру, в каком-нибудь старом, отличном переводе с турецкого, созданном на прекрасном русском языке, возможно прочитать о лицее имени имама Хатиба, хотя в наши дни любому тюркологу известно о том, что в Турции существуют специальные духовные училища, где готовят будущих имамов – глав мусульманской общины, которые будут иметь право читать пятничную проповедь, хутбу.

Россию и Турцию объединяет срединное положение обеих стран между Востоком и Западом. Турция – не Восток в «чистом» виде, но все же считается восточной страной, хотя в Турции много европейского. Россия, также пребывающая между Востоком и Западом, никогда не была восточной страной, но и никогда не была и европейской страной. Так же, как и в Турции, европейские обычаи и традиции в России казались чуждыми (вспомним, как Петр Великий заставлял людей под страхом смертной казни курить, носить европейское платье и читать книги), а в национальном русском менталитете всегда было больше восточных черт, нежели европейских. В наши дни обе страны рассматривают в контексте развития евразийской цивилизации.

Именно евразийское родство обеспечивает родство менталитетов русских и турок. Возможно, именно этим родством стоит объяснять высокую популярность Турции в России. И туркам, и русским свойственно то, о чем написал А. С. Пушкин в стихотворении «Зимняя дорога»: «…то разгулье удалое, то сердечная тоска».

Некоторым следствием ментального родства наших народов можно считать и то, что русский и турецкий языки содержат очень много общего в области разговорной лексики и фразеологии, – в тех сферах языка, которые выражают самоощущение народа (Примеры: *her işte bir hayır vardır – нет худа без добра*, *sabah ola*, *hayır ola*, *gün doğmadan*

neler doğar, *утро вечера мудренее*, *с глаз долой – из сердца вон – gözden ırak olan gönülden de ırak olur*, *iyi iş altı ayda biter – хорошо быстро не бывает*, *tatlı tatlı söyler acı acı sokar – мягко стелет, да жестко спать*; *отложить дело в долгий ящик – bir işi hasır altı etmek*).

Другим примером духовной близости русской и турецкой культур может служить понятие «русская тоска», существующее в русской культуре. О русской тоске писал Пушкин: «Подобно аглицкому сплину, а проще русская тоска» (*Чаадаев*). О русской тоске писал Чехов, хотя тоска в его произведениях связана с упадком общества, будущей неизвестностью, личностным разложением героев, это тоска от гнетущей действительности, тоска по высшему смыслу жизни. И мне кажется, что это понятие несколько перекликается с памуковским понятием «hüzün».

Всё это позволяет предполагать, что некоторые исторические, а точнее, социальные либо культурные ситуации в России кажутся зеркальным отражением (трудно сказать, насколько искаженным) ситуаций в Турции. Или наоборот.

Простой пример: насильственная европеизация России Петром Великим зеркально отражается в XX в., когда Мустафа Кемаль Ататюрк насильственно европеизирует Турцию. В романе Орхана Памука «Новая жизнь» – образ «Кока-колы», как всего западного, чуждого, и турецкая минеральная вода, которую пьет герой – «Будак» – символ чистоты и даже вечной жизни. В России нередко по телевизору показывают рекламный ролик кваса со слоганом «Нет колонизации, квас – здоровье нации».

Таким образом, перевод – это комплексная и многогранная деятельность, в процессе которой происходит не просто замена одного языка другим, но и взаимодействие языковых личностей с их социальными и психологическими характеристиками, взаимодействие национальных менталитетов, взаимодействие культур [Белик, 2013].

Желательно, чтобы переводчик хорошо владел информацией о биографии автора и о важных событиях в его жизни, потому что создание оригинального произведения – художественного перевода – предполагает близкое знакомство с автором, так как переводчик должен научиться чувствовать писателя, мыслить, как он. В этой связи хотелось бы упомянуть роман замечательного, ныне, увы, покойного, турецкого автора Бильге Карасу «Сад умерших котов». Книга

состоит из 12 притч-сказок, которые написаны по «часовому» принципу. По мере того, как приближается вечер, сказки «темнеют», мрачнеют, а когда стрелки часов двигаются к рассвету, солнце начинает светить и в сказках. Во многих сказках странным образом обыгрывалась тема рака: и как болезни, и как земноводного; более того, автор странным образом играл словами, употребляемыми в просторечии, в деревнях. Эти слова обозначали раковую опухоль, но дословно переводились «не делай мне больно», «не трогай меня», «не беспокой меня» [Karasu 2006, с. 73–74, 130–155]. На момент работы с книгой об авторе было известно немного – скупые факты биографии сообщали что он был преподавателем философии Анкарского университета, и умер в 1995 году от тяжелой болезни. Над книгой, перевод которой был в работе у автора статьи, писатель закончил работать задолго до смерти и после нее успел написать несколько романов. Создавалось впечатление, что, Карасу, возможно, в конце концов, и сам заболел раком и умер от него, раз мысли об этой болезни никак не покидали его и даже, как видно из романа, вызывали некий душевный разлад. Спустя некоторое время автору статьи довелось познакомиться с бывшим студентом Карасу, который изучал у писателя философию в Анкаре и близко знал его, и этот студент подтвердил, что действительно несколько близких друзей автора, а, в конце концов, и он сам умер именно от этой болезни. Так что его книга, написанная за несколько лет до смерти, поведала об этом. Умберто Эко в своей монографии пишет о том, что многие его переводчицы «были готовы вжиться в текст», отождествляли себя с ним [Эко, 2006, с. 5–8]. Это состояние – полное погружение, проникновение в текст помогает добиться полной точности при переводе. Несложно проверить себя: можно начать переводить предложение и завершить его или даже целый абзац, не глядя в оригинал, а при сравнении окажется, что оригинал и перевод полностью совпадают.

Заключение

В специальной литературе существует определение перевода, которое гласит: перевод – это разновидность языкового посредничества, при котором на переводимом языке создается текст, коммуникативно равноценный оригиналу [Комиссаров, 1990]. Тем не менее освоение и восприятие одного и того же произведения в разных культурах

имеет свою специфику, свои отличия, свою историю, особенно это важно, когда речь идет о культуре восточной. Помимо этого, существуют разные причины относительной эквивалентности художественного перевода, и эти причины вызваны индивидуальным своеобразием восприятия оригинала, различием социокультурной среды. Перед переводчиком стоит непростая задача: нивелировать собственную индивидуальность, собственное художественное восприятие, максимально унифицировав отбор языковых средств.

Н. А. Коляда указывает на особое значение литературного перевода в свете межкультурной коммуникации, которое проявляется в следующем:

– перевод оказывает серьезное влияние на становление инновационных методов и приемов в литературе. Определенные заимствования вносят свежую струю в культурное развитие, а также дают очевидный толчок прогрессивному развитию на перспективу;

– одной из характеристик художественного перевода и деятельности литературного переводчика выступает временно́е измерение. Это проявляется в том, что они являются связующим звеном между современной культурой и культурой ушедших времен. Действительно, любое художественное произведение всецело принадлежит своей эпохе. Однако оно также живет в веках как в среде того языка, на котором оно создано, так и в переводном языке [Коляда, 2013].

Временной и культурный контекст требует особенного внимания при переводе восточного романа. Следует особым образом обращать внимание на тот факт, что между текстом на турецком языке и его переводом на русский язык существует определенная разница в том смысле, что осмысление этого текста происходит сквозь призму бэкграунда автора-переводчика, и осмысление это наполнено определенным социальным значением. Автор статьи на собственном примере может сказать, что в процессе работы над переводами книг Нобелевского лауреата Орхана Памука приходится преодолевать такие исторические, религиозные и поколенческие различия: молодая – женщина-христианка vs. немолодой мужчина-мусульманин. Обусловленные индивидуальностью переводчика особенности индивидуального проявления никаким образом не должны относиться к авторскому стилю оригинала. Их главный парадокс состоит в том, что они нежелательны, но в подавляющем большинстве случаев неизбежны. Следует

также учитывать, что в основе любого художественного текста лежит мироощущение его автора, которое требует максимально точной передачи при переводе. Резюмируя, можно сказать, что литературный перевод – процесс не столько технический (научить можно синхронному переводу, деловому переводу), сколько процесс, который требует художественной интуиции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Ортега-и-Гассет Х.* Дегуманизация искусства и другие работы // Эссе о литературе и искусстве: сборник. 1991. С. 518–542.
2. *Эко У.* Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. СПб. : Симпозиум, 2006.
3. *Белик Е. В.* Перевод как разновидность межкультурной коммуникации // Преподаватель XXI век. М. : Московский педагогический государственный университет., 2013. С. 289–294.
4. *Ali S.* 'Kürk Mantolu Madonna', İstanbul, Yapı Kredi Yayınları. 2001.
5. *Pamuk O.* 'Sessiz Ev', İstanbul, İletişim Yayınları. 2006.
6. *Pamuk O.* 'Masumiyet Müzesi', İstanbul, İletişim Yayınları. 2008.
7. *Karasu B.* 'Göçmüş Kediler Bahçesi', İstanbul, Metis Yayınları. 2006.
8. *Комиссаров В. Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник для институтов и факультетов иностранных языков. М.: Высшая школа, 1990.
9. *Коляда Н. А.* Место перевода в межкультурной коммуникации: сборник научных трудов «Лингвистика. Лингвокультурология». Днепропетровск : Бша К. О., 2013. С. 132–141.

REFERENCES

1. Ortega y Gasset, J. (1991). Degumanizatsia isskustva I drugie raboty. Esse o literature i iskusstve = Degumanization of Art and other works. Essays on art and literature (pp. 518–542). Moscow: Raduga. (In Russ.)
2. Eko, U. (2006). Skazat Pochti To Zhe Samoe = Say Almost the Same. St. Petersburg: Symposium. (In Russ.)
3. Belik, E. V. (2013). Perevod kak raznovidnost mezhkulturnoy kommunikatsii = Translation as a type of intercultural communication. Prepodavatel XXI v. (pp. 289–294). Moscow: State Pedagogical University. (In Russ.)
4. Ali, S. (2001). 'Kürk Mantolu Madonna', İstanbul, Yapı Kredi Yayınları.
5. Pamuk, O. (2006). 'Sessiz Ev', İstanbul, İletişim Yayınları.
6. Pamuk, O. (2008). 'Masumiyet Müzesi', İstanbul, İletişim Yayınları.
7. Karasu, B. (2006). 'Göçmüş Kediler Bahçesi', İstanbul, Metis Yayınları.

8. Komissarov, V. N. (1990). Teoriya perevoda = Translation Theory. Moscow: Vyschaya Shkola. (In Russ.)
9. Kolyada, N. A. (2013). Mesto perevoda v mezhkulturny interpretacii = Place of translation in the intercultural communication. Sbornik nauchniy trudov "Linguistica. Linguaculturologia" (pp. 132–141). Dnepropetrovsk: BSA K. O. (In Russ.)

Информация об авторе

Аврутина А. С. – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и методики преподавания языков и культур Азии и Африки Санкт-Петербургского государственного университета

Information about the author

Avrutina A. S. – Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and Methods of Teaching Languages and Cultures of Asia and Africa, St. Petersburg State University

Статья поступила в редакцию 12.07.2021;
одобрена после рецензирования 09.08.2021; принята к публикации 11.08.2021

The article was submitted 12.07.2021; approved after reviewing 09.08.2021;
accepted for publication 11.08.2021

Научная статья

УДК 327

DOI 10.52070/2542-2197_2021_12_854_189

ОБ ОСНОВНЫХ ИНСТРУМЕНТАХ ЦИВИЛИЗАЦИОННО-КУЛЬТУРНОГО ВЛИЯНИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ» КИТАЯ В ОТНОШЕНИИ СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

А. И. Емельянов[1], М. Е. Навдаева[2]

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия,
[1]anton.politolog@ya.ru
[2]navdayka6848@list.ru

Аннотация. В статье рассматривается современное состояние отношений Китая и стран Латинской Америки, в том числе значение «мягкой силы» Китая во внешней политике в отношении латиноамериканских государств. Исследуются основные источники и инструменты китайской «мягкой силы» в различных сферах, например, в экономической, культурно-образовательной, что также включает в себя деятельность Институтов Конфуция. Рассматривается вопрос, насколько способствует «мягкая сила» КНР распространению цивилизационно-культурного влияния среди стран в западном полушарии.

Ключевые слова: «мягкая сила», экономическая помощь, культура, Институты Конфуция, китайская культура

Для цитирования: Емельянов А. И., Навдаева М. Е. Об основных инструментах цивилизационно-культурного влияния «мягкой силы» Китая в отношении стран Латинской Америки // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 12 (854). С. 189–202.
DOI: 10.52070/2542-2197_2021_12_854_189

Original article

BASIC INSTRUMENTS OF CIVILIZATIONAL AND CULTURAL INFLUENCE OF CHINA'S SOFT POWER ON LATIN AMERICAN COUNTRIES

A. I. Emelianov[1], M. E. Navdaeva[2]

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia,
[1]anton.politolog@ya.ru
[2]navdayka6848@list.ru

CC BY

Abstract. The article examines the current state of relations between China and Latin American countries, including the place of China's "soft power" in foreign policy towards Latin American states. The main sources and tools of Chinese "soft power" are studied in various spheres, including economic, cultural and educational, which also includes the activities of Confucius Institutes. The question is raised as to how much the "soft power" of the PRC contributes to the spread of civilizational and cultural influence among countries in the western hemisphere.

Key words: soft power, economic aid, culture, Confucius Institutes, Chinese culture

For citation: Emelianov, A. I., Navdaeva, M. E. (2021). Basic instruments of civilizational and cultural influence of China's soft power on Latin American countries. Vestnik of Moscow State University. Humanities, 12 (854), 189–202.
DOI: 10.52070/2542-2197_2021_12_854_189

Введение

С момента образования Китайской Народной Республики в 1949 году и в течение последующего полувека, ввиду региональной политико-экономической конъюнктуры, страна уделяла лишь ограниченное внимание странам Латинской Америки, которые традиционно, после обретения независимости, находились под экономическим и политическим влиянием США. Однако усиление Китая в начале XXI века в экономической и военно-политической сферах привело к изменению внешнеполитического курса, так правительство КНР стало всё больше внимания обращать на развивающиеся страны, в том числе и на государства Латинской Америки. Сегодня китайская сторона усиливает полноценные политические, торгово-экономические и культурные связи со странами южноамериканского и центральноамериканского регионов. В то же время всё более ощутимое и яркое присутствие Китая в регионе вызывает определенную тревогу как у самих стран, так и у их северного соседа США. Учитывая напряженность в двусторонних отношениях, сохраняющееся доминирование американского капитала в мировой экономике, Китай в своей внешней политике при выстраивании сотрудничества с указанным регионом всё чаще использует «мягкую силу» – инструмент, позволяющий создать положительный имидж Китая у латиноамериканских партнеров и завоевать доверие рядовых латиноамериканцев.

Вопросы, связанные с изучением отношений Китая и стран Латинской Америки, широко рассматривались такими российскими исследователями, как В. С. Зверева, Е. И. Сафронова, Е. В. Простакишина

[Зверева, 2019; Сафронова, 2018; Простакишина, 2014]. Вопросами феномена «мягкой силы» занимались Дж. Най, в том числе «мягкой силы» Китая – М. И. Гарбарт, Э. О. Леонтьева [Nye, 2017; Гарбарт, 2019; Леонтьева, 2016]. Наличие исследований в данной области позволяет сделать заключение о целесообразности и важности изучения данного вопроса.

Несмотря на относительную разработанность таких вопросов, как отношения между Китаем и странами Латинской Америки, использование Китаем «мягкой силы» в отношениях со странами Латинской Америки, остается малоизученным вопрос о том, может ли Китай оказывать цивилизационно-культурное влияние на данный регион и его страны посредством использования «мягкой силы». Кроме того, становится актуальным вопрос о том, насколько долговременным может оказаться эффект от данного воздействия?

Сущность концепции «мягкая сила»

Прежде всего, стоит отметить, что концепция «мягкой силы», разработанная американским исследователем Джозефом Наем и впервые представленная в 1990 году в его книге «Пределы лидерства: изменение природы американской мощи» (*англ*. «Bound to Lead: The Changing Nature of American Power»), представляет собой способность влиять на других с помощью привлекательности идей и убеждений, а не грубой силы и принуждения, на что опирается «жесткая сила» [Nye, 2017]. Идея «мягкой силы» быстро заняла свою нишу в сфере международных отношений и стала пониматься как способность одной страны влиять на других преимущественно посредством культурных ценностей, а не военного принуждения, с целью получения желаемого результата. При правильной реализации «мягкая сила» позволяет государству создать и поддерживать благоприятный имидж и международное окружение, позволяющее реализовывать собственные цели и задачи без применения силовых сценариев.

В настоящее время основными ресурсами «мягкой силы» также остаются культура, ценности, международные институты, национальный образ жизни; а инструментами выступают коммуникация, информационные технологии, дипломатические представительства, культурные и образовательные центры, а также неправительственные организации. «Мягкая сила» может реализовываться через такие

институты, как публичная и государственная дипломатия, гуманитарная помощь и программы помощи развития другим странам.

Особенности «мягкой силы» Китайской Народной Республики

Особую роль «мягкая сила» как инструмент продвижения своих интересов играет во внешней политике Китая. После начала политики реформ и открытости в 1978 году экономическая значимость страны на мировой арене возросла. Вместе с тем стала возрастать и политическая роль Китая в международных отношениях. Данная тенденция, однако, усилила противостояние Китая как представителя Востока с Западным миром, который с подозрением и недоверием относится к возвышению такой крупной недемократической, на их взгляд, страны, как Китай и опасается его становления в качестве нового мирового «гегемона». В данных условиях Китай начал активно использовать различные инструменты «мягкой силы» для привлечения новых партнеров и установления прочных связей, а также для убеждения других государств в том, что действия КНР носят мирный, негегемонистический, характер.

По мнению авторов, к основным ресурсам «мягкой силы», используемым Китаем, можно отнести следующие:

1. *Экономические*: экономическая модель и экономическая помощь другим странам. В связи с достаточно высокими темпами роста экономики Китая, наблюдавшимися в течение последних сорока лет, а также улучшением социально-экономических показателей Правительство КНР сделало вывод, что китайская модель экономического развития является успешной и может быть взята за основу и использоваться другими странами. Так, например: в 1982 году прирост ВВП Китая составлял 9 %, в 1983 – 10,77 %, в 1984 –15,2 %, в 1987 – 11,66 %, в 1992 – 14,2 %; с 1978 по 2020 гг. ВВП вырос с 149,541 млрд долл. США до 14,72 трлн долл. США.

ВВП на душу населения увеличился с 156,4 долл. США в 1978 году до 10 500,4 долл. США в 2020[1]. Китай даже создал собственный «Пекинский консенсус» в противовес «Вашингтонскому консенсусу», который, в свою очередь, серьезно дискредитировал себя. Для многих стран Азии, Латинской Америки, Африки модель развития

[1]The World Bank Data. URL: https://data.worldbank.org/country/china (дата обращения: 20.08.2021).

Китая является более предпочтительной, чем западная, поскольку не несет в себе насильное насаждение либерально-демократических ценностей. Что касается экономической помощи, она подразумевает предоставление материальной, технической, финансовой поддержки развивающимся странам. Стоит отметить, что в отличие от западной помощи, финансирование Китая не имеет политической обусловленности: Китай не требует от стран-реципиентов приверженности китайским идеалам и китайскому видению и пониманию мира.

2. *Культурно-цивилизационные*: привлекательность ценностей и духовной и материальной культуры традиционного и современного Китая. Сюда можно отнести философско-религиозные течения, распространенные в Китае – конфуцианство, даосизм, буддизм; национальную кухню, традиционные боевые искусства, а главное – китайский язык. Главными инструментами здесь являются туризм, «пандовая дипломатия», научно-образовательное сотрудничество, распространение китайского языка и культуры, проведение различных мероприятий (например, Олимпийских игр в Пекине в 2008 году), выставок, «взаимных годов» культуры, языка. Также важную роль играют средства массовой информации, транслируемые за рубежом (например, новостное агентство «Синьхуа» на русском языке, «China Daily» на английском и т. д.).

3. *Внешнеполитические принципы*. Китай проводит сбалансированную внешнюю политику и придерживается идеи недопущения усугубления международной обстановки и идеи укрепления мировой экономической и политической стабильности. Привлекательной для других государств также является такая китайская внешнеполитическая концепция, как «пять принципов мирного сосуществования», включающая взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета, политику ненападения, невмешательство во внутренние дела государств, идею равенства и взаимной выгоды, мирное сосуществование. Невмешательство в дела других стран имеет особое значение для укрепления «мягкой силы» Китая: эта приверженность привела к значительному росту авторитета Китая среди развивающихся стран.

Одним из основных инструментов реализации «мягкой силы» Китайской Народной Республики можно считать Институты Конфуция (孔子学院) и Классы Конфуция (孔子课堂). Институты Конфуция представляют собой сеть государственных культурно-образовательных лингвистических центров, образовательную платформу,

посредством которой осуществляется обучение китайскому языку и знакомство с китайской культурой граждан в других странах. Первый Институт Конфуция открылся в 2004 году в Сеуле, а к 2016 году их количество достигло 500 [Леонтьева, 2016]. К 2019 году количество этих центров составляло 550 в 162 странах мира[1]. Главная цель Институтов Конфуция – усиление роли Китая в мировом пространстве посредством развития культурно-образовательных связей за рубежом, а также создания потенциальной базы зарубежных студентов для китайских вузов.

«Мягкая сила» Китая в Латинской Америке

Одной из важнейших «точек приложения» китайской «мягкой силы» является латиноамериканский регион, которым КНР начала активно интересоваться в начале 2000-х годов. Основными причинами этого интереса стали: поиск путей диверсификации поставок сырья; идеологический вакуум в регионе, образовавшийся после распада СССР; сосредоточенность вектора интереса США на Европе в 1990-е и Ближнем Востоке в 2000-е годы.

Важность Латинской Америки для Китая демонстрируется как на высоком уровне (встречи официальных лиц государств, взаимные визиты, участие в саммитах), так и торгово-экономической статистикой. Так, например, в 2004 году на саммите АТЭС в Чили лидер Китая Ху Цзиньтао заявил о том, что Китай собирается вложить 100 млрд долл. США в Латинскую Америку [Зверева, 2019]. В 2008 году Китай разработал стратегический документ «Политика Китая в Латинской Америке и Карибском бассейне», где отражены основные приоритеты страны в Латинской Америке, а также принципы налаживания сотрудничества в различных сферах [Простакишина, 2014]. Более того, в 2015 году Китай и Сообщество латиноамериканских и карибских государств провели саммит, в ходе которого Китай заявил о намерении инвестировать еще 250 млрд долл. США в страны Латинской Америки.

Активно развивается торгово-экономическое сотрудничество Китая с регионом. Так, если к 2012 году Китай стал третьим торгово-экономическим партнером стран региона после Европейского союза и США, то сегодня Китай уже обогнал США и стал главным торговым

[1]URL: https://ria.ru/20191210/1562217842.html (дата обращения: 13.08.2021).

партнером региона [Зверева, 2019; Krumholtz, 2021]. Объёмы торговли Китая с регионом увеличились с 12 млрд долл. США в 2000 году до 244 млрд долл. в 2017 году (для сравнения, китайскоафриканская торговля в 2017 году составляла 170 млрд долл. США) [Сафронова, 2018].

В связи с тем, что Латинская Америка для Китая интересна, прежде всего, как источник природных ресурсов и потенциальный рынок для экспорта китайских товаров. КНР активно инвестирует в нефтяные отрасли стран региона: так, в 2013 году китайские инвестиции в данную отрасль составили 13 % от всего объёма прямых иностранных инвестиций в регион; в 2013 году Китайская национальная нефтегазовая корпорация (*англ*. «China National Petroleum Corporation») стала обладателем перуанских активов нефтегазовой компании Бразилии «Petrobras».

Активное использование Китаем «мягкой силы» в построении отношений со странами Латинской Америки обусловливается несколькими факторами. Во-первых, Латинская Америка – это регион, долгое время находившийся под влиянием Соединенных Штатов, которые до сих пор могут использовать различные рычаги воздействия посредством таких институтов, как Организация американских государств, Межамериканский банк развития, а также путем экономической и военной помощи странам. Во-вторых, КНР и Латинская Америка представляют собой различные цивилизации с собственными культурными традициями и особенностями, а странам, принадлежащим к различным цивилизациям, всегда сложнее выстраивать сотрудничество, чем странам со схожими культурами.

В-третьих, в регионе до сих пор существует ряд стран, не имеющих дипломатических отношений с Китайской Народной Республикой, но признающих Республику Китай (Тайвань).

Еще одним из инструментов «мягкой силы», применяемых Китаем в регионе, является предоставление экономической помощи. С 2004 по 2014 год общая сумма займов китайских банков латиноамериканским и карибским странам составила 118,5 млрд долл. США, а с 2015 по 2019 год – 43,5 млрд долл. США [Krumholtz, 2021]. Основная часть средств была предоставлена Китайским банком развития (China Development Bank) и Экспортно-импортным банком Китая (Export-Import Bank of China) и была направлена в инфраструктурные, энергетические и горнопромышленные проекты [там же]. Кроме банков

финансирование также осуществляется через несколько региональных фондов: Китайско-латиноамериканский инвестиционный фонд промышленного сотрудничества (the China-LAC Industrial Cooperation Investment Fund), Китайско-латиноамериканский фонд сотрудничества (China-LAC Cooperation Fund) и специальная программа займов Китайско-латиноамериканских инфраструктурных проектов (Special Loan Program for China-Latin America Infrastructure Project).

Другим инструментом «мягкой силы» является культурно-образовательное сотрудничество, в том числе популяризация китайской культуры и китайского языка, что включает государственные программы по образовательным обменам, работу средств массовой информации на языках региона, проведение научных и образовательных мероприятий. Так, например, в январе 2015 года на заседании Форума Китай – СЕЛАК (Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна) был принят План сотрудничества Китая и латиноамериканских и карибских стран на 2015–2019 годы[1]. В данном документе важное место отводится культурному, образовательному и гуманитарному сотрудничеству Китая с регионом, подчеркивается важность стимулирования программ обмена и исследовательской мобильности между образовательными учреждениями и институтами. Кроме того, согласно документу, Китай предоставляет странам СЕЛАК 6 000 правительственных стипендий и 6 000 мест на обучение, а также 400 мест получения степени магистра на рабочем месте в Китае в период с 2015 по 2019 год. В 2016 году Китай и страны Латинской Америки провели Год культурных обменов, который включил в себя две составляющие: Фестиваль китайской культуры в Латинской Америке и Фестиваль искусств латиноамериканских и карибских стран в Китае[2]. В результате с марта по ноябрь 2016 года было проведено более 100 мероприятий с обеих сторон: музыкальные фестивали, переводы литературы, художественные выставки и т. д.

В Плане сотрудничества Китая и латиноамериканских и карибских стран на 2015–2019 годы также затронута тема сотрудничества прессы, СМИ и издательств. В документе отмечается необходимость

[1]Cooperation Plan (2015–2019) // China-CELAC Forum. 2015, January 23. URL: http://www.chinacelacforum.org/eng/zywj_3/t1230944.htm

[2]China-Latin America and Caribbean 2016 Year of Culture Exchange // China Culture. URL: http://en.chinaculture.org/ChinaLatinAmerica2016.html

развития кооперации между информационными службами КНР и странами СЕЛАК, подписания соглашений в сфере радио, телевидения и кинематографа, а также появления радио- и телепрограмм на китайском языке в странах региона[1]. На сегодняшний день такие известные издания, как «Синьхуа», «Жэньминь жибао», а также Международное радио Китая (*англ*. China Radio Interntional) ежедневно публикуют контент на испанском и португальском языках, а Центральное телевидение Китая (CCTV) имеет круглосуточный канал CGTN Spanish, который находится в свободном доступе в Интернете. Также на территории Мексики и Перу существует печатное издание китайского журнала China Today, который также имеет два испаноязычных сайта [Barrios, 2018]. КНР сотрудничает и с региональными изданиями: так, например, существует соглашение о сотрудничестве и публикации между китайской газетой «Жэньминь Жибао» и аргентинской «Насьон» (La Nación) [Гарбарт, 2019].

В популяризации китайского языка и культуры в латиноамериканских и карибских странах отметим важную роль, которую играют институты Конфуция. Всего в регионе функционирует 39 институтов и 11 классов Конфуция, где обучается более 50 000 студентов[2]. Институты Конфуция открыты в Аргентине, Бразилии, Чили, Колумбии, Коста-Рике, Мексике, Перу, Эквадоре, на Кубе и т. д. Эти образовательные центры играют ключевую роль в продвижении экономических интересов страны в Латинской Америке, поскольку способствуют улучшению понимания Китая среди латиноамериканцев, а это, в свою очередь, благоприятно влияет на экономическое сотрудничество.

Использование «мягкой силы» в Латинской Америке, несомненно, оказало позитивное влияние на построение отношений Китая со странами региона. Так, по результатам опросов общественного мнения в Аргентине в 2019 году у 79 % респондентов сложилось положительное впечатление о Китае, а 54 % считали сотрудничество Аргентины с Китаем более приоритетным, чем с США [Гарбарт, 2019]. В Чили о Китае положительно отзывались 77 % респондентов, 51 % считали отношения с КНР более приоритетными, чем с США. Более того, за последние четыре года три латиноамериканские страны – Доминиканская

[1]URL: http://www.chinacelacforum.org/eng/zywj_3/t1230944.htm
[2]拉美和加勒比地区孔子学院达39所 // 人民网. 2018-01-26. http://world.people.com.cn/n1/2018/0126/c1002-29788625.html

Республика, Республика Сальвадор и Республика Панама – установили дипломатические отношения с КНР вместо Тайваня[1]. Однако может ли активное применение китайской «мягкой силы» в регионе оказывать культурно-цивилизационное влияние на латиноамериканцев?

Культурно-цивилизационное влияние можно определить как воздействие культурных элементов одной цивилизации (религии, искусства, литературы) на другую, заимствование и распространение этих элементов и адаптация их к новым условиям. Самым ярким примером является влияние массовой культуры США, которое заключается в тиражировании американской музыки, литературы, фильмов, искусства в глобальном масштабе. Является ли китайская культура столь распространенной в Латинской Америке, как культура США по всему миру? Несомненно, некоторые элементы культуры Китая получили распространение в Латинской Америке: например, большую популярность обрела китайская кухня, появившаяся в регионе вместе с первыми китайскими мигрантами в XIX веке и «слившаяся» в некоторых регионах с местными кулинарными традициями [Capella Miternique, 2014].

Также распространение получили некоторые китайские виды спорта – цигун, тайцзицюань. Последний пользуется особым спросом в Перу, где была создана Латиноамериканская ассоциация тайцзи чэнь-стиля[2]. Директор Ассоциации, Хуан Васкес Санчес, изучавший искусство непосредственно в Китае, часто практикует тайцзи в местном парке в Лиме вместе со своими последователями; благодаря его работе, более ста перуанцев овладели этим искусством. Кроме того, в апреле 2013 года в честь празднования Всемирного дня тайцзи и цигун тысячи жителей Латинской Америки вышли на площади, улицы и в парки городов для масштабного перформанса[3].

Популярность среди латиноамериканцев набрали и некоторые товары китайского производства. Например, рыночная доля смартфонов фирмы Хуавэй составила 11,6 % в 2019 г., компания была третьей

[1]*Nugent, C. and Campell, C.* The U.S. and China Are Battling for Influence in Latin America, and the Pandemic Has Raised the Stakes // Time. 2021, February 4. URL: https://time.com/5936037/us-china-latin-america-influence.

[2]Peruvian Tai Chi Master Spreads Martial Arts in Latin America // China Daily. 2016, November 23. URL: https://www.chinadaily.com.cn/world/2016-11/23/content_27470937.htm#Content

[3]Chinese Martial Art in Latin America // BBC. 2013, April 28. URL: https://www.bbc.com/news/av/world-latin-america-22327844

в рейтинге продаж после Apple и LG, а к концу 2019 г. Хуавэй лидировал по продажам в Перу и был вторым в Чили и Колумбии [Uriegas, 2019]. Значительную долю на латиноамериканском рынке также занимают такие китайские бренды, как Chery, Lenovo, Alibaba и другие.

Тем не менее было бы ошибкой считать, что китайская культура «завоевывает» Латинскую Америку: лишь ограниченные элементы культуры Китая набирают популярность среди жителей региона, которые в целом мало знакомы с современной музыкой, литературой и кинематографом Китая. Популярность китайских товаров также не несет в себе глубоких познаний о Китае и распространения китайского образа жизни, привычек среди жителей Латинской Америки. По сей день ресурсы «мягкой силы» США имеют более мощное влияние на Латинскую Америку, нежели «мягкая сила» Китая.

Заключение

Подводя итог, необходимо отметить следующие моменты. Во-первых, в настоящее время Латинская Америка выступает как одно из важнейших внешнеполитических направлений для Китайской Народной Республики, несмотря на то что их отношения перешли в активную стадию всего два десятилетия назад. КНР удалось достичь высоких результатов в регионе: сегодня стороны сотрудничают по широкому кругу вопросов, включая экономику, торговлю, объёмы которой выросли более чем в десять раз; образование, культуру и т. д. Более того, три страны региона – Панама, Сальвадор, Доминикана – заключили дипломатические отношения с КНР, разорвав отношения с Тайванем.

Важную роль в выстраивании отношений с регионом сыграла китайская «мягкая сила», имеющая широкий круг источников и инструментов для создания позитивного образа страны у Латинской Америки. Основными формами китайской «мягкой силы» стали: экономическая помощь, включающая предоставление кредитов и финансирование различных инфраструктурных проектов; сотрудничество в сфере культуры и образования – студенческие обмены, проведение взаимных культурных годов, сотрудничество средств массовой информации, работа Институтов и Классов Конфуция, занимающихся преподаванием китайского языка за рубежом.

Несмотря на достигнутые высокие результаты в торгово-экономической сфере, популярность китайской кухни и некоторых видов боевых искусств, а также ряда китайских брендов среди жителей

Латинской Америки цивилизационно-культурное влияние Китая на регион остается незначительным. Большая часть жителей региона мало или совсем не знакома с Китаем и его культурой: популярной музыкой, кинематографом и т. д. Сегодня сотрудничество КНР и латиноамериканских стран в торгово-экономической и инвестиционной сферах является более глубоким, чем в культурной. Можно сделать вывод, что Китаю необходимо и дальше продолжать развивать инструменты «мягкой силы» в регионе, углублять образовательное сотрудничество, увеличивать количество студенческих и научных обменов, стимулировать развитие межуниверситетских связей и уделять больше внимания популяризации китайской культуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Зверева В. С.* Китай на просторах Латинской Америки: современные геополитические реалии // Вестник Московского государственного областного университета. 2019. № 2. С. 171–183.
2. *Сафронова Е. И.* [*и др.*] Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. М. : ФОРУМ, 2018.
3. *Простакишина Е. В.* Основные направления сотрудничества КНР и стран Латинской Америки // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2014. № 14. С. 53–57.
4. *Гарбарт М. И.* Основные источники «мягкой силы» КНР в Латинской Америке на современном этапе // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. № 4 (80). С. 907–914.
5. *Леонтьева Э. О.* Институты Конфуция как инструмент внешней политики КНР // Регионалистика. 2016. № 5. С. 51–59.
6. *Nye J.* Soft Power: the Origins and Political Progress of a Concept // Palgrave Communications. 2017. 3 (1): 17008. P. 1–3.
7. *Krumholtz M.* Chinese Loans to Latin America Run Dry // Latin America Reports. 2021, February 24. URL: https://latinamericareports.com/chinese-loans-to-latin-america-run-dry/5531
8. *Barrios R.* China's State Media in Latin America: Profile and Prospects // Asia Research Institute. 2018, May 28. URL: https://theasiadialogue.com/2018/05/28/chinese-state-media-in-latin-america-profile-and-prospects
9. *Capella Miternique, H.* Fusion in Multicultural Societies: Chifa Food as a Means of Spreading Chinese Culture in the Hispanic World // Asian Journal of Humanities and Social Studies. 2014. # 5. Vol. 02. P. 648–656.
10. *Uriegas F.* The Chinese Brands Latin Americans Love // Americas Quarterly. 2019, April 15. URL: https://www.americasquarterly.org/article/the-chinese-brands-latin-americans-love

REFERENCES

1. Zvereva, V. S. (2019). Kitay na prostorakh Latinskoy Ameriki: sovremennyye geopoliticheskiye realii = China's Presence in Latin America: Present-Day Geopolitical Realities. Bulletin of the Moscow Regional State University, 2, 171–183. (In Russ.)
2. Safronova, E. I. et al. (2018). Kitayskaya Narodnaya Respublika: politika, ekonomika, kul'tura = People's Republic of China: politics, economics, culture. Moscow: FORUM. (In Russ.)
3. Prostakishina, E. V. (2014). Osnovnyye napravleniya sotrudnichestva KNR i stran Latinskoy Ameriki = Key Areas of Cooperation of China and Latin America. Rossiya i Kitay: problemy strategicheskogo vzaimodeystviya: sbornik Vostochnogo tsentra, 14, 53–57. (In Russ.)
4. Nye, J. (2017). Soft Power: the Origins and Political Progress of a Concept. Palgrave Communications, 3 (1), 17008, 1–3.
5. Garbart, M. I. (2019). Osnovnyye istochniki «myagkoy sily» KNR v Latinskoy Amerike na sovremennom etape = Main Sources of Chinese «Soft Power» in Latin America in the Modern Era. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta, 4 (80), 907–914. (In Russ.)
6. Leont'yeva, E. O. (2016). Instituty Konfutsiya kak instrument vneshney politiki KNR = Confucius Institutes as a Tool of China's Foreign Policy. Regionalistika, 5, 51–59. (In Russ.)
7. Krumholtz, M. (2021). Chinese Loans to Latin America Run Dry. Latin America Reports. February 24. https://latinamericareports.com/chinese-loans-to-latin-america-run-dry/5531
8. Barrios, R. (2018). China's State Media in Latin America: Profile and Prospects. Asia Research Institute. 2018, May 28. https://theasiadialogue.com/2018/05/28/chinese-state-media-in-latin-america-profile-and-prospects
9. Capella Miternique. (2014). H. Fusion in Multicultural Societies: Chifa Food as a Means of Spreading Chinese Culture in the Hispanic World. Asian Journal of Humanities and Social Studies, 5, 648–656. Vol. 02.
10. Uriegas, F. (2019). The Chinese Brands Latin Americans Love. Americas Quarterly. April 15. https://www.americasquarterly.org/article/the-chinese-brands-latin-americans-love

Информация об авторах

Емельянов А. И. – кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой теории регионоведения Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета

Навдаева М. Е. – аспирант кафедры политологии Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета

Information about the authors

Emelianov A. I. – PhD (Political Science), Associate Professor, Head of the Department of the Theory of Regional Studies, Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty), Moscow State Linguistic University

Navdaeva M. E. – graduate student at the Department of Political Science, Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty), Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 12.07.2021;
одобрена после рецензирования 09.08.2021; принята к публикации 11.08.2021

The article was submitted 12.07.2021; approved after reviewing 09.08.2021; accepted for publication 11.08.2021

Научная статья

УДК 327

DOI 10.52070/2542-2197_2021_12_854_203

ФОРМИРОВАНИЕ КАТЕГОРИИ «МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ» КАК ОСНОВЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА В КОНТЕКСТЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

К. С. Куликова[1], Л. В. Моисеенко[2], Е. О. Шевелева[3]

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия,
[1]xenia_kulikova@inbox.ru, [2]liliamoiseenko.@gmail.com, [3]shevelev28@mail.ru

Аннотация. Исследование рассматривает концепт толерантности, традиционный для современных дефиниций цивилизованного социума в научных и публицистических источниках. Понятие толерантности приобретает все большее значение для антропологии; отсюда необходимость определить совокупный смысл данной категории и охарактеризовать языковые средства, при помощи которых она встраивается в восприятие человека. Толерантность не только констатация факта существования иных культур, это способность к принятию и пониманию их, к взаимоуважению и ведению конструктивного межкультурного диалога.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, поликультурализм, толерантность, цивилизация, лингвистические маркеры

Благодарности: Статья подготовлена в рамках научного проекта РФФИ № 20-512-07003 «Единая цивилизационная платформа России, Северной и Южной Осетии как основа поликультурного подхода в образовании и межэтнической толерантности»

Для цитирования: Куликова К. С., Моисеенко Л. В., Шевелева Е. О. Формирование категории «межэтническая толерантность» как основы цивилизационного подхода в контексте высшего образования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 12 (854). С. 203–214. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_12_854_203

Original article

THE FORMATION OF THE CATEGORY OF INTERETHNIC TOLERANCE AS THE BASIS FOR THE CIVILIZATIONAL APPROACH WITHIN THE CONTEXT OF HIGHER EDUCATION

X. S. Kulikova[1], L. V. Moiseenko[2], E. O. Sheveleva[3]

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia,
[1]xenia_kulikova@inbox.ru, [2]liliamoiseenko.@gmail.com, [3]shevelev28@mail.ru

CC BY

Abstract. The present study considers the concept of tolerance, traditional for modern definitions of a civilized society in scientific and publicist sources. The notion of tolerance is gaining more importance from the point of view of anthropology; this requires determining the overall meaning of this category and characterizing the linguistic means with which it integrates into human perception. Tolerance is not just stating the fact other cultures exist but the ability to accept and understand them, capability to mutual respect and to a constructive intercultural dialogue.

Key words: intercultural communication, polyculturalism, tolerance, civilization, linguistic markers

Acknowledgments: The paper was prepared within the framework of the RFBR scientific project # 20-512-07003 "A unified civilizational platform of Russia and North and South Ossetia as the basis for a multicultural approach in education and interethnic tolerance"

For citation: Kulikova, X. S., Moiseenko, L. V., Sheveleva, E. O. (2021). The formation of the category of interethnic tolerance as the basis for the civilizational approach within the context of higher education. Vestnik of Moscow State University. Humanities,12 (854), 203–214. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_12_854_203

Введение

Российская Федерация представляет собой многонациональное и многоконфессиональное государство, на территории которого проживают более 150 больших и малых народов. Иными словами, наша страна является крупнейшим поликультурным социумом, с множеством мировоззрений, религиозных обычаев и политических взглядов, и гармоничное развитие этого социума – как духовное, так и экономическое – не в последнюю очередь зависит от уровня толерантности каждого отдельного индивида.

Под толерантностью в самом широком смысле чаще всего понимают способность без вражды относиться к чужому образу жизни, в частности мнениям, взглядам, чувствам, языку, нормам и обычаям. Другая трактовка толерантности гласит, что это определенная мировоззренческая и нравственно-психологическая установка личности на то, в какой мере ей принимать или не принимать чужой образ жизни. Толерантность – это, прежде всего, готовность к конструктивному межкультурному общению и стремление проявлять те характеристики и допускать те высказывания, которые потенциально не способны привести к этническим конфронтациям [Biller, Stiegeler, 2008; Dzhioeva, Tibilova, Amelioncov, Sheveleva, 2021].

Несомненно, способность к проявлению высокой степени культурной толерантности зависит не только от морально-этических воззрений, но также от степени вовлеченности личности в данную культуру, что, в свою очередь, требует всесторонней осведомленности о различных особенностях рассматриваемой культуры – не только языковых, но и исторических, социальных и религиозных. Знания об ином мировоззрении благотворно влияют на систему межличностных отношений, способствуя позитивному взаимодействию людей, и обогащают личность новым культурным достоянием и общественным опытом.

В связи с вышесказанным, создание единой цивилизационной платформы России и Северной и Южной Осетии представляется необходимым фундаментом для разработки образовательных систем, основанных, прежде всего, на преодолении возможных этнических, идеологических и религиозных противоречий, а также на установлении гармоничных личностных и социальных отношений в рамках межкультурного диалога в различных коммуникативных ситуациях, от деловых до бытовых. Несомненно, подобные образовательные системы будут как нельзя лучше способствовать установлению и развитию межнациональной толерантности [Бондаренко и др., 2007].

Логично подчеркнуть, что «отправным пунктом» в создании подобной образовательной платформы как с лингвистической, так и с методологической точек зрения должно стать, во-первых, определение термина «толерантность», наиболее емко отражающее его смысл, релевантный в данном контексте; во-вторых, выявление как сходств, так и различий, характеризующих наши страны в плане политического строя и экономического устройства, общественного и культурного развития и религиозных воззрений, в-третьих, классификация лингвистических маркеров, отражающих вышеперечисленные сходства и различия и способствующих формированию языковой базы для осмысления и передачи значения термина «толерантность» в данном контексте, и, в-четвертых, подбор материала для ознакомления обучающихся с историей иного социума и его культуры. Актуальность создания подобной цивилизационной платформы обусловлена в первую очередь потребностями поликультурного образования, необходимого в условиях современных тенденций к глобализации. Антропологический и лингвокогнитивный подход к выработке межэтнической (как и любой другой) толерантности потребует, как следствие, разработки

новой методологии преподавания соответствующих дисциплин в рамках единой цивилизационной образовательной платформы.

В связи с проникновением инновационных технологий во все сферы жизнедеятельности человека, а именно, с мировым распространением интернет-средств массовой информации, в частности, социальных сетей, главной аудиторией которых являются представители молодого поколения (основные «доноры» и «реципиенты» как языковых, так и культурных инноваций, что немаловажно), на глобальной повестке дня оказываются такие вопросы, как, например, проблема возможных словесных «триггеров», способных привести к конфликтам на межкультурной, межрасовой или межрелигиозной почве. Как известно, язык – необходимое условие возникновения любой цивилизации и неотъемлемая ее часть, поскольку именно язык формирует общественное сознание и является хранилищем менталитета и культурного достояния того или иного этноса или государства. Создание лингвистического корпуса таких «проблемных» или «беспроблемных» лексических единиц (как слов, так и словосочетаний и / или формулировок) будет отвечать образовательным стандартам с дидактической точки зрения, а также наилучшим образом способствовать выработке толерантности и служить противодействием так называемому языковому экстремизму, как осознанному, так и неосознанному.

Как уже упоминалось, толерантность является фундаментальной категорией как с точки зрения общественных, так и лингвистических дисциплин и имеет широкий спектр определений. В социологии под толерантностью (лат. *tolerantia* – *терпение*, *терпеливость*) понимают терпимость к иному мировоззрению, поведению и образу жизни, как не равносильную безразличию, так и не означающую обязательного принятия этого иного мировоззрения, поведения или образа жизни. Толерантность заключается в осознании и принятии права другого индивида жить в соответствии с собственным мировоззрением [Большой словарь иностранных слов, 1998; Большой энциклопедический словарь, 2004; Философский энциклопедический словарь, 2011; Васильев, 2015]. С лингвистической точки зрения многоязычный современный мир предлагает множество «словесных» способов отражения как самой категории «толерантность», так и представлений людей об этом понятии и осмыслений его в рамках их индивидуальных культур в различных ситуациях общения. Следовательно, в центре внимания оказывается

непосредственно языковой материал для вышеперечисленных целей, а также факторы его селекции говорящим – психологические (особенности темперамента), поведенческие (эмоциональная сфера, влияние контекста или ситуации), социальные (качество образования и уровень эрудиции) и культурные. Иными словами, уровень проявления говорящим толерантности зависит от выбора им языковых средств как положительной, так и отрицательной коннотации.

Здесь следует отметить, что, вне зависимости от существования унифицированных определений, парадокс толерантности состоит в том, что в каждом конкретном социуме представления о ней могут и будут отличаться – на формирование данной категории мышления влияют именно общественные взгляды, которые, в свою очередь, сформированы в рамках определенных исторических, культурных и религиозных ценностей. Таким образом, сущность толерантности, в частности в российском и осетинском обществах будет определена по-разному, хотя и не лишена сходства в связи с тем, что базовые общечеловеческие ценности, к примеру семейные совпадают у всех этносов. Формы проявления толерантности, соответственно, также будут отличаться еще и в силу воздействия лингвистических факторов.

Итак, в связи с постепенным слиянием стран и культур в единое информационно-цифровое пространство понятие «политически корректное» вокабуляра прочно обосновалось в центре внимания самых разнообразных лингвистических исследований. Участники теледебатов и прочих публичных выступлений, знаменитости, блогеры, «инфлюэнсеры» и простые пользователи, активно посещающие чаты и форумы и ведущие личные страницы в соцсетях, сталкиваются с необходимостью тщательного отбора вербальных (а часто и невербальных в связи с широкой распространенностью фото- и видеоконтента) средств самовыражения и общения, и вынуждены тщательно анализировать собственные высказывания и подбирать слова во избежание конфликтных ситуаций (на любой почве), связанных с неоднозначным смысловым содержанием публикуемого.

Иными словами, осознанно подбирая либо нейтральные языковые средства, лишенные двусмысленного или оскорбительного подтекста, либо языковые средства, изначально направленные на эксплицитное выражение уважения и вежливости по отношению к определенной группе людей, определенной ситуации или событию, человек проявляет

толерантность на вербальном уровне. Следует подчеркнуть, что неудачный выбор высказывания необязательно проистекает от злого умысла и стремления проявить агрессию – часто причиной становится неумение оперировать определенными языковыми понятиями и / или недостаточно глубокие знания чужой культуры, что опять же подводит нас к необходимости создания единых цивилизационных платформ, которые будут использоваться в качестве образовательных средств.

Логично утверждать, что язык обладает определенным набором репрезентаций категории «толерантность» – эксплицитных (лексические единицы и их комбинации) и имплицитных (национально-культурные аллюзии и выбор правильной стратегии в построении логики высказывания). Говорящий анализирует избранный им лингвистический контент как на основании образовательных и социокультурных стереотипов, принятых в его обществе, и установленных морально-этических норм, так и через призму личных эмоций и характеристик, и таким образом оценивает его как положительный, нейтральный или оскорбительный. Грамотно организованная и реализованная образовательная стратегия является как раз тем средством, которое в данном случае будет способствовать нивелированию субъективности.

На территории собственно Российской Федерации вопросы межкультурной и межэтнической толерантности традиционно получают широкое освещение в средствах массовой информации и всегда имеют большую важность в силу, прежде всего, многовековых внутренних (межрегиональных) и внешних (с соседними и другими странами) культурно-исторических связей, а также миролюбивой внешней политики, направленной на укрепление взаимоотношений между государствами и этносами. Плотная межкультурная коммуникация осуществляется на территории нашей страны и за ее пределами благодаря разнообразным мероприятиям по внешнему и внутреннему культурному обмену, например фестивали, и благодаря учреждению различных фондов, призванных способствовать поддержанию и развитию иных этнокультурных сообществ [Абдулатипов, 2004].

Таким образом, продвижение толерантности и распространение «грамотности» по данному вопросу в этой связи является необходимым, отсюда, прежде всего, возникает вопрос о правомерности соотнесения понятия «толерантность» с понятием «терпимость», проистекающим из буквального латинского значения слова «толерантность».

Нам представляется, что эти концепты не могут считаться равнозначными – межэтническая и межрелигиозная толерантность, в частности, между россиянами и многочисленными народами Кавказа предполагает равноправие (как в случае с субъектами Федерации внутри нашей страны, так и с соседними республиками) и взаимоуважение, а значение слова «терпимость» сводится либо к необходимости выносить нечто малоприятное в ущерб собственным интересам, либо к попустительству и «закрыванию глаз» на что-то, и применение подобного термина к чужой религии, нации или культурным обычаям противоречит самому принципу толерантности как глубокому пониманию и широких взглядов.

Развитие у индивида такой языковой и этнокультурной компетенции, как способность анализировать собственный межэтнический и межкультурный дискурс, своевременно вычленяя «проблемное» содержание и заменяя его «беспроблемным» (иными словами, вводить в свою речь лингвистические маркеры, соотносящиеся с толерантностью), а также развитие умения правильно интерпретировать высказывания собеседника (с точки зрения тех же лингвистических маркеров толерантности) и соответственно на них реагировать должно стать первоочередной задачей образовательного подхода, базирующегося на создании единой цивилизационной платформы, в частности России и стран Кавказа.

Методы

С целью предварительно выявить мнения молодых людей, получающих высшее образование, относительно концепта «толерантность» вообще и предоставления им возможности широкого культурного обмена с народами Кавказа, в частности был проведен анонимный опрос. Участниками эксперимента стали 20 студентов обоих полов (в равном сочетании – 10 девушек и 10 молодых людей), русских по национальности, обучающихся в московских вузах на лингвистических факультетах и имеющих отличные оценки по таким гуманитарным дисциплинам, как история, литература, русский язык и иностранный язык (английский, болгарский и датский). Выбор участников с позиции преподаваемых им языков был неслучаен – критерием исключения являлось изучения любого из языков кавказской группы; это было сделано для обеспечения чистоты эксперимента.

Студентам были предложены опросные листы, составленные автором настоящего исследования и включавшие два раздела. Первый раздел предполагал выбор наиболее точного синонима к слову *толерантность*; в качестве вариантов были перечислены следующие лексические единицы: «либерализм», «плюрализм», «демократизм», «терпимость», «свободомыслие», «прогрессивность», «деликатность», «кротость», «доброта», «снисходительность», «приемлемость», «допустимость», «невзыскательность» [Толковый словарь русского языка, 1997]. Синонимы должны были располагаться в трех колонках со следующей градацией: «близкие», «приблизительные» и «далекие».

Во втором разделе был приведен обширный список культурных аспектов народов Кавказа, а именно – *история*, *литература* (в частности, народные сказки и поэзия), *музыка*, *изобразительное* и *декоративно-прикладное искусство*, *религия*, *общественное устройство* и *быт*, а также *нормы* и *правила этикета* в различных коммуникативных ситуациях. Участникам эксперимента следовало выбрать, с какими из данных аспектов они желали бы ознакомиться в большей или меньшей степени, для чего также предлагалось расположить выбранные аспекты в двух соответствующих колонках.

Результаты и дискуссия

Результаты проведенного опроса оказались информативными прежде всего с позиции лингвистической компетенции участников, а также с точки зрения осознания ими собственной национальной культуры и восприятия сквозь ее призму культуры других народов.

При заполнении первого раздела, участники опроса пришли практически к единодушному мнению, что ни один из предложенных вариантов не может в полной мере считаться точным синонимом понятия «толерантность» и, следовательно, не может быть употреблен как взаимозаменяемый к нему. Таким образом, первая колонка осталась незаполненной. Приблизительными синонимами рассматриваемого концепта, в некоторой мере схожими с ним в отдельных чертах или проявлениях, участники опроса назвали такие понятия, как «прогрессивность», «доброта» и «деликатность», отметив, тем не менее, что первое слово в большей степени ассоциируется с передовыми идеями, тогда как смысл толерантности во многом зиждется на принципах, «старых, как мир». Несмотря на это, вторая и третья лексические единицы также

были забракованы, поскольку, по мнению участников опроса, концентрируются, скорее, на особенностях темперамента и воспитания, однако тактичность не всегда подразумевает принятие как осознанную и широкую категорию. Слова *терпимость*, *приемлемость*, *допустимость*, *снисходительность* и *свободомыслие* были отнесены к третьей колонке и, более того, сочтены оскорбительными в связи с тем, что либо умаляют понятия, к которым применимы, либо звучат чрезмерно самодовольно и подразумевают некий общественный вызов. Слова *кротость* и *невзыскательность* были охарактеризованы, как инфантильные и пассивные, а *либерализм*, *плюрализм* и *демократизм* признаны участниками опроса слишком политизированными терминами, не отражающими в полной мере духовного и гуманистического смыслов, которые содержатся в категории «толерантность».

Таким образом, результаты первой части опроса наглядно демонстрируют необходимость вычленения «проблемных» или «беспроблемных» лексических единиц для обозначения, прежде всего, самой категории «толерантность», а также подбора более широкого языкового корпуса по рассматриваемой проблеме (затрагивающего политические, религиозные и культурные аспекты толерантности) для последующего включения его в лингвистический анализ в рамках методологического подхода к созданию единой цивилизационной платформы, в частности России и регионов Кавказа.

При заполнении второго раздела участники опроса также единодушно оставили вторую колонку незаполненной, изъявив желание расширить свои знания по всем предлагаемым аспектам, включая политику. Некоторые из опрошенных даже предложили расширить перечисленные категории – в частности, в ознакомление с литературным творчеством народов Кавказа они желали бы включить пословицы и поговорки, а также изречения, определенные ими как «восточная мудрость». В рамках изобразительного искусства, участники опроса хотели бы подробнее рассмотреть такой любопытный аспект, как запрет на изображение человека в религиозных канонах мусульманства. Таким образом, идея погружения в культуру, в данном случае соседних народов, показалась всем без исключения участникам опроса увлекательной, и они изъявили готовность к изучению соответствующих дисциплин, поскольку осознают, что это будет способствовать их интеллектуальному и духовному развитию.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает, что создание единой цивилизационной платформы России, Северной и Южной Осетии в рамках поликультурного подхода в образовании будет наилучшим инструментом воспитания в обучающихся межэтнической толерантности, необходимой для гармоничного развития как отдельной личности, так и российского общества в целом, отличающегося богатым этническим и культурным разнообразием. Для построения такой платформы необходима разработка соответствующей методологии преподавания в условиях поликультурного мира и новейших исследований психологии человека и общества. В этой связи, кроме прочего, следует:

– выбрать определение *толерантности*, наиболее полно отражающее его значение;

– создать корпус «проблемной» и «беспроблемной» лексики для осмысления и передачи значения термина «толерантность» и для безконфликтного выражения мыслей в рамках коммуникативных ситуаций самого различного толка.

– включить в преподаваемые дисциплины качественный материал, на основании которого можно описать и детально изучить как сходства, так и различия, характеризующие указанные регионы с точки зрения политики, религии, культуры и т. д.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Biller K., Stiegeler M.* Wörterbuch der Logotherapie und Existenzanalyse von Viktor Emil Frankl. Vienna : Böhlau, 2008.
2. *Dzhioeva V. et al.* Common civilizational platform of Russia and South Ossetia: consideration and reconsideration of the category of tolerance / V. Dzhioeva, L. Tibilova, A. Amelioncov, E. Sheveleva // The Scientific Heritage. 2021. # 3. Vol. 60. P. 68–71.
3. *Бондаренко Д. М.* [*и др.*]. Образование как фактор утверждения в обществе норм этноконфессиональной толерантности в условиях глобализации (на примере России, Франции и Танзании) / Д. М. Бондаренко, Е. Б. Деминцева, О. И. Кавыкин, И. В. Следзевский, Д. А. Халтурина // История и современность. 2007. № 2. С. 153–184.
4. Большой словарь иностранных слов. М. : ЮНВЕС, 1998.
5. Большой энциклопедический словарь. СПб. : Норинт, 2004.
6. Философский энциклопедический словарь. М. : Инфра-М, 2011.

7. *Васильев Г. Е.* Введение в философию культуры. М. : Директ-Медиа, 2015.
8. *Абдулатипов Р. Г.* Этнополитология: учебное пособие для студентов вузов. СПб. : Питер, 2004.
9. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. М. : Азбуковник, 1997.

REFERENCES

1. Biller K., Stiegeler, M. (2008). Wörterbuch der Logotherapie und Existenzanalyse von Viktor Emil Frankl. Vienna: Böhlau.
2. Dzhioeva V. et al. (2021). Common civilizational platform of Russia and South Ossetia: consideration and reconsideration of the category of tolerance / V. Dzhioeva, L. Tibilova, A. Amelioncov, E. Sheveleva. The Scientific Heritage, 3, 68–71. Vol. 60.
3. Bondarenko, D. M. et al. (2007). Obrazovaniye kak faktor utverzhdeniya v obshchestve norm etnokonfessionalnoy tolerantnosti v usloviyakh globalizatsii (na primere Rossii, Frantsii i Tanzanii) = Education as a factor in establishing norms of ethno-confessional tolerance in society in the context of globalizatiobn (on the example of Russia, France and Tanzania. Istoriya i sovremennost = History and modernity, 2, 153–184. (In Russ.)
4. Bolshoy slovar inostrannykh slov (1998). = Large dictionary of foreign words. Moscow: UNVES. (In Russ.)
5. Bolshoy entsikplopedicheskiy slovar (2004) = Large encyclopedic dictionary. St. Petersburg: Norint. (In Russ.)
6. Filosofskiy entsikplopedicheskiy slovar (2011) = Philosophic encyclopedic dictionary. Moscow: Infra-M. (In Russ.)
7. Vasilyev, G. E. (2015). Vvedeniye v filosofiyu kultury = Iintroduction into culture philosophy. Moscow: Direkt-Media. (In Russ.)
8. Abdudlatipov, R. G. (2004). Etnopolotologia: uchebnoe posobie dlya studentov vuzov = Ethnopolitics: study guide for students. St. Petersburg: Piter. (In Russ.)
9. Tolkovyy slovar russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy / Rossiyskaya akademiya nauk. Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova (1997) = Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions / Russian Academy of Sciences. V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language. Moscow: Azbukovnik, 1997. (In Russ.)

Информация об авторах

Куликова К. С. – кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета

Моисеенко Л. В. – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой лингвистики и профессиональной коммуникации в области права Московского государственного лингвистического университета

Шевелева Е. О. – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой стилистики английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета

Information about the authors

Kulikova X. S. – PhD (Philology), Associate Professor, Department of English Phonetics, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University

Moiseenko L. V. – Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor, Head of the Department of Linguistics and Professional Communication in the Field of Law, Moscow State Linguistic University

Sheveleva E. O. – PhD (Philology), Associate Professor, Head of the Department of English Stylistics, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 12.07.2021;
одобрена после рецензирования 09.08.2021; принята к публикации 11.08.2021

The article was submitted 12.07.2021; approved after reviewing 09.08.2021;
accepted for publication 11.08.2021

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 12 (854)

VESTNIK
of Moscow State
Linguistic University
Humanities
Issue 12 (854)

Над выпуском работали:
кандидат филологических наук доцент *А. О. Манухина*
доктор филологических наук доцент *Л. В. Моисеенко*

Редактор *Е. М. Евдокимова*
Верстка *Г. П. Лопатиной*
Дизайн обложки *А. Г. Проскурякова*

ФГБОУ ВО МГЛУ

Подписано в печать 28.11.2021
Усл. печ. л. 13,4. Формат 60x90/16
Заказ № 97/21

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

В «Вестнике Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям:

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (10.01.01)
5.9.2. Литературы народов мира (10.01.03)
5.9.3. Теория литературы (10.01.08)
5.9.5. Русский язык. Языки народов России (10.02.01)
5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Германские языки) (10.02.04)
5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Романские языки) (10.02.05)
5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (10.02.19, 10.02.20, 10.02.21)
5.10.1. Теория и история культуры, искусства (24.00.01)

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2021

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Ссылка на издание обязательна